

РОМАН НИКОЛАЕВ

**алакет
из рода быка**

Annotation

Повесть рассказывает о далеком прошлом Южной Сибири (III–I вв. до н. э.), о племенах земледельцев и скотоводов, создавших высокую культуру. В борьбе с воинственными кочевниками они отстаивали свою независимость. Автор, этнограф и археолог, органично вводит научные данные по культуре и быту аборигенов, оказавших влияние на формирование ряда современных народов Сибири.

- [Роман Викторович Николаев](#)
 - [Страна древних динлинов](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [Глава XV](#)
 - [Глава XVI](#)
 - [Глава XVII](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)

- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Роман Викторович Николаев
Алакет из рода Быка

Страна древних динлинов

Вместо предисловия

Когда ярким летним днем идешь или едешь по бескрайней хакасской степи, над волнующимся морем желто-зеленых трав возвышаются безмолвными суровыми стражами высокие бурые камни. Их десятки, сотни, тысячи. Часто между ними, словно горбы огромных верблюдов, поднимаются холмы-насыпи. Это курганы. Когда и кем воздвигнуты эти памятники далеких эпох? Часто можно встретить в степи каменные изваяния с человеческими лицами, украшенными изображением солнечных лучей, «корон», рогами баранов, оленей.

На других скульптурах — головы хищных зверей с оскаленными пастьями. Что за скульпторы соорудили в степи эти монументальные фигуры?

На отвесных скалах над Енисеем, Томью, в горах Алтая путник встретит многочисленные рисунки, выбитые на гладкой поверхности острым орудием или начерченные охрой. На них — бегущие олени, пасущиеся коровы, овцы, всадники с копьями, луками и боевыми молотами-клевцами, рубленые дома...

Не перечислить все сюжеты, воплощенные древними художниками. Кто они? Такие вопросы не одно столетие занимали умы ученых и путешественников. Срисовывали, а позже фотографировали каменные изваяния и рисунки на скалах, копали курганы и остатки древних поселений, записывали легенды и предания у местных жителей, в тиши архивов и библиотек изучали древние летописи.

В курганах находили скелеты людей, похороненных тысячелетия назад. Одни покоились под невысокими насыпями, другие — под монументальными земляными пирамидами, одни были захоронены в грунтовых ямах, другие — в каменных ящиках, третьи — в срубках из бревен. Вместе с похороненными находили кости коров, овец, иногда — лошадей. Возле умерших стояли глиняные сосуды. Мужчин сопровождало разнообразное оружие — бронзовые или железные наконечники стрел, копий, кинжалы, клевцы, точно такие же, как в наскальных рисунках.

Постепенно ученые приводили в систему накопленные научные данные, делали выводы.

Особенный размах приняло изучение древней истории Сибири в

советское время.

Много сделали для этого замечательные советские исследователи-археологи: С. А. Теплоухов, В. П. Левашова, С. В. Киселев, М. П. Грязнов, Л. Р. Кызласов, А. Н. Липский. Выяснилось, что древние могилы, рисунки на скалах, изваяния в степях относятся к разным эпохам. Одни из них сооружены тысячу лет назад, другие — две с половиной тысячи, третьи — шесть тысяч лет назад и т. д. Сквозь туманную даль веков мы увидели силуэты людей, которые жили на юге Сибири, трудились, создавая ценности общечеловеческой культуры в те давние времена. Народы и племена, жившие здесь в глубокой древности, не исчезли бесследно, а явились отдаленными предками народностей Сибири.

Интереснейшим периодом древней истории Южной Сибири явились III–I века до новой эры и первые века новой эры.

В то далекое время от Саянских гор на востоке до Алтая на западе жили племена, известные в древних летописях под названием динлинов. В I в. до н. э. их культура достигла высокого развития. Динлины жили в оседлых поселениях, в рубленых домах по берегам рек, обрабатывали землю бронзовыми мотыгами, разводили коров, овец, лошадей, охотились и ловили рыбу. Изображение такого поселка выбито острым орудием на скалах Бояры в Хакасии: деревянные избы, рядом с которыми раскинуты палатки пастухов, идущее стадо, жертвенные котлы.

Замечательным памятником динлинского искусства являются рисунки на скале Оглахты, где изображены сцены охоты, конь с рисунком солнца на крупе (видимо, здесь отразились верования динлинов), лодки и другое.

Динлины были искусными металлургами и кузнецами. Во многих местах на юге Сибири: в Хакасии, на Алтае, в Кузнецкой котловине — археологи находят древние разработки железных и медных руд, следы медеплавильных и железоплавильных печей.

Образцами литейного и кузнечного искусства динлинских мастеров являются прекрасные скульптуры, изображающие грифонов, нападающих на копытных животных (лошадей, баранов), оленей в летучем галопе, огромные бронзовые котлы на поддонах и другие предметы.

Археологические раскопки курганов той поры говорят нам, что в динлинских племенах выделилась родовая знать. Она владела большими стадами скота, одевалась в шелковые халаты, пользовалась роскошными колесницами и церемониальными зонтами. Этих племенных князьков и вельмож хоронили в огромных курганах с богатым инвентарем.

Своеобразной особенностью погребального обряда динлинов было класть в могилы глиняные и гипсовые маски умерших.

Благодаря этому мы можем сегодня сказать, что тип населения был смешанным. Некоторые маски воспроизводят монголоидные лица, но значительная часть из них показывает нам длиннолицых горбоносых европеоидов. Древневосточные летописи повествуют, что среди динлинов было много рыжеволосых и голубоглазых людей. И действительно, динлины были этнически разнородны, хотя и образовывали один племенной союз. Определенная часть из них, по-видимому, была сродни европейским и азиатским скифам, которые в эту эпоху обитали в обширных степях Евразии. Не случайно сделанные динлинскими мастерами золотые и бронзовые фигурки животных, стремительно несущихся в неведомую даль или переплетающихся в яростной схватке, так похожи на подобные изделия скифов. Не случайно ученые объединяют художественные изделия всей лесной и лесостепной полосы той эпохи от Дуная до Байкала как принадлежащие к так называемому «скифо-сибирскому звериному» стилю. Но вместе с тем в состав динлинов, по-видимому, входили и племена, говорившие на языках кетской группы.

Еще в XVII в. кетоязычные котты, арины и другие народы жили в Минусинской, Кузнецкой котловинах, окрестностях современного Красноярска, на Восточном Саяне. Позднее часть их вошла в состав хакасской народности и заговорила по-тюркски, другая же слилась с русским населением.

В наши дни к этой языковой группе относится лишь народность кеты, живущая в Туруханском районе Красноярского края.

О широком расселении кетоязычных племен в древности в Южной Сибири говорят кетские топонимы (названия местностей, рек, гор и т. п.). Количество этих топонимов в Южной Сибири огромно. Это топонимы на «уль» («ул»), что по-кетски значит «вода». Например, Усть-Яруль на Восточном Саяне, Тисуль в Кемеровской области, Барнаул на Алтае. Крупнейший специалист по языкам кетской группы профессор А. П. Дульзон установил, что кетское слово «сесь» — «река» на южно-кетских языках произносилось как «шет», «тет», «тат», «дат». Отсюда — топонимы: Тайшет, Туманшет, Итат, Баргат, Барандат и так далее. Название протекающей в Кузбассе реки Терсь значит по-кетски «выдра».

Еще в конце XIX — начале XX столетий такие крупные исследователи, как Н. А. Аристов, Г. Е. Грумм-Гржимайло, приходили к выводу о том, что современные кеты — это потомки древних динлинов, продвинувшиеся на север под напором других племен.

Сами кеты до сих пор рассказывают, что некогда их предки жили «вверху за Камнем», иначе говоря, на верхнем Енисее за горами Саяно-

Алтайской системы.

Однажды, повествует кетская легенда, на кетов напали чудовищные великаны-людоеды, от которых кетам пришлось бежать в северные таежные просторы.

Кто же были эти могущественные враги, заставившие кетов-динлинов отступить далеко на север?

По-видимому, эти события связаны с нашествиями гуннов (хунну).

Древние летописи сообщают, что в III в. до н. э. в степях современной Монголии возникла могущественная полукочевая империя хуннов, основанная каганом (царем) Модэ, сыном Туманя. Некоторые летописи говорят, что в этот период хунны покорили огромную территорию от Хами до Каспийского моря.

Под властью хуннских каганов оказались племена, жившие в современных Монголии, Южной Сибири и Туркестане.

Панцирные массы хуннской конницы держали в страхе все пограничные народы.

Хуннский каган, его двор, родовая аристократия утопали в роскоши от награбленных богатств. Однако на севере, в Южной Сибири, свободолюбивые динлины оказали захватчикам ожесточенное сопротивление. В хрониках этого времени динлинам уделяется немного строк, но как они многозначительны! В рассказах о деяниях почти всех каганов, следующих за Модэ, есть небольшая строка: «...на севере покорил Динлин». Но если каждому новому кагану приходилось вновь покорять Динлин, значит ни одному из них это не удалось!

В I в. до н. э. окрепло сопротивление хуннам со стороны их соседей, усилилось и противодействие покоренных племен.

Одновременно влиятельные хуннские князья стали стремиться к независимости от верховной власти кагана и даже претендовать на престол.

Хуннское могущество начало клониться к закату.

Через столетие северные хунны под ударами монголоязычных сяньбийцев пустятся в далекое странствие на запад в поисках пастбищ, данников и рабов. Они выйдут из глубин Азии на реку Итиль (Волгу), откуда в V в. н. э. обрушатся под именем гуннов во главе с каганом Атиллой на ужаснувшуюся Европу...

И поразительно! Имя их в языках германцев приобретет то же значение (великан-чудовище), что и в кетских сказаниях. По-немецки «великан» — *der Hüne*.

В этой книге автору хотелось познакомить юного читателя со свободолюбивыми динлинами, вступившими в неравную борьбу с

поработителями — хуннскими каганами. Многого знаем мы о динлинах, но далеко не все. О том, как и чем жили они, мы знаем по археологическим раскопкам и наскальным рисункам.

На Оглахтинской скале среди древних рисунков есть изображение великана в рогатом головном уборе, который держит в руках двух маленьких людей. Эта композиция обведена линией, которая очень похожа на план каменной стены; ее развалины окружают Оглахтинский горный узел. В свое время И. Т. Савенков, которого называют отцом сибирской археологии, полагал, что этот рисунок символически изображает некоего правителя, по воле которого стена была воздвигнута.

Это изображение и навело автора на мысль ввести в свою книгу эпизод строительства стены, ограждающей владения племени Огненного Кольца от хуннских набегов.

Кстати, названия динлинских племен, как и собственных имен динлинов, вымышлены автором, хотя им взяты за основу кетские и индоиранские корни (на индоиранских языках говорили и азиатские и европейские скифы. Вероятно, говорила на одном из этих языков и «скифская» по происхождению часть динлинов).

Древние письменные источники не сохранили для нас ни имен динлинов, ни названий племен и родов. Однако мы знаем, что в то время существовала традиция вести происхождение рода от какого-либо животного. Поэтому с полным правом мы можем утверждать, что были среди динлинов и род Быка, и род Оленя, и род Барана.

С большой долей вероятности мы можем «реконструировать» некоторые из динлинских обрядов и обычаев. К каменным изваяниям в южносибирских степях, многие из которых современные хакасы осмысливают как изображения женщин («иней-тас» — «старуха-камень», «кизи-тас» — «девушка-камень»), хакаски обращались в старину с просьбой даровать потомство. Ученые установили, что эти изваяния сооружены еще в «додинлинское» время в конце III — начале II тысячелетия до н. э. Связанные же с ними поверья прошли через дали веков и сохранились до недавнего прошлого.

Мы можем восстановить и некоторые детали, связанные с брачными обрядами.

У кетов на нижнем Енисее еще в недалеком прошлом родственники жениха ночью ставили у входа в жилище родителей невесты котел, наполненный различными ценностями, составлявшими выкуп.

Если выкуп сородичам невесты казался мал или они не были согласны на брак, то опрокидывали котел, а вещи разбрасывали. На следующую ночь

члены клана жениха снова ставили котел, куда добавляли более ценные дары. Если родня невесты удовлетворялась этим, то котел забирали в жилище, и это было знаком согласия. Но бывало, что котел опрокидывали снова, и «торг» велся до тех пор, пока родители невесты не давали согласия или сородичи жениха не отказывались от сватовства.

Своеобразный обычай! Но самое интересное, что в старинных сказаниях и легендах кетов описывается совершенно иной обряд сватовства.

Поэтому мы можем предположить, что у докетского населения северной тайги обычаи были иные, а сватовство с котлом принесено переселенцами — кетоязычными динлинами — с юга.

Смешавшись на севере с таежными аборигенами, динлины передали им свои свадебные обычаи и обряды, а сами восприняли их фольклор, где сохранилась память об обычаях докетских или додинлинских.

Важно и то, что прекрасный знаток народов Сибири, известный этнограф Б. О. Долгих нашел много общего в свадебных обрядах кетов и хакасов. Это и не удивительно, ибо на рубеже последних веков до н. э. и первых веков н. э. не все динлины ушли на север. Значительная часть их осталась в Южной Сибири, где смешалась с пришедшими сюда тюрками (кыргызами, уйгурами и др.) и вместе с ними положила начало современным южносибирским народам. О населении древнехакасского государства, возникшего на верхнем Енисее в V–VI вв. н. э., летописи прямо говорят, что его «жители перемешались с динлинами».

Сюжет книги построен на основе драматических событий, действительно происходивших в Центральной Азии и Южной Сибири в I в. до н. э.

Во время ожесточенных междоусобных войн в хуннской державе один из членов рода каганов Уцзи-Дуюй (Узун-Дугай) заявил свои права на престол. Этот князь опирался на динлинов, которые, очевидно, поддержали его, стремясь использовать как свое орудие в борьбе против хуннского господства. Однако каган Хуханье (Ойхан) разгромил войска союзников, казнил Узун-Дугая, но и сам потерпел разгром от другого претендента на престол — своего брата Хутууса, который, став каганом, принял новое имя — Чжи-чжи. Это было началом длительного противоборства двух хуннских каганов: северного (Чжи-чжи) и южного (Ойхана). С тех пор и до самого крушения хуннского владычества в Центральной Азии продолжали существовать два каганата.

Как повествуют летописи, в 47 г. до н. э. Чжи-чжи-каган со своей ордой вторгся в окрестности озера Хиргис-нур (в переводе: озеро

кыргызов) в нынешней Северной Монголии. На этой территории располагались кочевья тюркоязычных кыргызов. Вытесненные со своей земли кыргызы отошли на север под прикрытие гор в Минусинскую котловину. Здесь они смешались с динлинами, а частью оттеснили их к северу. Это и нашло отражение в динлинских погребальных масках; одни из масок европеоидны, другие монголоидны, третьи имеют смешанные черты. Большинство оставшихся на месте динлинских племен восприняли тюркский язык пришельцев и ряд особенностей их культуры. В то же время культура динлинов оказала сильнейшее влияние на кыргызов. В свою очередь, культура средневековых кыргызов явилась одной из важнейших основ для формирования национальной культуры хакасов. Такова историческая и культурная роль древних динлинов в судьбах народов Южной Сибири, да и Центральной Азии. Да только ли этих областей? Соппротивление динлинов хуннам, вероятно, существенно ослабило мощь последних, когда они предприняли свой гигантский по масштабам бросок из Азии в Европу...

Древние источники не сохранили для нас имен вождей динлинов и кыргызов в период их самоотверженной борьбы с хуннами. Тем не менее нельзя считать героев книги — Алакета из рода Быка, его прославленного деда Хориана, жестокого властолюбивого кыргызского вождя Алт-бега только плодом авторской фантазии.

Бурные события эпохи Великого переселения народов (а оно началось именно в последние века до н. э. и первые века н. э. и связано как раз с хуннскими походами) обусловили появление героев с подобными характерами, мыслями и чувствами. И поэтому мы смело можем сказать, что среди динлинов, кыргызов, ухуаньцев две тысячи лет назад жили люди, которые могли быть прообразами Алакета, Кенгир-Корсака, Гюйлухоя и других героев этой книги.

Итак, дорогой читатель, окинь мысленным взглядом привольные степи, величественные горы, красногрудые утесы, вздыбившиеся над Великой рекой, словно нетерпеливые кони, и — добро пожаловать в гостеприимное селение рода Быка, раскинувшееся в привольной долине, на земле гордых, свободолюбивых динлинов — предков современных коренных народов нашей Сибири.

Автор

Глава I

Юная динлинка Фаран приобщается к «таинству каменной матери»

Утренняя заря брызнула золотисто-розовым светом на гребень горного хребта. Густые травы под искрящейся росой клонились к земле. В березовом перелеске постукивал дятел. От реки тянуло прохладой. По долине двигались легкой рысцой всадники в кожаных халатах. Ветерок подхватывал неприкрытые волосы мужчин, лисьи хвосты на шапках женщин.

В поводу вели неоседланного коня. Розовые блики скользили по лебедино-белой шерсти его и гриве.

Всадники миновали березовую рощу и выехали к небольшому овражку. Женщина, скакавшая впереди остальных, остановила коня и повернулась. Из-под седых бровей холодно поблескивали зеленовато-водянистые маленькие глазки. Нос с горбиной почти пересекал тонкую линию впалого рта. На ней остроконечная зеленая шапка, отороченная лисьим мехом. Три бронзовых диска сверкали на груди, причудливой формы бубенцы позванивали на спине. В руке — цветущая ветвь.

— Родившийся мужчиной не ступит дальше! — визгливо прокричала она.

Белокурой юноша, с едва пробивающимся над верхней губой пушком, передал повод неоседланного коня девушке, закутанной в красное покрывало, и вместе с двумя пожилыми мужчинами отъехал в сторону.

Дальше всадницы двинулись одни. Они переехали овражек и приблизились к подножию горы, зеленый склон которой пересекал ряды красно-бурых камней.

За поворотом показался холм. На нем — серый каменный столб, издали похожий на большую саблю, поднятую к небу острием.

Не доезжая двухсот шагов, всадницы спешили и, взяв коней за поводья, направились к столбу, который вблизи оказался фигурой в остроконечной шапке. Грубо высеченное лицо равнодушно смотрело поверх голов приближавшихся женщин. На животе изваяния выбита огромная бычья морда с расходящимися рогами.

Женщины опустили перед изваянием на колени.

Старуха с дисками на груди приняла из рук девушки повод белого

коня, встав на полпути между изваянием и женщинами. Схватив левой рукой коня за недоуздок, она резким движением заставила его опустить голову, а правой выхватила из-за пояса длинное бронзовое шило и вонзила его в шею животного.

Пораженный ударом, конь рванулся в сторону, но, сдерживаемый твердой рукой, повалился на колени. В мгновение ока все было кончено. Старуха подняла окровавленные руки к небу и, позванивая украшениями, пошла вокруг изваяния, убыстряя шаг, приплясывая.

Над холмом и долиной в такт звону полились звуки ее пения:

— Грива белого коня стала лебедиными крыльями! С вершин гор я ступаю на облака! Я лечу в жилище великой матери! Большой дракон стоит на страже у ее ворот! Он не хочет меня впустить! Впусти меня, великий дракон! Вот маленькое солнце на моей груди! Ты не можешь ему противиться!

Она, будто прорываясь через упругую невидимую завесу, шла вперед, изгибаясь всем телом. Вдруг она стремглав бросилась к столбу, внезапно остановилась и упала на колени.

— О, великая мать! Почтительнейшая из дочерей твоих, покорнейшая из служанок твоих решает тревожить тебя. Душа девушки обращается к твоему покровительству. Она шлет тебе в подарок белого коня. Дозволь ей говорить с тобой!

Старуха, повелительно взглянув на девушку в красном покрывале, сделала знак приблизиться. Та, испуганно вглядываясь, робко подошла, стала рядом с ней на колени и начала повторять слова:

— О, великая белая каменная мать! Все животные имеют детей. У всех птиц есть дети, у всех рыб есть дети! А я не хуже ни зверя, ни птицы, ни рыбы! Дай мне детей! Если ты дашь мне детей, я и мое потомство всегда будем чтить тебя. Всегда будем благодарить тебя! Всегда будем благословлять тебя!

Затем заговорила одна старуха:

— Крылья орла помогут мне спуститься из чертогов великой матери! С облаков я ступила на вершины гор! Я спускаюсь все ниже! Вот я у своих дочерей!

Бессильно опустившись на траву, она закрыла глаза. Женщины обложили сухим кустарником труп коня. Удар камня о камень — и пучок травы начал дымиться. Когда пламя, подхваченное ветром, высоко взметнулось, женщины одна за другой стали бросать в костер кто связку бус, кто бронзовую бляшку, кто маленькое металлическое изображение бегущего оленя, коня или козла.

Старая шаманка открыла глаза и поднялась с земли. Луч солнца упал на бронзовый диск, и золотой отблеск-зайчик скользнул по лицу девушки.

— Добрый знак, — сказала шаманка, — белая каменная мать услышала твою просьбу.

Так на третий день после свадьбы юной Фаран шаманка Байгет из рода Быка посвятила ее в доступное лишь женщинам «таинство каменной матери»!

Глава II

Дед Хориан и внук Алакет

Дом старого Хориана, как и все дома селения, был наполовину врытым в землю срубом из лиственничных бревен. Сверху его словно придавило двумя слоями наката, и все сооружение покрывало огромное полотнище из сшитых кусков вываренной бересты. Дым из каменного очага в центре дома уходил прямо в дверь.

Когда маленький Алакет не спал, он часто видел деда Хориана восседающим на груди шкур, погруженным в раздумье. В течение дня несколько раз отец и дядя приносили убитых козлов или оленей, из мяса которых мать Алакета Фаран и тетки варили еду.

Утром дед, теребя бороду, говорил властным голосом:

— Гелон и Хангэй погонят на дальние пастбища коней и овец, Асмар и Паан поедут на охоту, а Дунгу — на рыбную ловлю. Женщины пойдут в поле все, кроме Тынгет и Фаран, которые будут готовить пищу.

Так начинался день. Иногда в поле шла Фаран. Она привязывала маленького Алакета платком у себя за спиной и шагала с мотыгой к подножию холма вместе с толпой других женщин.

Придя в поле, мать рыхлила землю мотыгой с бронзовым наконечником, а малыш то гонялся за пестрой бабочкой, то пытался незаметно подкрасться к застывшему рыжим столбиком суслику или ловил верткую зеленую ящерицу, удивленно глядя на извивающийся в ручонке хвост, в то время как бесхвостая ящерица скрывалась в траве.

Иногда он убегал далеко, не обращая внимания на наставления матери.

Тогда Фаран грозила:

— Смотри, придет злой хунн^[1] и увезет тебя далеко-далеко в безводную пустыню.

Ребенок, испуганно глядя вдаль, перебирался ближе к матери.

Однажды теплым летним утром, когда по всей степи неслось пение кузнечиков, голубоглазый светлоусый Хангэй взял сына на руки и вышел из дома. Минута — и стройный гнедой конь мчал их на окраину селения к овечьим стадам.

Там собрались тетки и дяди Алакета, его маленькие братья и сестры. В центре семейного круга сидел дед Хориан. Халат его был распахнут, и на обнаженной груди виднелись вытатуированные красным и черным цветом

тигры и барсы, быки и орлы. Это были знаки славных дел Хориана на войне и охоте.

Отец поставил Алакета рядом с матерью, затем погнал коня к испуганно шарахнувшейся отаре. На полном скаку, перегнувшись с седла, подхватил он огромного барана с завитыми рогами и, перекинув яростно отбивавшееся животное поперек седла, поскакал назад.

И вот баран стоит перед маленьким Алакетом и свирепо косит взглядом. Отец держит его за рога.

— Держись крепче, — шепчет сыну Фаран, сажая его на мохнатую спину дрожащего от ярости животного. Маленькие ручки вцепились в шерсть, освобожденный баран, сделав несколько прыжков вбок, вскинул задом и понесся в степь. Дома и горы, роца и стремительно отдаляющаяся толпа родственников пляшут перед глазами Алакета. Иногда земля будто становится на дыбы и сам он летит неведомо куда. От встречного ветра, а может быть, и от страха перехватывает дыхание. Малыш крепко прижался к спине животного. Немеют вцепившиеся в шерсть ручонки. Алакету кажется, что он вот-вот кувырком полетит под копыта барану. Но что это? Движения косматого зверя стали вялыми. Он тяжело дышит. Вот он поднял голову и заблеял удивленно и жалобно.

Облегченно вздохнули, улыбаясь, женщины в толпе. Лица мужчин остались невозмутимыми, но в глазах мелькнула довольная искорка, а дед Хориан сказал:

— Будет охотником!

Теперь Хангэй, когда ехал в степь к стадам, брал сына с собой.

Там Алакет вместе с отцом и дядей по многу дней жил в палатке из войлока, питаясь, как и они, мясом диких козлов и оленей, овечьим сыром и молоком.

Хангэй сделал Алакету маленький лук и стрелы с костяными наконечниками. На березовой дощечке отец вырезал ножом круг с точкой посередине и повесил его на ветку куста.

Утром и вечером маленький Алакет упражнялся в стрельбе. Он старательно целился в круг, а отец приговаривал:

— Пусть рука твоя не дрогнет, как серая скала над рекой, сын мой. Пусть глаз твой, как глаз степного ястреба, не мигнет, когда спустишь ты тетиву.

Иногда отец показывал суслика, стоявшего столбиком вдалеке, и говорил:

— А ну попади!

Часто стрела летела мимо и падала в траву, а суслик желтым комочком

стремглав удирал в норку. Тогда Алакет сердито хмурился, отчего топорщились белесые щетинки бровей, больно прикусывал нижнюю губу.

Он подолгу стоял против березового круга, держа лук в вытянутой руке, стараясь не мигать. И чем дальше, тем чаще стрела попадала в цель, мальчик вприпрыжку бежал за своей добычей и со счастливой улыбкой приносил ее отцу. Тот гладил его льняные волосы, похлопывал по плечу:

— Старайся, сын. Будешь охотником. Однажды, когда дед Хориан, сидя возле дома, беседовал с сыновьями, взгляд его упал на внука, игравшего невядалеке с братьями в «набег на хуннов». Они проникли в безводную степь и собирались внезапным налетом захватить в плен самого кагана. Им был старый козел, который пасся на лужайке и совсем не подозревал об опасности.

— Алакет, — позвал дед, — иди сюда, внук мой!

Мальчик подбежал к старику и в знак уважения склонил голову.

— Хангэй, — продолжал старик, — сможет ли сын твой попасть стрелой в глаз вороны, что села на ветвь вон той березы?

— Ты слышал, что сказал дедушка? — проговорил Хангэй. — Ответь же ему сам.

— Да, смогу, — ответил Алакет.

Мелькнула стрела, и ворона, пораженная в шею, замертво свалилась с дерева. Лицо отца потемнело. Могучая ладонь с размаху опустилась на шею Алакета. Едва устояв на ногах, он с плачем бросился в дом.

— Мама, мама, за что отец ударил меня?

Улыбка любви и жалости тронула губы Фаран. Глаза заволокло влагой.

— Отец сердит на тебя, сынок... Слово динлина должно быть как скала. Стрела его должна лететь, куда он ее посылает, и везде настигать коварного хунна, даже если тот обратится в маленького воробья или верткую ящерицу. А если уж ты не мог попасть куда велел тебе дед, то не надо было обещать этого. Настоящий динлин никогда не хвастает попусту... А плакать не надо. Настоящий динлин^[2] умеет улыбаться, даже

когда враги пронзают стрелами и жгут огнем его тело.

Поздно вечером, лежа под теплыми шкурами, Алакет услышал, как дед говорил отцу:

— Ты думаешь, виноват сын? Виноват ты сам! Ты плохо учил его. Разве когда ты оступался на дороге жизни, я не протягивал тебе руку? Наказав сына, объяснил ли ты ему, в чем его вина? Ты не был плохим сыном, Хангэй! Не будь же скверным отцом. Хорошо учи сына, и да не будет тебе позором, что я сам должен буду его воспитывать!

Алакет представил себе отца, всегда гордого, спокойного и сильного, как он стоит перед дедом, со стыдом потупив глаза и опустив голову, и почувствовал, как комок подкатывается к горлу. Ему захотелось броситься к отцу: «Отец, отец, я буду стараться, я не буду попусту бросать слов!» Но он вовремя вспомнил, что настоящий мужчина должен уметь владеть своими чувствами, и затаил дыхание.

Алакет стал реже играть с братьями, сестрами и сверстниками. Целыми днями он бродил вокруг селения и упражнялся в стрельбе. Когда отец или дяди брали его в степь, он уходил далеко от палатки, выслеживая то суслика, то зайца, то лису.

И однажды вечером, когда он, задумавшись, сидел на пороге дома, вышел дед и заговорил:

— Ну, Алакет, не покажешь ли ты мне, чему научился за это время?

И мальчик смело ответил:

— Смотри, дедушка, вон березовая ветвь, — он указал на ту самую ветвь, где некогда сидела злополучная ворона. — На конце ее трепещет желтый лист. Я срежу его стрелой и при этом не поврежу ни ветки, ни самого листа.

Старик удивленно взглянул на внука. Взвилась стрела — и лист, плавно покачиваясь, поплыл в воздухе.

Когда вечером Хангэй осадил гнедого коня у дверей дома, навстречу ему вышел улыбающийся Хориан:

— Ну, сынок, я знал — Алакет будет настоящим динлином!

Глава III

Род сватает Алакету невесту

Осенним утром Угунь из рода Оленя вышел из дома. Дальние горы окутывала плотная завеса тумана. В степных травах слышался пересвист ранних пичужек.

Угунь глубоко вздохнул, потянулся, посмотрел вниз, где виднелось наполовину сжатое ячменное поле, повернулся к двери и... обмер.

У двери стоял большой глиняный сосуд. Из него торчал рыжий лисий хвост. С бьющимся сердцем Угунь подошел к сосуду и стал осторожно перебирать содержимое. Там оказались несколько связок беличьих и сусликовых шкурок, три лисьих и одна рысья, четыре кинжала с изображениями на перекрестье бычьих голов и превосходный убор с серебряными бляшками для верхового коня. На бляшках изображен круг и два бычьих рога по бокам.

Радостное минуту назад лицо Угуны исказилось, он яростно швырнул убор в сосуд. Издали послышался мерный топот. Старик сосед остановил коня возле Угуны.

— Мир дому твоему, Угунь. Я вижу, его посетило счастье. Кто-то сватает твою первую внучку, что родилась двадцать дней назад.

— Будь счастлив, почтенный, — Угунь наклонил голову, — но мало радости в том, что люди рода Быка беспрепятственно разгуливают возле наших домов.

— Почему ты точишь стрелы на род Быка? — возразил старик. — Люди его всегда были тверды, как железо клевца, и верны своему слову. Они не запятнали чести динлинов...

— А заветы предков? — воскликнул Угунь. — Разве они не нарушили обычая, когда не только свели дружбу с иноплеменниками кыргызами,^[3] но даже жен берут не из своего племени, а у этих новых своих друзей? Они стали врагами племени. Разве ты забыл, что случилось три года назад, когда наш старейшина отбил табун коней у этого рода кыргызов? Старый Хориан из рода Быка и его сыновья преградили нам путь...

— И правильно сделали, — подхватил старик. — Жадность старейшины заставила его уподобиться рыбе, загрязняющей пруд. Наша сила в дружбе с кыргызами. И нам и им хватит места, враг у нас обоих один — злобные каганы хуннов.

— Что говоришь ты, почтенный? — возмутился Угунь.

Он схватил сосуд и, вывалив содержимое на землю, поставил его вверх дном.

— Недаром сказал старейшина, — продолжал он злобно, — что и в нашем роду появились люди, забывающие заветы предков...

Но старик перебил его:

— С тех пор, Угунь, как ты стал воином в дружине старейшины, ты начал презирать соплеменников и с пренебрежением относиться к советам стариков, но вот тебе мое последнее слово: если не хочешь беды, опрокинь сосуд дважды по обычаю, но в третий раз возьми его к себе в дом.

Целый день Угунь был не в духе. Он отругал сыновей, накричал на молоденькую младшую жену, избил раба, не вовремя попавшегося ему на глаза.

Когда на другой день он вышел из дома, то, даже не взглянув на сосуд, который снова, как по волшебству, стоял полным у его двери, вывалил на землю содержимое. Но тут произошло нечто такое, отчего глаза Угуны широко раскрылись, колени задрожали мелкой дрожью, а воздух, который он не успел выдохнуть, остановился в горле.

По воздуху, плавно покачиваясь, плыло оказавшееся на дне сосуда перо филина. Угунь перевел дух, подавил дрожь и тогда отчаянным голосом крикнул:

— Раб! Коня! Зови сыновей!

Пожилой раб-ухуанец^[4] выскочил из-за дома, бросился исполнять приказание. Два младших сына — рослые и широкоплечие красавцы — встали рядом с Угунем.

— Скачите в отару, — приказал Угунь, — возьмите там двадцать овец и поймайте в ближнем косяке лучшего коня: едем к шаману.

Через некоторое время мужчины, едущие на охоту, и женщины, идущие в поле, могли видеть Угуны, который гнал коня и овец к дому шамана. Раб и сыновья помогали ему.

Наконец они достигли частокола высотой в три человеческих роста, из-за которого выглядывала четырехскатная черепичная крыша. Громко залаяли псы в ограде. К воротам подошел толстый, длинноусый, со скучающим взглядом прислужник шамана. Узнав дружинника старейшины, он низко склонил голову:

— Какая счастливая звезда привела тебя к нам, почтенный?

— Передай Великому, — ответил Угунь, — что мне очень нужен его совет. Передай также, что я подношу ему дар: двадцать овец и прекрасного белого коня.

Прислужник ушел и вскоре вернулся:

— Великий по поручению богов принимает для них твой дар, но говорить с тобой не может, так как готовится к беседе с владыкой неба.

— Хорошо, — сказал Угунь. — Передай Великому в знак нашего уважения вот это.

Он отвязал от седла большую, сшитую из шкур четырех лап тигра суму, полную беличьих шкурок, и подал прислужнику. Тот снова ушел, а вернувшись, сообщил:

— Великий приказал мне коротко узнать у тебя, в чем дело. После этого он даст совет, как тебе поступить.

— Так, — проговорил Угунь, — отнеси ему еще вот это.

И он достал четыре золотых бляшки в виде оленей и две такие же подвески в форме звериной лапы с тремя прямыми когтями.

— Возьми и ты себе подарок, честный служитель, — продолжал Угунь, доставая кольцевидные бронзовые серьги с искусно сделанными головами змей.

Теперь прислужник, выйдя из дому, встал сбоку от двери, а на пороге появился шаман, приземистый и широкоплечий, с длинным лицом, изборожденным морщинами. На нем голубой халат с рисунками красных грифонов.^[5]

— А! — воскликнул он, делая обеими руками широкий жест. — Да это славный Угунь?! А нерадивый слуга даже не сказал мне, какой желанный гость ожидает меня у ворот!

Он окинул опытным взглядом овец и коня и, видимо, остался доволен. Затем он пригласил Угуня в дом, а сыновья и раб остались на улице. Войдя в дом, шаман и Угунь опустили на шкуры, лежащие на полу. Двое рабов принесли в раскрашенных глиняных мисках вареную баранину, а в чашках — пьянящий напиток из кобыльего молока.

После взаимных расспросов о здоровье, стадах и урожае ячменя шаман наконец спросил:

— Какое же дело у тебя ко мне, славный Угунь?

— О, Великий, вчера я увидел у своих дверей сосуд сватовства.

— Счастье семье твоей, Угунь, — произнес шаман. — Что же дальше?

— На подарках я увидел знаки рода Быка.

— Ну что ж, — голос шамана стал суровым, — надеюсь, ты знаешь, как поступить?

— Да, Великий, я дважды выбрасывал дары Быка на позор его людям. Но сегодня случилось то, что привело меня к тебе. На дне сосуда было перо филина! А ты знаешь, Великий, что, когда перо филина находят со знаком

рода Быка, это...

— Да, — прервал шаман, — это значит, что имеют дело с Байгет. Теперь я сам вижу, что дело серьезное.

— Ни в одном из родов нашего племени, — продолжал Угунь, — нет шамана могущественнее ее. И лишь немногие, такие, как ты, Великий, могут сравниться с ней. Что же могу сделать я, простой человек?

— Даже не все из нас, — в раздумье произнес шаман, — могут произносить ее имя.

Затем он замолчал и закрыл глаза. Казалось, шаман заснул. Наконец он открыл глаза и уставился на гостя:

— Сейчас я беседовал с владыкой неба, — произнес он чужим, незнакомым голосом. — Он сказал мне: «Если внучку Угуня едет сватать сама Байгет, значит, это угодно мне, а потому Угунь должен исполнить мою волю».

— О, Великий, — в смятении вскричал Угунь, — я не знаю, что мне делать. Побудь у меня во время сватовства, ведь словами и делами твоими руководят духи неба.

— Много дел у меня, славный Угунь. Мне жаль, но я не смогу тебя посетить.

— О, Великий, я отдам тебе косяк из двадцати лучших кобылиц и юную невольницу из племени кыргызов, краса которой превосходит красоту цветов Хорезма!^[6]

— Хорошо, Угунь, мне не нужны твои дары, но высшие силы принимают их в знак своего благоволения к твоему дому. Я же в память нашей старой дружбы приеду к тебе.

Пасмурным осенним днем к дому Угуня подъехали всадники, гнавшие перед собою десять коней в великолепной сбруе.

Резкий ветер надувал пузырями на груди и спине кожаные халаты четырех седобородых мужчин, яростно вскидывал отороченные мехом полы одежды и гулко хлопал ими о лошадиные бока, низко пригибал пучки пестрых перьев на остроконечных головных уборах из толстой серой ткани с красной обшивкой.

Длинные бронзовые пластины и круглые выпуклые бляхи на халатах и сбруе поблескивали тусклым желтоватым светом, скупо отражая низко нависшее над землей серое небо.

На поясах у старых воинов — кинжалы, к седлам приторочены клевцы.

Посередине ехали три женщины в пестрых шелковых халатах, черных с красным безрукавках и полукруглых нагрудниках, расшитых бронзовыми

бусами и большими нефритовыми кольцами, которые молочным с прозеленью светом напоминали солнце, плывущее в ненастье на мутном туманном небе.

У одной из женщин, кроме того, на нагруднике были нашиты три бронзовых диска, а на спине позвякивали бубенцы. Ее зеленоватые глаза холодно смотрели в одну точку, а крючковатый нос напоминал клюв филина, перья которого красовались у нее на шапке.

Это была знаменитая шаманка Байгет из рода Быка, которую динлины, не называя по имени, величали Могущественной. Когда всадники приблизились к дому, один из стариков затрубил в большой турий рог, а другой забил в маленький бубен. Тотчас же на пороге дома показался Угунь, поддерживаемый под руки сыновьями. Поверх кожаного халата на нем был еще шелковый. На голове корона из соколиных перьев. Сзади раб нес опахало.

— Рад видеть Могущественную в моей бедной хижине! — склонился в поклоне Угунь.

— Придется радоваться, хотя предпочел бы не видеть меня, — сквозь зубы пробормотала шаманка.

И хотя особой проницательности не нужно было, чтобы угадать мысли Угуня, тому показалось, что Байгет заглянула в самую глубину его души, он смог только смущенно пробормотать:

— Могущественная милостива...

И немного оправившись, добавил:

— Заходите в дом, дорогие гости!

В доме сидели на почетных местах старейшина рода и шаман в шелковых халатах. Над каждым из них прислужники держали опахала с ручками из слоновой кости. Дальше расположились старейшины наиболее влиятельных семей рода Оленя в праздничных одеждах. Перед всеми гостями стояли глиняные и деревянные миски с вареной бараниной, жареными куропатками и рыбой и кубки с напитками из кобыльего молока. Был тут и сыр, и колбасы, земляника, и малина, и пышные ячменные хлебцы. Был и хмельной напиток из ячменя и даже бочонок с согдийским вином,^[7] купленный через хуннов у хорезмских купцов.

Угунь, низко кланяясь, принялся рассаживать гостей. Он хотел усадить Байгет рядом с шаманом. Но та презрительно передернула плечами, села в стороне и жестом позвала своих помощниц.

— Мир прибывшим! — начал старейшина рода Оленя. — Какие новости в степи?

— Мудрые говорят: зима суровой будет, — ответил один из

прибывших. — Насытился ли скот ваш за лето на тучных пастбищах?

Между хозяевами и гостями завязалась неторопливая беседа.

После традиционных вопросов и ответов заговорила Байгет:

— Прославленный Хориан из рода Быка и сын его Хангэй наказали передать достойному Угуню и всему роду Оленя их слова. Хориан сказал: «Когда в твой дом, Угунь, придет беда, он будет тебе надежной поддержкой. Когда на твои стада нападут хищники, он будет верным сторожевым псом. Когда Великая река выйдет из берегов, Хориан будет прочной стеной, охраняющей тебя от наводнения».

У Хангэя растет сын. Он будет искусным охотником и земледельцем, доблестным воином, истинным динлином. И сейчас самый сердитый баран не может сбросить его со своей спины. Алакет может стрелой отделить лист от ветки и не повредить ни того, ни другого. Внучка Угуня хороша собой и, надеюсь, будет доброй хозяйкой. Род Оленя и род Быка, как и в прежние времена, должны хранить дружбу и родство. Что скажешь ты, род Оленя?

Наступило молчание. Первым заговорил шаман:

— Всем известно, что Угунь — сын человека, сослужившего большую службу роду и племени, и сам он — дружинник старейшины, а кто Хориан? Кто Хангэй?

— Хориан, — ответила шаманка, — это верно, не имеет рабов и не состоит в дружине своего старейшины, но он славен подвигами среди всех племен народа Динлин. Тело его носит следы многих деяний, песни о нем поют даже во дворце Эллея.^[8] И у него достаточно скота, мехов и золота, чтобы богато одарить родственников.

— Все это так, могущественная Байгет, — шаман явно гордился правом называть ее по имени, — но скажи, разве в семьях Быка мало нанесли обид скромным дочерям Оленя? Разве не сын Хориана Паан не раз жестоко обходился со своей женой? Мы не хотим больше отдавать наших дочерей на муки и слезы.

— Многое ты преувеличил, Великий, — возразила Байгет, — но я отвечу тебе вопросом: а разве в вашем роду не обижали дочерей тех родов, где брали жен? Разве достойный Угунь не на младшей жене вымещал недавно ярость?

При этих словах глухой гул прошел среди собравшихся. Да, от могущественной шаманки ничто не могло скрыться. Угунь сидел белый, как только что снятая с дерева береста.

— Но мы не упрекаем вас, — продолжала шаманка, — и обещаем, что и тех небольших неприятностей, которые терпели у нас дочери Оленя,

внучка Угуня не увидит.

— Так. — Теперь шаман даже привстал: видимо, этот ход он берег на крайний случай. — А свято ли хранит род Быка заветы предков брать жен лишь из родов своего племени? Мы слышали, что многие из дочерей иноземцев кыргызов заняли места у очагов, где раньше управляли лишь дочери динлинов. Можем ли мы теперь поставить дочерей рядом с презренными иноземками?

— Так вот о чем ты вспомнил, Великий, — протянула Байгет. — Но разве у старейшины рода Оленя жена из нашего племени?

— Это верно, Могушественная, но она из народа Динлин, а сейчас в борьбе с Хунну все динлины должны слиться в единое племя.

— Ну что ж, Великий, народ кыргызов живет рядом с нами, терпит от хуннов столько же, сколько и мы, вместе с нами выступает против общих врагов. Да и разве забыл славный старейшина, который молча слушает нашу беседу, как его дед во времена набега на хуннов попал в плен, но был отбит кыргызами...

— Довольно, — воскликнул поспешно старейшина, — я помню то, что должен помнить, и не противоречу тебе, Могушественная!

— Да и Великому, — быстро продолжала Байгет, — хорошо известно, чем он обязан некоторым...

— Довольно, — вскричал и шаман. — Тайны жизни шаманов не должны знать непосвященные!

— Я и не открываю их, — смиренно отозвалась Байгет. — Я лишь скромно решила напомнить Великому...

— Да, да, я помню, я тоже не думал отказывать такой достойной служительнице духов. Я лишь хотел по обычаю испытать, серьезны ли ваши намерения. Пусть будет счастливо потомство Хориана и Угуня. Пусть внучка нашего хозяина станет нареченной сына Хангэя. Только если она узнает, — глаза шамана сверкнули, — горе в роду Быка, берегитесь мести рода Оленя!

При этих словах сородичи Угуня схватились за рукоятки кевцов^[9] и кинжалов. Между тем Байгет, презрительно усмехаясь, искоса поглядывала на шамана.

Глава IV

Алакет и его сверстники становятся воинами. Тайгет из рода Быка идет в набег на дальние племена

Восемь раз проносились над селением рода Быка зимние бураны. Восемь раз пробивалась из-под талого снега молодая трава и стада рода уходили на летние пастбища.

Старый Хориан собрал юношей на площади посреди селения.

Взгляд старика был суров, брови нахмурены. В глазах молодых динлинов затаилась тревога.

— До сего дня, — сказал старый воин, — вы, словно тонкие деревца, росли под сенью старых деревьев — ваших отцов. А ныне вы поднялись и окрепли. Теперь надлежит вам показать, стали ли вы истинными динлинами, воинами и охотниками. Целую луну вы проведете вдали от родных в заповедной долине, где покажете свою силу и ловкость, где старики рода откроют перед вами вход в жилище мудрости, дабы вы знали предания рода, племени и земли Динлин, берегли и хранили нашу древнюю славу. Вы не вернетесь в селение до тех пор, пока старые люди вам не позволят. А если в степи, в лесу или в горах вы встретите сородичей, то не должны ни о чем говорить с ними, брать у них еду или питье. А сейчас вы последуете за мною в горы.

И вот молодые динлины на конях, вооруженные луками, стрелами и кинжалами, двинулись за Хорианом к дальней горе. На ней высились могучие старые лиственницы, а дальше лежала заповедная долина, поросшая густым лесом.

Никто не провожал юношей, ибо обряд посвящения был окружен тайной и люди верили, что даже взгляд в сторону отъезжавших может навлечь гнев духов предков.

Поздним вечером юноши въехали в лес. Тихо угасали на лиственницах золотые отблески последних солнечных лучей. От ручьев полз белесый туман. Мрак сгущался с каждым мгновением. Кони во мхах спотыкались о кучи бурелома.

Алакета от сырости и смутной тревоги бил озноб, от которого он тщетно пытался удержаться.

— Почему дед не делает привала? — прошелестел, словно ветерок, шепот Канзыра — сына Гелона.

Старик ехал далеко впереди, но слух его улавливал малейшие звуки. Он лишь неодобрительно хмыкнул. Но Канзыр испуганно замер в седле. Ведь настоящий воин должен быть терпелив и неприхотлив.

Внезапно несколько лошадей беспокойно навестили уши. Их ноздрей достиг едва заметный запах и он внушал тревогу.

Почуяли этот запах и молодые динлины. Издалека донеслось глухое рычание. Медведь!

Алакет натянул поводья, и сдерживаемый рукою юноши его конь продолжал следовать за конем Хориана.

— Хозяин леса идет своей дорогой. Он не ступит на нашу тропу, — пробормотал вполголоса Хориан, словно разговаривая сам с собою.

Но внук старейшины рода — приземистый толстый Синтай — не сумел сдержать свою лошадь. Она резко повернула, споткнулась о поваленное дерево. Синтай с криком рухнул на кучу валежника. В тот же миг Алакет повернул коня и, перегнувшись, ухватил за гриву лошадь Синтая. Нащупал поводья и, держа их вместе с поводьями своего коня в правой руке, прыгнул на землю. Синтай в это время выбрался из валежника и бросился к Алакету. Тот сунул ему в руку поводья и, вскочив на коня, последовал за отрядом. Синтай взгромоздился на спину лошади, двинулся за Алакетом.

Что до Хориана, то он даже не обернулся. Однако проворчал, словно обращаясь к себе самому:

— Синтай неуклюж, как старая гусыня, и труслив. Алакет поступил как мужчина.

С первыми лучами восходящего солнца отряд спустился с горы и вступил в заповедную долину. Здесь над порожистым ручьем возвышался на пригорке бревенчатый дом посвящения — под двускатной крышей.

Перед домом врыт деревянный столб с острым верхом и вырезанными на нем символами владыки неба — кругом и крестообразным знаком, который изображал звезду.

Здесь юношам предстояло прожить целую луну, дабы стать настоящими мужчинами.

Несмотря на бессонную ночь, Хориан дал посвящаемым лишь краткую передышку. Присев на берегу, они наскоро подкрепились ячменными лепешками и запили водой из ручья.

Потом разнуздали лошадей и пустили их пастись на поляне. Затем

Хориан собрал юношей в кружок, указал им на густые заросли боярышника и сказал:

— Настоящий динлин должен быть упорен, вынослив и терпелив. Видите, как сплелись ветви колючих растений! Вы любите лакомиться этими ягодами. Но я испытаю вас другим. Вы встанете в один ряд, сбросите с плеч одежду, грудью и руками проложите дорогу сквозь чащу. Думайте, что перед вами злобные хунны, которых вам надлежит смять. Помните — враг радуется вашему страху, вашей боли. Поэтому не издавайте ни звука, хотя шипы будут ранить вас, словно стрелы. Ну, вперед!

И они пошли. Ломали и топтали колючую заросль. Руки, грудь, босые ноги были изранены в кровь.

Канзыр продирался вперед, сдерживая готовый вырваться стон, кряхтел сквозь зубы. Алакет тяжело дышал, но молчал, а из уст Синтая порою вырывались сдавленные всхлипывания, но он упорно лез сквозь заросли рядом с товарищами.

Когда старик наконец позвал юношей, он сказал Синтаю:

— Ты будешь упорно биться с хуннами, но твои стоны будут радовать врага и смущать друга. А это плохо.

Днем начались военные упражнения. Юноши стреляли в цель из луков, метали копье, клевец, кинжал. Вступали в примерные поединки друг с другом, учась наносить и отражать удары. Но удары наносили не в полную силу, оставляя лишь царапины на теле «противника».

А поздно вечером разожгли огромный костер, соорудили завалы из сучковатых бревен, каменных глыб и учились перепрыгивать через эти препятствия на коне.

Но вот небесная лосиха^[10] повернула рогами небо на полночь, и Хориан сказал, что воинские упражнения закончились.

Измученные юноши готовы были упасть на землю и погрузиться в непробудный сон, но Хориан сказал, что настоящий динлин должен сохранять бодрость, даже после непосильных трудов.

— А вы, — добавил старик, — еще не так уж много трудились! Сегодня вы должны узнать о былом могуществе народа Динлин, о том, откуда появились хунны и как началась наша вражда с ними.

И собрав юношей у костра, он начал рассказывать древнее предание, слышанное от прадедов. И странное дело! С первыми словами старого воина сон, готовый смежить веки молодых динлинов, покинул их. И вот они придвигаются ближе и ближе к рассказчику, боясь пропустить малейшую подробность.

— Давно это было, — так начал Хориан, — тогда травы были выше

человеческого роста: когда шли стада, не было видно земли от одного горного хребта до другого. Рыбы в Великой реке было столько, что во время нереста лодка рыболова скользила не по волнам, а по чешуйчатым спинам. Тогда динлины были многочисленны, как муравьи и мошка в лесах. Они владели землей от восхода до заката солнца, и не было племени, которое не платило бы им дань. И вот тогда-то из безводных степей пришло племя змей с золотой чешуей.

— Долог и труден был наш путь! — сказали они динлинам. — Мы измучены голодом и жаждой! Дозвольте выпить нам немного воды из вашей реки. Дозвольте нам поесть немного травы на ваших пастбищах.

— Мы всегда рады гостям, — ответили змеям динлины. — Мы поделимся с вами всем, что имеем.

И змеи начали пить и есть. Но с каждым глотком длина змей увеличивалась на двадцать луков. Скоро они поглотили с речной водой всю рыбу. Степь, прежде покрытая зеленой травой, густою, как шерсть барана, стала желтой, словно глаз совы. От голода падал скот.

Тогда храбрейшие из динлинов наострили стрелы из бронзы и кости, взяли в руки копья и клевцы, оседлали могучих коней и вступили в бой со змеями. Но блеск их чешуи слепил воинов и коней, а стрелы отскакивали от нее, как от камня.

Все же воины ухитрились поражать змей в открытые пасти и глаза. Много змей пало в день битвы, но еще больше пало динлинов. Тогда великий шаман призвал на помощь владыку неба, и тот указал динлинам путь на север к Семи Горам.

Как только динлины достигли котловины в центре гор, с вершины повалились камни и засыпали за ними все входы. Прошло сто лет, и динлины пожелали вернуться в родные края, но выхода не было.

Однажды юный воин на охоте увидел, как лиса скользнула в щель между горами и ушла. Он созвал народ, и люди кайлами стали расширять щель. Расширили ее настолько, что мог пройти бык, запряженный в повозку, и отправились в путь. Но земли динлинов были во власти потомства змей с золотой чешуей, и динлины то воевали с ними, то должны были платить им дань. А от старшей змеи произошел род каганов, ^[11] который правит хуннами.

— Но придет день, — закончил Хориан, — динлины поразят хуннов и прогонят их далеко-далеко, в безводные степи.

Затем и я суров к вам, что борьба с потомками змей будет тяжела. А вы должны стать сильными воинами, сильнее хуннов!

Миновала одна луна. Прошедшие испытания молодые динлины

вернулись в селение. Теперь они могли и даже были обязаны приходить на собрания сородичей. Но слова на нем не имели и должны были лишь выслушивать мнение старших.

Говорить на собрании рода мог только воин, поразивший в бою хотя бы одного врага.

Однажды утром селение огласили тревожные звуки бычьего рога. Алакет и его братья выбежали из дома.

Люди спешили на площадь, где царило оживление.

Посреди площади пылал костер. Трещали сухие дрова, искры летели к самому небу. На перекладине на двух ручках висел большой бронзовый котел с поддоном. В таких котлах варилось жертвенное мясо. Рядом была разостлана бычья шкура. На ней, поджав под себя ноги, сидел брат старейшины рода — прославленный воин Тайгет. Голова его склонена, могучие плечи опущены, руки сложены за спиной. Поза выражает покорность и ожидание. Сзади на шкуре стоит сын Тайгета Ченбак и хмуро смотрит вдаль.

Все понятно. Тайгет задумал поход в дальние земли. Он просит воинов рода присоединиться к нему, вступить в его боевую дружину. Он обещает дружине богатую добычу и ждет согласия воинов.

Тот, кто ступит на шкуру быка и вкусит жертвенного мяса, тем самым даст согласие на поход, признает вождем Тайгета и принесет ему клятву верности. Для молодых динлинов это верный способ стать полноправными членами рода. Но надо подождать мнения старших.

К котлу подходит пожилой воин Чжигас.

Вынув из ножен кинжал, он быстро опускает его в котел. Проткнув кусок мяса, он выхватывает его из котла, дует и вонзает в него крепкие белые зубы. Затем ступает на шкуру:

— Да видит великий владыка неба! Вот я ступил на кожу предка нашего — быка! Я привел с собой трех сыновей, кои выросли и могут держать в руках оружие. Отныне, Тайгет, твой путь — наш путь, а наши железо и кровь — твои железо и кровь!

И Чжигас опускается на колени рядом с Тайгетом. На шкуру вступил Синтай. В глазах его лихорадочный блеск.

Задыхаясь от волнения, он выкрикнул:

— Тайгет! Твой путь — мой путь! Мои железо и кровь — твои железо и кровь!

Алакет и сыновья Гелона — Канзыр и Бергун готовы были последовать за Синтаем. Все трое взглянули на своих отцов, ища в их глазах одобрения.

Но тут прозвучал суровый голос Хориана.

— Ответь, почтенный Тайгет, ответь мне при всех сородичах, на какое славное дело поведешь ты наших сыновей и внуков?

И, выйдя вперед, старик впери́л острый взгляд в Тайгета.

Тот исподлобья взглянул на Хориана, но тут же отвел глаза.

— Тебе ведомо, почтенный Хориан, куда мы идем. Там мы встретим врага. И не однажды руки наши возьмутся за тетиву лука и рукоять клевца. Наши юноши там или одержат победу или падут с честью. Но в любом случае они уже будут полноправными членами рода. Да и зрелым мужам следует еще раз испытать себя в деле, достойном динлина!

— Можно подумать, — сказал Хориан, — что ты затеваешь большой поход против хуннов. Но тогда сил одного нашего рода мало, чтобы сломить их могущество. Или, может, кто-то угрожает роду Быка? Но никто не принес с дальних пастбищ вести о появлении воинов враждебного племени! Куда же ты поведешь дружину, Тайгет?

— Ты знаешь сам, Хориан! — Тайгет вскочил со шкуры. Куда только девался его покорный вид! В глазах светился гнев, щека судорожно подергивалась.

К костру шагнул старейшина рода:

— Хориан, поход Тайгета принесет пользу роду! Юноши испытают себя в деле, а род Быка получит богатую добычу!

— Вот ты и проговорился, старейшина. — Хориан криво усмехнулся. — Все дело в добыче. Львиную долю ее получишь ты, Тайгет, да еще кое-кто из ваших друзей! Ради этого вы пошли на сговор с хорезмийцами!

Действительно, люди знали, что к селению рода Быка приближается караван купцов из Хорезма и Согдианы. Путь их лежит в дальние восточные земли. И уже два дня назад Тайгет с сыном выезжал навстречу хорезмийцам, обещал за хорошее вознаграждение сопровождать караван на восток и охранять его в дороге. Можно будет предпринять набег на какие-нибудь племена на пути движения каравана, захватить богатую добычу, скот и рабов.

— Я не хочу, — продолжал Хориан, — чтобы наши юноши уподобились псам, охраняющим чужое добро в надежде на кусок мяса, который им бросит хозяин! У нас есть многочисленные стада, ячмень и сильные руки, чтоб жить привольно и безбедно. А грабить чужие племена мы не будем. Истинный динлин не тронет того, кто не причинил ему зла. Идемте, дети мои!

И, величественно повернувшись, Хориан покинул площадь. За ним

последовали сыновья и внуки.

Еще несколько стариков ушли с площади, уводя мужчин своих семей. Около половины воинов рода присоединились к старейшине и Тайгету.

— Несносный старик! — пробормотал себе под нос старейшина, но более ничего не сказал.

Враждовать всерьез с Хорианом, прославленным едва ли не во всей земле Динлин, он не решался.

Поздней осенью, когда по небу неслись с дальних гор свинцовые тучи и пожелтевшие травы полегли от холодных дождей, дружина Тайгета вернулась с востока.

Первыми увидели Тайгетовых воинов Дунгу, Алакет, Бергун и Канзыр. Они гнали с гор отару овец, торопясь переправить скот в долину до того, как на хребтах начнутся свирепые бураны и снежные заносы.

— В степи всадники и повозки, — крикнул Алакет, взглядываясь сквозь сетку дождя.

— Кто бы это мог быть? — отозвался Дунгу. — Гоните отару в селение, — добавил он. — Не останавливайтесь. Может, это враги. Сейчас узнаю.

И повернув коня, он поскакал навстречу приближающемуся отряду.

Вот уже всадники близко. Судя по посадке, это динлины. О, да ведь это люди рода Быка!

Устало рысят под холодным дождем их кони. Всадники съежились в седлах. Многие лошади без седоков. На них кожаные и войлочные вьюки. Натужно скрипят повозки, запряженные быками. Видно, нагружены они богатой добычей.

Несколько повозок крыто цветными коврами. В них хорезмские купцы. В кольце всадников бредет большое стадо...

Но как поредела дружина Тайгета!

А где же он сам?

Впереди под шестом с бронзовой фигуркой быка едет Чжигас.

Дунгу склонил голову перед прославленным воином:

— Приветствую достойного! Удачен ли был поход?

— Будь здрав, Дунгу. Ты видишь, мы возвращаемся со славой и добычей. Но многие воины продолжают путь. Они на дороге в сияющую обитель владыки неба и грозного духа войны! Во глазе их славный вождь — Тайгет. Они погибли достойно, лицом к врагу и с оружием в руках.

Дунгу склонил голову, выражая этим почтение погибшим воинам. Затем повернул коня и помчался догонять отару.

Между тем юноши, подгоняя овец, с тревогой оглядывались. Кого встретил дядя Дунгу, друзей или врагов?

Но вот Дунгу вынырнул из серой пелены дождя.

— Алакет, скачи в селение. Скажи людям, что возвращается дружина Тайгета.

Братья обратили внимание на хмурый взгляд и опущенные плечи дяди, но промолчали. Ибо младший не должен надоедать старшему вопросами. Старший сам знает, что надо сказать младшему.

И Алакет помчался в селение.

Когда дружина подошла к долине, все сородичи во главе со старейшиной вышли навстречу.

Возгласы приветствия перемежались с горестными воплями женщин, потерявших близких.

Многие погибли в походе. Тела всех их невозможно было вывезти с полей сражений. Но останки нескольких знатных воинов, в том числе самого Тайгета, дружина доставила в селение обернутыми в плотную ткань.

И вот теперь старейшина стоял понуриив голову у повозки, где покоился его мертвый брат, а рядом, причитая по умершему, опустились на колени три жены Тайгета.

И снова собралась дружина на площади у священного огня.

Предстоял раздел добычи, захваченной в походе, и платы, полученной от купцов за охрану каравана.

На бревенчатом возвышении, сооруженном по этому случаю, восседали члены совета рода. У помоста стояли воины. Над костром произносила заклинание шаманка.

Захваченный в походе скот пригнали на площадь.

Здесь же находились вскрытые тюки с дорогими тканями, бронзовыми и золотыми украшениями, оружием и драгоценными раковинами каури, попавшими в северные земли с далеких южных морей.

Рабов было немного. Слишком мало динлинов уцелело в походе, чтобы гнать с собою многочисленных пленных. Поэтому многих пленных сразу после боя приносили в жертву духу войны, хотя хорезмийцы и обещали за них Чжигасу большую плату.

Хорезмийцев на площади не было. Рассчитавшись с Чжигасом в присутствии двух пожилых дружинников товарами и раковинами каури, они поспешили на далекий запад. Они торопились попасть в свои теплые земли до того, как на горных перевалах выпадут снега.

— Пусть говорит Чжигас, — торжественно начал старейшина, — он

был главою дружины после ухода нашего славного сородича Тайгета в мир духов. Как будет разделено это имущество между воинами?

— Следовало бы сделать это по обычаю, — сказал Чжигас и добавил, обратясь в сторону молодых воинов, которые стояли вместе левее помоста. — По обычаю имущество, добытое в походе, делится между воинами по числу врагов, убитых каждым. А из этого воин выделяет долю князю племени, старейшине, вождю дружины и духам. Но, — Чжигас обратился снова к совету рода, — в тяжелых битвах, где наши воины то наступали, то отступали, они не успели снять скальпы с каждого убитого врага. Трудно сосчитать, кто сколько сразил. Поэтому я предлагаю сделать так: разделить всю добычу поровну между воинами, считая сородичей, ушедших в мир духов. Долю ушедших в мир духов отдадим их семьям.

Чжигас обратил вопросительный взгляд к старикам.

Те согласно кивнули.

Но внезапно раздался скрипучий голос Байгет.

— Так что же, Чжигас! Лишь одну долю добычи отдаешь ты великим духам? Мало, мало жертвуете вы священным покровителям рода! Гневаются они! Недаром владыка неба взял столько жизней у нашего рода в этом походе!

Чжигас недовольно нахмурился. Среди воинов послышался ропот, но тут же смолк под грозным взглядом шаманки.

Угрюмо расходились воины. Львиная доля добычи досталась старейшине, Чжигасу, Байгет.

Даже пир, устроенный тут же на площади после дележа, не вызвал обычного веселья.

Молодой воин Умахет подошел к своему дому, держа в руке хорезмийскую ткань с ярким узором.

Мать Умахета и черноглазая сестренка Мингюль гнали десяток овец. Вот и вся добыча!

В доме большерукий, худощавый, преждевременно поседевший отец Умахета поднялся с кошмы, сокрушенно покачал головой и проговорил:

— Вот и все великое богатство, добытое моим сыном. Впрочем, хвала духам, что ты вернулся. Но жаль, что я, старый глупец, не послушал Хориана и позволил тебе идти в поход.

Умахет промолчал, положил к ногам отца хорезмийскую ткань.

Отец устало улыбнулся.

— Ну, и кому мы отдадим этот лоскут?

Он обменялся с женой понимающим взглядом и бросил ткань на плечи

дочери. Черные глаза Мингюль удивленно раскрылись, она радостно вскрикнула и закурилась на одном месте.

А старик смотрел на дочь, и в глазах его светились нежность и печаль.

Уже много лет род Быка не сооружал новых склепов. Последний из них давно был полон останками покойных сородичей, сожжен по обычаю и засыпан землей. Умерших за последние десять лет хоронили в земляных насыпях над склепами или в одиночных могилах.

Но сейчас предстояло хоронить Тайгета — великого воина, родного брата старейшины. Кроме того, дружинники привезли останки еще нескольких сильных воинов. Им надлежало воздать почет. Собравшиеся сородичи единодушно решили построить весною новый склеп.

Даже старый Хориан сказал:

— Поход был бесславен. Но сородичи наши ушли в мир духов со славою, с оружием в руках, лицом к врагу. Погребем их с честью.

И в селении начались печальные хлопоты. Женщины шили из кожи и тканей мешки, напоминавшие фигуры людей, набивали их сухой травой, одевали в халаты.

Несколько седых стариков занялись останками умерших. Эти старики были настолько древними, что уже не охотились и не ходили в походы. Говорили, что они близки к миру духов, почти так же, как шаманы, ибо сами скоро отправятся в этот мир.

Но глаза их были еще зорки, а пальцы ловки и подвижны.

Наложив на лицо умершего слой белого гипса, старик лепил маску, а затем красной, синей, желтой и черной красками изображал на маске татуировку и боевые цвета воина.

Когда маски всех воинов были готовы, сородичи в торжественном молчании отправились в степь. На носилках несли тела мертвых. В степи уже были приготовлены дрова для больших костров. Несколько человек под руководством шаманки разделявали туши баранов для поминальной трапезы.

Первый снег посеребрил степь, и она, казалось, тоже погрузилась в торжественное безмолвие.

Но вот тела воинов водружены на костры, поднесены факелы. Огонь змейкой пробирается между поленьями, затем бурно вспыхивает, языки его устремляются к хмурому свинцовому небу.

Собравшимся сородичам кажется, что души воинов, освобождаясь от телесной оболочки, танцуют в гребне пламени боевой танец рода Быка.

Но путь душ в страну предков еще не начался. Во время тризны перед

каждым костром поставят глиняный горшок с бараньей похлебкой, заправленной ячменем, и чашу с ячменным пивом для душ умерших. А после тризны пепел каждого воина будет собран в кожаный мешочек, отнесен к нему в дом и зашит в человеческую фигуру из кожи и ткани, изготовленную женщинами. И глиняная маска тоже будет на этой фигуре.

Всю зиму «дух умершего» будет находиться в этом «временном теле», сидеть в доме на своем обычном месте, «спать» на своей постели из шкур, во время трапезы перед ним будут ставить еду...

И только весной, когда соорудят погребальный склеп, «дух умершего» переселится в это свое новое обиталище.

Но и оттуда путь в страну предков еще не близок...

Когда миновала долгая снежная зима, когда оттаяли перевалы в горах и жаркое солнце просушило землю, мужчины рода Быка взяли железные и бронзовые мотыги, мешки из кожи и пошли сооружать жилище умершим — рыть яму для нового склепа. Другие отправились в лиственничный лес на горе. Там они топорами с узкими лезвиями сокрушали вековые лиственницы. Женщины ушли в березовую рощу и острыми ножами срезали со стволов широкие полосы бересты.

Самые сильные мужчины во главе с Чжигасом ушли к берегу Великой реки, где тяжелыми кайлами вырубали в скалах плоские плиты песчаника, красного, как кровь, пролитая воинами рода.

Старейшина хотел послать на добычу камня своих рабов. Но Хориан, который возглавлял строительство склепа, твердо заявил:

— Люди сами должны заботиться о сородичах, а не заставлять делать это иноплеменников. Пусть мужчины рода сделают все, что необходимо.

И старейшине пришлось послать своих сыновей на рубку леса, племянника Ченбака на добычу камня, а внука Синтая — рыть яму.

Синтай работал рядом с Алакетом и Канзыром.

Юноши обнажены до пояса. Спины горят под жарким солнцем. Пот заливает глаза. Рытьем ямы руководит Гелон. Земля твердая, сухая, а на глубине не более половины стрелы начинается сплошная галька.

Неторопливыми, но сильными и точными взмахами мотыги Гелон рыхлит землю и поет монотонную песню о том, как по широкой долине едут один за другим воины; они везут богатую добычу, но еще больше везут убитых товарищей, которых похоронят в большом склепе под высоким курганом.

И все, кто роет яму, в такт песне мерно бьют землю мотыгами. Когда набирается много земли, ее руками сгребают в мешки и выносят из ямы.

На четвертый день Хориан верхом подъехал к яме. Глубина ее уже была два с половиной копья. Хориан сказал, что эта глубина достаточна.

Спрыгнув в яму, он сам в нескольких местах подправил мотыгой стенки, а затем приказал Канзыру скакать в лес, Алакету на берег реки, а Синтаю в селение и передать, чтобы бревна, камень и бересту начали доставлять к яме.

И вот из леса двинулись пары быков. На каждую пару надето ярмо, а к дышлу накрепко привязано ремнями несколько ошкуренных стволов. Снизу к бревнам прикреплены оси с колесами от повозок.

С берега реки передвигают тяжелые плиты камня, подкладывая под них катки из круглых лиственничных бревен.

Из селения женщины, согнувшись, несут на спинах тяжелые полотнища из вываренной бересты, сшитые жилами животных.

Все собрались, и началось сооружение склепа.

В первый день было застлано берестой дно ямы. Затем несколько дней строили в яме сруб из лиственничных бревен, которым укрепили ее стены. В центре ямы врыли в землю массивный столб, выступающий из ямы почти на целое копьё.

Над ямой и срубом установили стенки из наклонных плах. На эти плахи и центральный столб опиралась деревянная крыша. В западной стене был оставлен вход. Ведь «души» умерших уйдут в страну предков вместе с заходящим солнцем. Сверху склеп тоже покрыли полотнищами вываренной бересты. Вокруг склепа установили четырехугольную ограду из каменных плит.

Склеп сооружали почти целую луну, но построили его добротнo. Даже ворчливая шаманка сказала, что души умерших будут довольны своим обиталищем.

А может быть, дело было в том, что руководил строительством Хориан, с которым Байгет, как и старейшина, старалась не ссориться?

Ранним утром толпа сородичей во главе со старейшиной, Хорианом и шаманкой медленно двинулась в степь по направлению к склону. Мужчины на носилках из скрещенных копий несли фигуры погибших воинов. В каждой был зашит мешочек с пеплом того, кого эта фигура изображала.

Сзади шли женщины. Распустив волосы, они горестно оплакивали покойных. Нараспев, рыдая, причитала старшая жена Тайгета:

Да обопрись я на посох печали!

Ты покидаешь меня надолго.

Сколько ждать мне?

Когда предки позовут меня?!
Забери меня с собою теперь.
Много дорог на пути в страну предков;
Не заблужусь ли я, когда последую за тобой?!
Не оставляй меня здесь...

Две другие жены Тайгета вторили ей заунывными голосами. Оплакивали своих мужей, сыновей, братьев и другие женщины рода. Несколько мужчин, в том числе Гелон, Хангэй и Асмар, взяли длинные ременные арканы и ушли к табунам. Надлежало пригнать коней, на которых «души погребенных» отправятся в «страну предков».

Но это должны быть кони, еще не ходившие под седлом. Вся трудность была в том, что полудиких жеребцов предстояло ловить не верхом, а пешком.

Асмар затаился в кустах за большим камнем, мимо которого табун ходил в это время на водопой.

Вскоре показались кони. Они трусили неторопливой рысцой. Помахивая хвостами, кони отгоняли оводов. Этим надоедливых насекомых особенно много вилось над степью в жаркую безветренную погоду. Вот передовые жеребцы, которые вели табун, поравнялись с камнем. Асмар издал призывное ржание. Кобылицы в табуне заволновались, гордо подняли головы, наострили уши.

Могучий черный жеребец сердитым ржанием ответил на вызов неизвестного чужака и, нетерпеливо перебирая копытами, направился к кустам.

Асмар повторил вызов. Когда конь был на расстоянии десяти-пятнадцати копий от камня, что-то его встревожило, но как раз в этот миг Асмар метнул аркан и захлестнул им шею могучего животного.

Конь рванулся назад, но Асмар, упершись коленом в камень, удержал его.

Тогда конь бросился вперед и в мгновение ока занес копыта над головой врага. Асмар отскочил в сторону и, не выпуская из левой руки аркана, правой ухватился за черную гриву. Еще миг — и динлин уже на спине коня. Мелькнула мысль: «Такой красавец достоин везти самого Тайгета в страну предков...»

Конь встал на дыбы, потом шарахнулся в сторону и, скаля зубы, понесся в степь. Но Асмар был опытным наездником. Он успел закинуть конец аркана в зубы коню и держался за него с двух сторон, как за поводья.

Теперь предстояло утомить коня до предела и сделать его покорным руке человека.

Конь бесился до полудня, пытаясь сбросить седока, а затем, усталый, тяжело вздымая потные бока, стал послушным, и Асмар уверенным движением повода направил его в сторону склепа.

Несколько ранее Асмара подъехал к склепу Гелон, затем появились одновременно три всадника, в числе которых был Хангэй. Собрались и остальные. У некоторых одежда была изорвана, на лице и теле следы ушибов. Видно, тяжело им далось приручение полудиких скакунов.

Вокруг склепа уже горели костры, в котлах для жертвенного мяса кипела вода. Между кострами стояло несколько деревянных бочонков с ячменным пивом, а возле них — глиняные чаши.

Шаманка подошла к фигуре, изображавшей Тайгета, склонилась перед ней:

— Славный воин, ты покидаешь нас. Отведай нашего угощения!

При этом старшая жена Тайгета поставила перед фигурой чашу с пивом и положила ячменную лепешку.

— Нужен тебе, — продолжала шаманка, — добрый конь, который знает дорогу в страну предков и не собьется с пути. Мои духи укажут ему тропу. Он не оступится, не сорвется с обрыва, не предаст тебя в лапы духам зла. Вон он, твой конь!

Она сделала знак Асмару, и тот вывел вперед черного жеребца. Двое мужчин набросили на шею коня ремennую петлю и начали стягивать ее за два конца. Задыхающееся животное забилося, рванулось назад, потом вперед. Но динлины, тоже выбиваясь из сил, ожесточенно стягивали петлю, пока конь не упал на колени, завалился на бок, движения его стали вялыми, мускулы ослабли. Еще несколько судорожных движений, и конь затих.

Его «душа» теперь «была готова везти душу воина в страну предков». Тушу быстро разделали, стараясь, чтобы вся кровь стекала в шкуру и не попала на землю. Таков был обычай. Куски мяса положили в котел.

Точно так же умертвили и остальных коней, предназначенных «везти в загробный мир» души других воинов. Мясо этих животных теперь варилось для поминальной трапезы.

Но оставалась самая важная часть ритуала. Динлины верили, что показать путь умершим должен был один из духов предков. Байгет объявила собравшимся, что она вызвала этого духа и вселила его в черного быка — священное животное рода. В образе быка предок явится собравшимся. Но чтобы отправить его обратно в загробный мир вместе с умершими сородичами, необходимо этого быка умертвить.

И вот в построенный специально для этого случая загон четверо конных пастухов пригнали могучего черного быка. Но кто решится вступить в схватку, которую жаждет дух предка? Это должен быть сильный и опытный воин. Иначе «предок разгневается» на людей рода, что оружие с ним скрестил недостойный. Старейшина и Чжигас переглянулись с Хорианом. Тот указал на одного из пожилых мужчин, принимавших участие в походе.

Широкая грудь; мускулы упруго играют под рукавами халата; длинные сильные ноги; упрямый взгляд из-под рыжих бровей; чуть выступающая нижняя челюсть.

— Хасель, — торжественно произнес старейшина, — великий предок ждет тебя!

Хасель с готовностью направился к загону. Ведь ему выпала немалая честь. За ним по его знаку последовали два сына и племянник с легкими метательными копьями. Быка раздражала толпа людей вокруг загона. Он яростно мотал головой, рыл копытами землю, ее комья летели через ограду загона.

Трое юношей, войдя в загон, побежали вокруг быка. Они, потрясая копьями, издавали воинственные возгласы.

Бык заревел, опустил голову, направил вперед рога и помчался к племяннику Хаселя. Тот остановился. Но когда бык оказался от него на расстоянии копья, ловко отскочил вправо и нанес своим оружием легкий укол животному в плечо. Бык повернулся к юноше. В это время один из сыновей Хаселя уколол его копьем в бок. Бык, подпрыгнув, молниеносно, хотя это казалось невозможным при его величине, повернулся к новому врагу. Тогда другой сын Хаселя, оказавшись перед самой бычьей мордой, пронзительно свистнул. Бык от неожиданности присел на задние ноги, затем рванулся вперед. Так продолжалось довольно долго. Сородичи возгласами ободряли юношей.

Хасель стоял у входа в загон. Но вот он махнул рукой. Тогда трое юношей отступили к ограде, а Хасель тяжелыми шагами направился к быку.

Подняв руку, он говорил на ходу:

— Приветствую тебя, великий предок! Дети мои потешили тебя боевыми играми. Теперь не откажи мне в чести сразиться с тобой!

Словно приняв вызов, бык рысью побежал к Хаселю. Когда он был совсем близко, Хасель подпрыгнул и стремительным движением рук ухватил противника за рога. Бык яростно вскинул голову, и Хасель, перекувыркнувшись в воздухе, перелетел через него и оказался на ногах. В

толпе сородичей раздался одобрительный гул. Хасель уже снова стоял перед быком, ожидая его нападения. Взрывая землю, бык с ревом бросился на Хаселя. Тот отскочил в сторону. Схватив быка обеими руками за правый рог и упершись ногами в землю, он нечеловеческим усилием мгновение удерживал разъяренного зверя на месте. Затем, отскочив, динлин обнажил кинжал. Он ждал очередного нападения быка, чтобы окончить поединок.

Бык снова бросился на Хаселя. И в то мгновение, когда динлин сделал движение, чтоб отскочить и вонзить кинжал в шею быку, тот неожиданно встал на дыбы. Хасель замешкался лишь на миг; он шарахнулся в сторону, но тяжелое копыто обрушилось ему на плечо, сбilo с ног и раздробило левую ключицу. Сжав зубы от боли, Хасель нашел в себе силы быстро откатиться и избежать смертельного удара рогами. Озадаченный молниеносным исчезновением противника из-под рогов, бык, оглядываясь по сторонам, поднял голову. И тотчас же раздался возглас шаманки:

— Дух предка ищет тебя, Хориан!

Хориан шагнул вперед, перепрыгнул через ограду загона. Степь гулко отозвалась на боевой клич старого воина, и бык повернулся к нему.

Хасель, овладев собою, уже сидел на земле.

Хориан крикнул:

— Ты хорошо начал бой, Хасель! Ты и вернешь предка в мир духов, иди сюда!

С этими словами Хориан побежал навстречу быку. Озадаченный этим, бык замер на месте. В следующую минуту он опустил голову, намереваясь броситься вперед. Но железные руки старика мертвой хваткой впились в рога, полы халата закрыли глаза, грудь с невероятной силой уперлась в лоб животного. Лишь миг удерживал Хориан быка на месте. Но этого мига оказалось достаточно, чтоб Хасель подскочил к быку и вонзил ему в шею кинжал. Тело быка в последнем яростном движении рванулось вперед. Хориан отлетел к ограде загона, ударившись спиной и затылком о столб. А бык с хрипом тяжело повалился на землю.

Хориан поднялся, держась руками за столб, и, пошатываясь, направился к выходу из загона. Но голова его, как всегда, была гордо поднята.

Подойдя к сыновьям, он сказал:

— Это мой последний поединок. Мне трудно дышать, словно чьи-то когти впились в мои внутренности. Дух предка уводит меня с собой. Пусть в склепе сохранят для меня место.

От этих слов дрогнули сердца сыновей и внуков Хориана. Но внешне они ничем не выдали тревоги.

Хориан сказал:

— Мы до конца будем на похоронах, пока не свершат все, что положено по обычаю.

Когда мясо быка сварилось, началось поминальное пиршество. Потом фигуры внесли в склеп. Их уложили в постели из сухой травы. У изголовий поставили горшки с мясом, ячменной похлебкой и глиняные чаши. Там же положили куски вареной грудины лошадей и быка. Эти части туши подаются самым почетным участникам трапезы. В склепе поставили большой бочонок с пивом. Уходящих в страну предков снабдили походным снаряжением: переметными сумами, конской сбруей. На пояса прикрепили длинные бронзовые пластины, украшенные с двух сторон изображениями лошадиной головы.

Люди рода Быка верили, что в эти пластины переселились души коней, которые повезут умерших в страну предков.

Снабдили умерших и оружием: ножами, кинжалами, клевцами, луками со стрелами. Однако лезвия ножей и кинжалов были зазубрены, острия наконечников стрел и копий притуплены. Это сделали для того, чтоб оружие тоже умерло и им нельзя было нанести вред живым. Теперь в этом склепе будут хоронить людей из рода Быка, пока он не заполнится весь. По поверьям динлинов, души умерших еще некоторое время будут находиться близко к миру живых сородичей. Когда в склепе больше не останется места, его сожгут и засыпят землей. Тогда на месте деревянного склепа возвысится земляной курган, а «души погребенных окончательно переселятся в страну предков».

И до тех пор, пока не построят нового склепа, умерших будут хоронить в курганной насыпи или в одиночных могильных ямах.

Глава V

Союз мятежного хуннского князя и динлинского наместника против кагана

По первому снегу хуннский князь Узун-Дугай^[12] въезжал в ставку Эллея — наместника кагана в земле Динлин. За князем и приближенными следовал отряд хуннских всадников в легких шлемах и броне из металлических пластин, нашитых на халаты, с луками из рогов антилопы, легкими мечами и копьями.

Далеко позади, у подножия гор, виднелись юрты и дымы ставшей лагерем орды. Стража беспрепятственно пропустила князя и его спутников через земляной вал, и хунны двинулись между деревянными строениями и войлочными юртами. Выходившие на порог динлины провожали отряд враждебными взглядами.

Раскосые черные глаза князя угрюмо бегали по сторонам.

Около каменной стены хунны задержались. Вышедший навстречу Узун-Дугаю начальник караула, в железном шлеме и синем халате, крикнул:

— Тамгу!^[13]

По знаку Дугая один из советников князя выехал вперед и подал начальнику караула кусочек кожи с тамгой: изображением бегущих барсов и грифонов. Он был перерезан зубчатой линией, и вторая половина должна была храниться во дворце. Сложив половинки, устанавливали подлинность этого своеобразного пропуска. Взяв кусочек, начальник буркнул:

— Подождите! — и скрылся за скрипучей калиткой, проделанной в створе ворот. Grimаса ярости исказила лицо Дугая. Его, потомка могущественного кагана Модэ,^[14] которому платили дань кыргызы и динлины, перед которым трепетал далекий Хорезм и отважные массагеты,^[15] заставляли, как какого-нибудь вассала, ждать у ворот! И кто? Чужеродец, который стал по воле покойного кагана хуннским наместником в земле динлинов! Но тут же ожили в памяти горящие юрты, отчаянные крики женщин и детей, гибель лучших воинов, оскаленные звериные лица лучников брата Ойхана,^[16] несущихся на взмыленных конях вслед за ним — Узун-Дугаем. Скрипнув зубами, князь опустил голову. Вышел начальник караула.

— Князь должен сойти с коня и следовать за мной в сопровождении трех вельмож. Люди его могут по одному пройти во двор, сдав оружие, которое им выдадут снова, когда князь покинет дворец.

Кровь ударила в голову Дугая:

— Потомки Модэ всегда были господами в этой земле! Я не позволю позорить честь каганов!

— В таком случае можешь вернуться в степь, — отрезал начальник караула. — Мы тебя не звали!

Пальцы князя впились в рукоять меча, но тут же предостерегающая рука коснулась его кисти. Один из вельмож проговорил вполголоса:

— Не должно горячиться, князь. Путь к славе лежит через испытание.

Рука Дугая разжалась.

— Ты прав, Улачжайту, — пробормотал он, слезая с коня.

Миновали широкий двор, мощный красным камнем, и подошли к дворцовым дверям. На обоих створах красовались рогатые бронзовые лица духа — охранителя дверей. Здесь гостей встретил сановник, проводивший их в просторный зал, где предложил расположиться и подождать, пока он доложит наместнику.

Князь, сидя на мягком ковре, задумался. Что привело его в северные горы, заставило искать спасения и помощи у данников, которых хунны с презрением именовали своим вьючным скотом?

— Истинно, — думал Дугай, — могущество сменяется слабостью, слабость — могуществом... Разве полторы сотни лет тому назад кто-нибудь знал о хуннах, живших в середине Безводной степи и плативших тяжелую дань массагетам? В те суровые для хуннов годы каган Тумань отдал своего сына Модэ в заложники массагетскому повелителю.

Усыпив недоверие массагетов, каган поднял боевые значки двадцати четырех хуннских родов и повел неустрашимых всадников на маленьких косматых конях против векового врага. Юному заложнику грозила скорая и жестокая смерть от руки массагетов, но хитрый и отважный Модэ похитил в стане врага резвого скакуна и бежал к своим.

С радостью встретил старый каган нежданно спасшегося сына и поставил его во главе десяти тысяч всадников, но мстительный Модэ затаил злобу за смертельную опасность, которой подверг его отец. И настал день, когда Тумань свалился на охоте под копыта собственного коня, предательски сраженный стрелой в спину. Модэ вступил на престол отцов.

Но устои власти его колебались.

Главы иных племен и родов хуннов сами не прочь были, прикрывшись щитами верных дружинников, шагнуть в опустевшую белую юрту кагана.

Народ роптал: «Князья и старейшины разбогатели, разграбив шатры массагетов, а мы голы и босы. И многочисленны семьи наши, и малы стада!..»

Но недаром приносил Модэ обильные жертвы кровожадным хуннским богам и духам предков! Они не обидели его умом.

— О чем тужите вы? — сказал молодой каган старейшинам и народу. — Вы хотите править обширными землями? Они перед вами! Вы хотите жить в роскоши и богатстве? Оно само идет к вам в руки!

Взгляните вокруг. Далеко на западе раскинулся Хорезм, богатый золотом и шелками. Там живут прилежные земледельцы и умелые мастера, которые будут хорошими рабами. В солнечной Согдиане жители разводят коней, на которых впору ездить богам, а не людям: зато и зовут их «небесными»!

На севере у Меч-моря^[17] добывают чудесный и лучистый камень, из которого делают священные кольца. А сколько ценных мехов имеют динлины на Великой реке! И всем этим могут овладеть отважные хуннские воины, чья рука привыкла лежать на рукояти меча, а глаз — верно целит стрелу в сердце врага. Мы будем владыками мира!..

Время благоприятствовало хуннам. Динлины на севере были сильны и отважны, но, отрезанные друг от друга горными хребтами, их племена не знали единства, и хунны разбили их поодиночке. Самые упорные погибли в битвах, оставшиеся в живых сложили оружие к копытам каганского коня.

Пришла очередь восточных и западных иноземцев испытать стремительный удар конницы Модэ...

Непрерывные походы приносили новые богатства князьям, а воины гибли в лесах у Меч-моря, в пустынях запада, на плодородных хлопковых полях Согдианы и Хорезма. Отцы теряли сыновей, семьи — кормильцев. В руки бедных кочевников перепадали лишь крохи от несметных сокровищ, накопленных вельможами и каганом.

Вновь над хуннами сгустились грозные тучи. Перед лицом хуннского нашествия земледельцы Хорезма и Согдианы на время забыли былую вражду с кочевыми саками и массагетами. Дрогнули пески Турана под тяжелой поступью панцирной хорезмийской конницы, поддержанной стремительными, словно сайгаки, лучниками кочевников. И пришлось хуннам отступить на восток в родные степи.

На берегах Великой реки динлины поднимали восстание за восстанием, и каждому новому кагану первый поход приходилось начинать в землю Динлин.

Вновь заколебался хуннский престол, но власть над обширными

землями еще тревожила мечты честолюбивых князей и родственников кагана, потомков великого Модэ, сына Туманя. Сотни претендентов устремили взоры к ставке повелителей державы Хунну. Престол переходил из рук в руки, и над головой каждого нового кагана в день и час его воцарения нависали обнаженные мечи, на которых еще дымилась кровь свергнутого предшественника.

В это смутное время попытался овладеть престолом и Узун-Дугай.

И вот, изгнанный из родных степей, ждет он у порога того, кто в иное время должен был бы с поклоном распахнуть ворота перед ним.

Но даже и теперь Узун-Дугай готов был любой ценой добиваться почестей со стороны динлинского наместника.

Что скажут его собственные приверженцы, если узнают, что он — потомок каганов — унизил себя, признав «низкороденных данников» равными «владыкам народов» — хуннам?

А какой удар для Ойхан-кагана, когда тот узнает, что не его, а Узун-Дугая чествуют в земле Динлин как властелина державы!..

Вскоре вернулся сановник.

— Согласно уставу приличий, — обратился он, кланяясь князю, — уважаемый гость наш, войдя в зал, должен первым приветствовать достопочтенного правителя динлинов. При этом князю Дугаю во время церемонии надлежит стоять, а правитель будет сидя беседовать с ним.

Узун-Дугай порывисто поднялся с ковра, на котором сидел. Рядом с ним встал тщедушный со сморщенным лицом и седыми бровями Улачжайту.

— Почтенному наместнику должно быть известно, — заговорил он, предупреждая князя, — что хунны, господа этой страны, не могут первыми оказывать почтения динлинам, равно как и их правителям.

— Однако, — спокойно возразил сановник, — наши гости знают, что покойный каган пожаловал правителю титул западного чжуки-князя,^[18] а западные чжуки-князья, занимая третье после кагана место в государстве, всегда были выше князей Дугай.

— Не должно забывать, — вкрадчиво заметил Улачжайту, — что так было, пока западные чжуки-князья принадлежали к роду каганов. Ныне же западный чжуки-князь не только не потомок кагана, но даже не принадлежит к племени хуннов! Между тем князь Дугай не только хунн, но и потомок великого кагана Модэ!

— А вы не забыли, наши уважаемые гости, — сказал сановник, — что род Элley породнился с хуннами и что жена правителя — дочь покойного кагана! Кроме того, пристало ли пришедшему за поддержкой держать себя

господином?

При этих словах Улачжайту, заметивший нетерпеливое движение князя, резко переменяет тон:

— Довольно! Степные воины не терпят унижений. Мы покинем это место, но пусть динлины пеняют на себя! А кто попробует задержать здесь князя и его людей, пусть знает, что орде дан приказ действовать независимо от того, вернемся мы или нет. Воины князя сдали при входе оружие и доспехи, но никто не потребовал у них снять броню, скрытую под халатами, и сдать оружие, спрятанное в складках одежды.

При последних словах на лице сановника мелькнула тревога:

— Я передам правителю ваши слова, — проговорил он, отступая к двери.

Оставшиеся в зале хунны с опаской посматривали по сторонам. Сам Узун-Дугай, несмотря на горячий нрав, понимал, что любой неосторожный шаг может погубить и его и тех, кто пришел с ним в землю динлинов.

— Улачжайту, — проговорил он вполголоса, — я думаю, что нам все же придется принять то, что предложат нам эти дети волка.

— Ты мудр, повелитель, как и подобает будущему кагану, — отозвался Улачжайту, — следует пожертвовать кое-чем в настоящем ради блистательного будущего.

Сановник снова появился в дверях. Лицо его выражало непреклонность. Гордо подняв голову, он заговорил, чеканя каждое слово:

— Почтенный правитель земли и народа Динлин западный чжуки-князь в неизреченной мудрости своей дает ответ: «Князь Дугай прибыл к нам гостем и союзником, поэтому я согласен встретиться с ним стоя посреди приемного зала. Но приветствовать меня князь должен первым. Такое решение не может унижить ни динлинов, ни хуннов. Если же хунны будут и далее упорствовать, пусть скрестятся мечи и великий дух неба решит, на чьей стороне справедливость!».

Улачжайту взглянул на князя. Князь кивнул. Улачжайту важно произнес:

— Достойный князь Дугай согласен с почтенным наместником, так как такое решение не угрожает достоинству ни одной из сторон.

Распахнулись тяжелые двери с изображениями рогатых духов, и при раскатистом уханье бубнов и звуках труб взорам хуннов предстал обширный квадратный зал, стены и потолок которого были украшены разноцветными изображениями фантастических растений и животных. У дверей и вдоль стен замерли похожие на статуи воины с длинными копьями и круглыми щитами, в железных шлемах, украшенных перьями и

лошадиными хвостами. Между ними на глинобитном возвышении на роскошных коврах и подушках восседали динлинские князья и старейшины в богатых одеждах. Посредине зала под балдахином сидел средних лет полный человек в роскошном халате, шитом золотом и серебром. Черные с проседью вислые усы обрамляли плотно сжатые губы. Живые глаза выражали пронизательность и недюжинный ум. За его спиной стояли двое слуг, один из которых держал в руке опахало, другой — церемониальный зонт.

Это был Эллей — военачальник одного из степных родов, покоренных хуннами, позднее поставленный наместником кагана в земле Динлин. При виде хуннов он быстро поднялся с места и направился навстречу Узун-Дугаю. Они встретились посредине зала и одновременно склонились друг перед другом.

Затем заговорил Дугай:

— Мир дому наместника! Здоров ли он и его семья? Счастливы ли его подданные? Множатся ли его стада? Хорош ли урожай на его полях?

— Мир князю Дугаю, — ответил Эллей. — Благодарение богам, я здоров, как и моя семья. Подданные мои счастливы. Воины крепки. Страна благоденствует и процветает! Но здоров ли князь? Благополучен ли его путь через горы? — При последних словах на губах наместника промелькнула едва заметная усмешка.

Дугай поморщился. Благополучен ли был его путь? Нет, определенно здесь все знают о его поспешном бегстве и потерях и вежливо дают это почувствовать! Между тем, пока проходил взаимный обмен приветствиями, старейшина рода Оленя проговорил вполголоса, обращаясь к князю племени Огненного Кольца:

— Думаю, почтенный, что динлинам не стоит уподобляться неразумным черепахам, панцири которых стали прочным основанием для трона степняка Эллея. Еще недавно он был верным пастухом хуннов, гнавшим наши стада в ставку кагана. А ныне он сам призвал хуннского князя с его ордой в сердце нашей земли!

— Поверь мне, старейшина, — ответил седобородый князь, — что ты глубоко заблуждаешься. Сытый зверь не выходит из логова. Почему набеги хуннов на нашу землю почти прекратились в последние годы? Потому что каганы вовремя получали дань.

Но вся ли дань попадала в ставку каганов? Видел ли ты прекрасное вооружение воинов Эллея? Знаешь ли ты, как оно попало сюда из страны массагетов, из земли исседонов^[19] и Хорезма? Подумай и сообрази! Разве ты забыл, что два набега наших племен на хуннов были предприняты по

совету правителя? Сейчас хунны грызутся между собой за власть, и Узун-Дугай будет нашей стрелой, направленной в сердце державы Хунну!

На второй день пребывания Узун-Дугая во дворце наместника над котловиной низко нависли свинцовые тучи. Несмотря на холод, и Эллей и хунны торопились принести клятву «о мире и родстве». В этот день жители ставки Эллея могли видеть массивную колесницу с крытым верхом, запряженную четверкой лошадей, в которой за спиной возницы сидел наместник, закутанный в огромную медвежью шубу. Рядом с колесницей гарцевал одетый в овчинный полушубок и теплый, украшенный лисьими хвостами трех Узун-Дугай. Сзади отдельными конными группами двигались знатные хунны, динлины и воины охраны.

Выехав за город, процессия стала подниматься по склону горы. Ветер бросал пригоршни снега, тут же сдувая его с горы. Под ногами шуршали прибитые к земле тонкие желтые травы. У подножия проносились серые ветвистые комки перекасти-поля. Эллей плотнее кутал лицо в косматый воротник, Узун-Дугай отворачивался от ветра, загоразживаясь шеей коня.

Наконец достигли вершины. Эллей сошел с колесницы. Узун-Дугай легко спрыгнул с седла. Оба встали рядом. За ними полукругом расположилась знать. Перед ними встали два шамана — хунн и динлин. Один из воинов подвел к Узун-Дугаю белого жертвенного коня. Эллей подал знак начинать. Динлинский шаман поднял лицо и воскликнул:

— О, владыка неба, внемли почтительнейшим слугам своим. Услышьте нас, духи воздуха и земли, вод и гор, диких зверей и стад!

— Не лишайте нас милостей своих, великое небо и земля, солнце и луна! — откликнулся хунн.

Далее заговорили Эллей и Дугай:

— Перед лицом всех перечисленных богов стран Динлин и Хунну! Отныне дом Динлин и дом Хунну будут составлять один дом. Зла друг против друга иметь не будут. Преступников и изменников, из дружественной страны бежавших, принимать не будут. Я, правитель земли Динлин, западный чжуки-князь, обязуюсь помочь князю Дугаю вступить на престол хуннской державы.

— Я, князь Дугай, помня об оказанных мне динлинами услугах, обязуюсь, став каганом: поднимать оружие против врагов страны Динлин, не точить стрел против ее друзей, купцов, едущих в землю Динлин и обратно, пошлинами не облагать, заботиться о безопасности их караванов, ежегодно присылать ко двору правителя в знак дружбы и родства коней и коров, верблюдов и овец, шкуры и ткани, золото и оружие. Кто нарушит эту

клятву, да будет наказан свыше и потомство его из рода в род!

— Да будет так! — воскликнул динлинский шаман. — Договор этот, записанный на языке динлинов, будет вручен князю Дугаю; записанный на языке хуннов будет вручен правителю земли Динлин, сверх того, он будет выбит на каменном обнажении этой горы!

Узун-Дугай взмахнул мечом, и через минуту жертвенный конь упал бездыханно. Один из воинов подошел к Дугаю с чашей вина. Эллей знал, что эта чаша сделана из отпиленной верхней части черепа славнейшего воина исседонов, убитого в бою дедом Узун-Дугая. Снаружи она была украшена пластинками листового золота.

Князь опустил в чашу конец меча, еще дымящегося от крови. Затем отпил глоток и с поклоном передал чашу Эллею. Тот, слегка коснувшись влаги губами, вручил ее одному из динлинских старейшин. Чаша пошла по кругу. Вино, смешанное с кровью жертвенного коня, скрепляло произнесенную клятву.

Когда процессия двигалась обратно в город, хуннский старейшина Тудаменгу, приблизив лицо к Улачжайту, спросил его тихим прерывающимся голосом:

— Неужели Узун-Дугай решится бросить державу хуннов к ногам северных варваров? Я отказываюсь быть пособником такому позору!

Улачжайту презрительно усмехнулся:

— Не стоит тревожиться. Едва князь Дугай займет престол отцов, как будет принесена жертва небу о разрешении от клятвы.

Прибыв во дворец, Эллей не спеша направился в свои покои. Приятно было после долгого пребывания на морозе прилечь на теплую глинобитную лежанку и маленькими глотками пить кумыс из глиняной чашечки, заедая сладостями.

— Тундэ!

Раб из северного таежного племени замер на пороге покоя.

— Позови Тымака.

Через несколько минут в комнату с поклоном вошел высокий молодой динлин.

— Что нового? — спросил Эллей.

Лицо Тымака выражало тревогу.

— Прибыл гонец кагана. Привез письмо. — Тымак протянул наместнику свиток.

Эллей нахмурился:

— Видел ли гонец кагана орду князя Узуна?

— Нет. Он приехал с юга, а орда, согласно твоему приказу, стоит в

горах, к северу от ставки.

— Не встретил ли гонец во дворце кого-нибудь из людей Дугая?

— Нет. Во дворце лишь князь и трое вельмож. Стража внимательно следит за отведенным им покоем, а гонца поселили в противоположной части здания.

— Так... — Эллей развернул письмо. Черные значки замелькали перед глазами: «Рожденный небом и землею, поставленный солнцем и луною, великий хуннский каган милостиво вопрошает младшего брата и верного слугу своего Эллея о здравии. Мы сообщаем, что злонамеренный мятежник и разбойник, именующий себя князем Узун-Дугаем, разбит нами и с малочисленной шайкой таких же, как и он, негодяев бежал через землю кыргызов к северным горам. Мы имеем точные сведения, что названный мятежник нашел убежище в земле Динлин. Надлежит тебе найти мятежника, захватить и доставить живого или мертвого в нашу ставку. Если до весны ты не справишься, силы хуннов придут тебе на помощь».

Эллей отшвырнул письмо. «Так! Каган почувствовал опасность. Теперь он прибегает к угрозам! Весной в землю Динлин придут „помощники“, которых мы не видели почти тридцать лет!».

— Хорошо, — стараясь быть спокойным, проговорил Эллей, — завтра я вручу тебе письмо Ойхан-кагану, и ты передашь его гонцу. Пускай Ойхан также верит в мою преданность, как прежние каганы. До поры, до времени, конечно. Что еще?

— Преступление Кайгета, начальника караула, пропустившего во дворец хуннов с оружием под одеждой.

— Знаешь ли ты, как следует наказывать за такие проступки?

Тымак в волнении опустил голову, но, справившись с собой, ответил:

— Отсечением головы.

— Так. А сколько лет служит Кайгет нашему дому?

— Двадцать лет.

— Сколько совершил он за это время скверных поступков?

— Ни одного.

— Сколько совершил достойных дел?

— Их не счесть.

— Так... Каган из дома Хунну не посчитался бы с прошлыми заслугами. Там за единую неудачу достойного человека лишают жизни. Мы поступим не так. Кайгет должен искупить вину. Завтра ты объявишь всем о его казни через отсечение головы, а между тем...

Он вплотную подошел к Тымаку и прошептал ему на ухо несколько слов. Тот кивнул.

— Теперь все? — спросил Эллей. Тымак в нерешительности переминался у двери с ноги на ногу.

— Ты хочешь еще что-то сказать? Говори смелее.

— Неужели правитель верит в искренность клятвы хуннов?

— Так вот ты о чем!? — Эллей рассмеялся. — Наши войска, которые отправятся с Узун-Дугаем, останутся там и после его вступления на престол, а в каждом из хуннских родов будут взяты заложники.

Глава VI

Нашествие войск хуннского кагана на землю динлинов

Еще вчера Великая река была скована льдом, долина утопала в снегах, морозный ветер обжигал лицо. А сегодня ледяные поля, раскальваясь и обгоняя друг друга, с грохотом мчатся по реке, пожелтевший снег стекает ручьями по логом, в долинах поднимаются первые травы, и можно сбросить с плеч тяжелую овчину.

Вместе с реками, ручьями и весенними ветрами зашумело, загудело ожившее селение рода Быка. Предстоял отгон скота на весенние пастбища. Блеяли овцы, ржали беспокойно жеребцы, перекликаясь с кобылицами, надрывно мычали коровы. Люди выкатывали из-за домов легкие, на четырех колесах повозки. На них ставили войлочные палатки.

У первого дома стоял обнаженный по пояс Гелон, старший сын Хориана, и громко распоряжался. После смерти старого Хориана он, по обычаю, стал хозяином дома, главой семьи и мужем младшей молоденькой жены отца, которую тот взял в дом после смерти матери Гелона.

Даны последние наставления, и новая волна скота влилась в широкий поток голов и спин, движущийся по долине. Большие, похожие на волков, псы рысцой трусят за стадом. Впереди покачиваются в седлах братья Гелона — Хангэй и Дунгу. Сзади едут два сына Гелона — Канзыр и Бергун и шестнадцатилетний племянник Алакет. На поясах юношей кинжалы, к седлам приторочены луки со стрелами и клевцы. Еще дальше стучит запряженная четверкой лошадей повозка с палаткой. На одной из лошадей упряжки едет Фаран. Рядом с кибиткой гарцует на гнедом коне сероглазая красавица, жена Дунгу.

Ярко светит весеннее солнце. Вдалеке видны горы. У их подножия пять курганов. Еще дальше возвышается суровое изваяние каменной матери. Дышится легко, на душе радостно. Из сердца Алакета сами собой рвутся слова песни. Что за песня? Ее певали деды во времена славных боевых походов. В ней — любовь к родной земле, мечта юности о ратном подвиге...

О, как прекрасна ты, наша великая степь!
Э-ге-гей!

Весною мягкие травы твои закрывают
 коня выше холки!
Э-ге-гей!
В зелени буйных трав спрячешь ты, степь,
 грозных динлинских воинов,
когда идут они походом на полдень
 в сторону черных пустынь!

— Э-ге-гей, э-ге-гей! — подхватывают песню братья Алакета. Им вторят голоса остальных молодых всадников.

Кажется, будто кони и скот движутся в такт песне. Даже собаки умолкли. У порога крайнего жилища стоит девушка с длинными черными косами и смотрит из-под ладони на вереницу животных, всадников, кибиток. Глаза ее живые, черные и раскосые. Верхняя губа чуть приподнята, и от этого выражение лица кажется трогательным и слегка удивленным, словно весенний шум, тепло, яркое солнце неожиданны для нее.

Она не похожа на своего отца — динлина. В ней течет южная кровь матери, кровь скотоводов кыргызов. У нее динлинское имя, но все знают, что мать дала ей второе имя на языке кыргызов — Мингюль.

Вот до ее слуха долетела песня юношей, губы тронула задумчивая улыбка.

И когда предутренный туман оденет землю,
обрушатся храбрые динлины на большое кочевье хуннов!
Э-ге-гей!
Ворвутся туда динлины,
где полощутся на ветру лошадиные хвосты
на длинной пике над золотой кибиткой кагана!

Вот когда задрожат хуннские баатуры,
вот когда побегут они, словно испуганное
баранье стадо!
Э-ге-гей! Э-ге-гей!

Дальше поворот. За склоном горы исчезли курганы, каменная мать, селение, девушка с черными глазами.

Кто-то теплыми нежными руками обнял Мингюль за плечи. Вздвогнув, девушка легко, как белка, выскользнула из объятий и отскочила в сторону.

— Испугалась, суслик? — сзади улыбалась невысокая полная женщина. Смуглое лицо ее изрезали мелкие морщины, но живой и помолодому задорный блеск черных глаз не уступал блеску круглых медных бляшек, украшавших головную повязку. Кажется, лучи маленькими солнышками сияли на бляхах и в глазах...

— А вот и нет, не испугалась, матушка! — пропела Мингюль, припав щекой к плечу женщины. — Мне нельзя бояться! Мой отец — динлин!

— Ну, запрыгал мой кузнечик! — засмеялась мать. — А скоро в поле. Вчера на камнях у нас сломались две мотыги. Возьми-ка рукоятки для мотыг да сбегай к отцу.

Тут лицо женщины стало сумрачным и тревожным, и она добавила полупшепотом:

— Видно, великий хозяин гор немилостив к нам.

— Будет ли он милостив, если и без того узкая тропа от дома вашего к дому Могущественной совсем заросла дикими травами!

Женщины быстро обернулись. Мингюль побледнела. Губы матери задрожали. Обе женщины, сложив руки на груди, низко склонились. Перед ними на спокойном буланом коне гордо восседала высокая старуха в кожаном халате и лисьей шапке — прислужница Байгет.

— О, достойная служительница! — начала мать Мингюль дрожащим голосом. — Не гневись на нас! Сегодня муж мой к дому защитницы рода нашего пошлет сына, а с ним — лучшего барана из стада для Могущественной и две мотыги из бронзы для тебя, солнцеподобная.

— Пять мотыг, дабы умиловить хозяина гор, — отрезала служительница, — и четырех баранов в дар владыке неба!

И, тронув поводья, она неторопливой рысцой направила коня к следующему дому.

Мингюль с матерью, опасливо оглядываясь, вошли в дом.

Здесь, сидя перед обложенным серыми обугленными камнями очагом, худошавая пожилая динлинка с грустными глазами похлопывала ладонями широкую ленту мокрой глины, распластанную на доске.

Взглянув на вошедших, она свернула глину в широкое кольцо, пальцы ее быстро и привычно забегали по стенке почти вылепленного глиняного горшка. Затем она по очереди стала брать отточенные палочки из дерева и лопатки из кости. Она ловко проводила палочкой по сырой глине, и на ней появлялись то ровные, словно степь, полосы, то острые, как вершины гор, зубцы, то плавные изгибы, подобные колышущимся волнам.

Три горшка стояли на огне очага, чтобы обожженная глина стала твердой и звонкой.

Это была вдова дяди Мингюль, погибшего недавно в горах во время снежной бури. По обычаю отец Мингюль взял жену брата в свой дом, став вторым отцом ее пятерых маленьких детей.

Вот и сейчас мальчик и девочка постарше размачивали глину в деревянном корыте, а трое малышей играли на шкурах в углу жилища.

Мать Мингюль прошла в другой угол, где стояла бочка с водой, перетянутая деревянными обручами.

В воде мокли длинные и толстые палки. Три такие палки, согнутые под углом и стянутые ремнями, сохли на стене жилища. Конец каждой палки был коротким, а другой — длинным. Это и были рукояти для мотыг.

Мать Мингюль сняла со стены рукоять, сощурила глаза, которые стали теперь похожи на щелки, и стала ее внимательно осматривать и ощупывать. Затем подала две рукояти дочери:

— Эти готовы, дочка. Беги к отцу.

Мингюль ласточкой выпорхнула из дома и побежала с холма. Весенний ветер вскидывал, словно крылья, полы короткого халата из синей шерстяной ткани. Шаровары из кожи дикой козы не стесняли движений, а босые пятки давно привыкли к острым камешкам, жесткой прошлогодней траве и колючей хвое горных лесов. Звенящая песенка Мингюль сливалась с голосами степных птиц:

Ой, милая сестричка Мингюль,
пора брать тебе мотыгу!
Скоро пригреет доброе солнышко,
пора начинать сеять ячмень!

У подножия холма полыхал огромный костер. В центре между камнями укреплен большой глиняный сосуд с круглым дном и очень толстыми стенками. К краям его подступала дышащая жаром багровая масса — это плавилась бронза. Невдалеке от костра сидел на камне старик с широким лицом и горбатым носом. Седая борода его сбилась на одну сторону. Длинные волнистые волосы спутались на ветру. Старый халат из оленьей кожи прожжен в нескольких местах. Перед динлином стоял деревянный бочонок с влажной глиной. Держа в руке бронзовый наконечник мотыги, старик склонился над бочонком, достал из него ком глины, размял в руках, а затем разделил на две половины и в каждой из них сделал оттиск половины мотыги. Эти части глиняной формы он положил у огня, а затем, взяв у костра уже затвердевшие, словно кирпич, формы, он сложил их вместе, еще раз обмазал сверху глиной и, захватив длинными железными щипцами, некоторое время подержал над костром.

— Готово, Умахет!

Молодой динлин с серыми глазами быстро поднес к сосуду на костре глиняную ложку с длинной железной ручкой, обернутой на конце толстым слоем кожи. Зачерпнув вязкую расплавленную массу, Умахет поднес ложку к форме, которую старик продолжал держать щипцами. Бронза, разбрызгивая яркие искры, стекала в небольшое отверстие, оставленное в глиняной форме.

— Довольно, Умахет!

Старик подержал форму щипцами, помахивая ею в воздухе, затем положил на камень.

На холме зазвенело:

Когда ветер закатной стороны
принесет нам теплый дождь,
тогда зазеленеет наш ячмень...

— Скачет наш горный олененок, — улыбнулся старик, и морщинки, словно лучи, побежали по его щекам и от уголков глаз.

— За мотыгами, сестрица? — ласково улыбаясь, Умахет взял у Мингюль рукоятки и подал их старику.

— Эти готовы, — указал старик на две формы, лежавшие на камне.

Умахет встал на колени возле камня и сильными ударами разбил сначала одну форму, затем — вторую. Освобожденные от оболочки мотыги он подал отцу.

Тот взял лежавший у камня железный молоток и несколькими ударами подправил изделие. Затем вынул из-за пояса напильник, удалил неровности и заусеницы на металле. Между тем Умахет железным ножом обстругал короткий конец рукояти, крепко насадил на него бронзовый наконечник и забил в два отверстия на нем бронзовые гвоздики.

Мингюль взяла мотыги, и вдруг лицо ее помрачнело.

— Что с тобою, сестра? — спросил ее Умахет. — Уж не подкрался ли к тебе в сумерки дух болезни?

— Нет, брат мой, благодарю владыку неба, злые духи не переступали порог нашего дома. Но служительница духов сказала сегодня, что гнев хозяина гор достигнет нас, если мы не принесем Могущественной богатый дар овцами и мотыгами.

Глаза Умахета сузились, словно молния сверкнула в них:

— Воистину каждый динлин делает у себя дома вещи из бронзы! Но мотыги и ножи, которые отливают отец наш, славны во всем племени Огненного Кольца. Почему же мы терпим нужду? Дар князю, дар старейшине, но сколько же даров должно отдать духам?..

— Молчи! — лицо старика потемнело. — Молчи! Или ты не знаешь, неразумный, что хозяин гор присутствует в каждом камне, каждой скале, каждом утесе? Огненная стрела его достигнет и поразит дерзкого, куда бы тот ни скрылся!..

Умахет до крови закусил губу. Мингюль, с опаской косясь на камень, на котором лежали глиняные формы с бронзовыми наконечниками, направилась к дому с мотыгами на плече.

...Мингюль и тетка шли степью, держа мотыги на плечах.

Ветер нес и крутил мелкий песок, бросал его в глаза. Песчинки противно хрустели на зубах. Впереди за поворотом дороги, огибающей холм, они догнали несколько женщин в халатах из кожи или пестрых тканей. Некоторые несли за плечами детей, закутанных в платки.

Послышались приветствия:

— Счастливы ли вы, сестры?

— Будь счастлива, Мингюль!

— Мир тебе, почтенная тетушка Ольбак!

— Благословенна будь, племянница!

— Жаркий день будет...

Женщины заторопились.

В это время сзади послышались долгие, тоскливые звуки. Женщины опустили головы.

«О-о-о-э, О-о-э!..» — несло над степью.

Казалось, что стонет земля, истерзанная, измученная духами сухих ветров, летящими на черных и желтых крыльях из далекой Безводной степи. Раздался топот. Женщин обогнали десятка два худых, грязных людей в лохмотьях, едва прикрывавших плечи и бедра. Стан каждого из них охвачен ремнем, связанным с таким же ремнем на теле соседа.

Свободные концы ремней привязаны к седлам коней двух динлинов, едущих справа и слева. Динлины держали в руках копыя, у поясов покачивались кинжалы в кожаных ножнах с бронзовыми бляшками. Сзади ехал на стройном вороном коне третий, в красном, словно камень динлинских гор, халате из шелка. Рядом с берестяным колчаном, полным стрел с орлиным оперением, у седла повисла длинная плеть. Суровая складка залегла между его темными бровями, и продолговатое лицо с чуть опущенными вниз углами губ казалось от этого старше, хотя динлин был еще молод.

— Мир тебе, старший брат наш.

Женщины склонили головы перед всадником.

— Мир и вам, сестры! — приветствовал их всадник и проехал вперед. Старая динлинка в желтом, надвинутом на брови платке покачала головой:

— Деды учили нас, что рука динлина одинаково должна уметь взяться за мотыгу, лук и клевец, соорудить котец^[20] и ловчую яму на зверя. Но с тех пор как старейшина гонит на свои поля все больше и больше рабов, сыновья и племянники его лучше умеют держать в руках плеть, чем аркан скотовода!

— О чем сокрушаешься ты, тетушка Ольбак? — возразила черноглазая девушка в сером, с красной обшивкой халате. — Ведь дикие люди северных лесов и далеких южных пустынь для того и созданы, чтобы быть говорящим скотом высокорожденных динлинов!

— Как не совестно тебе, дочь моя, поучать старого человека! — отозвалась Ольбак. — Разве не говорят того же самого о нас злобные хунны, что, словно шакалы, бродят по степям, когда зайдет солнце? Ведь так же томятся в неволе в чужих странах мои старший сын и дочь, которых увезли хунны... Может быть, так же гонят их плетьюми злобные надсмотрщики...

Ольбак поднесла конец платка к глазам.

Девушка смешалась с толпой подруг.

Но вот холмы расступились, и перед женщинами раскинулась широкая равнина, на которой повсюду зеленели дикие травы. Вдали рыбьей чешуей искрились воды оросительного канала, проведенного сюда от Великой реки.

— О-о-э, о-э-э!.. — неслось оттуда печальное пение.

Рабы все как один то склонялись, рыхля коричневую землю, то распрямлялись, поднимая мотыги. Надсмотрщики с копьями в руках двигались по обе стороны шеренги невольников. А дальше, у самого края канала, возвышалась фигура всадника на вороном коне.

Ольбак снова проворчала, прикрыв рот широким рукавом халата:

— Дед достойного Ченбака знал, как обработать поле... Но сам достойный Ченбак, видно, умеет обрабатывать его только глазами!..

И женщины, мерно взмахивая мотыгами, двинулись по полю. Ольбак взглянула на Мингюль, идущую справа, вздохнула и начала грудным низким голосом:

Опустим в землю мотыги!

Ой, опустим, о-э-э! —

подхватили женщины.

Песня, словно на крыльях, понеслась по полю:

Землю твердую, как камень, сделаем мягкой,
как облако!

Ой, сделаем, о-э-э!

Дети бросят из корзин в землю зерна!

Ой, бросят о-э-э!

Гор хозяин зерна наши согреет, духи вод напоят влагой!

Ой, напоят, о-э-э!

На противоположном берегу канала появился всадник. Рыжий конь под ним тяжело дышал, вздымая потемневшие от пота бока. Видно, неблизкий путь проделал он по горам, неся на себе высокого, широкоплечего, словно отлитого из железа, хозяина.

Плотно облежавший тело динлина дорожный кожаный халат поскрипывал на широких плечах, словно готовясь лопнуть от вздувшихся, как каменные глыбы, мускулов.

— Мир достойному брату Ченбаку! — бычьим голосом проревел всадник. Тронул поводья, и конь его перенесся через канал.

— Мир прославленному брату Дугундэю! — ответил Ченбак. Всадники не торопясь поехали вдоль канала, осматривая поля.

— Смотри, сестрица! — девушка в сером халате коснулась губами уха Мингюль. — Смотри, это твой будущий муж! Неспроста каждый раз после охоты проезжает он по земле нашего рода. Счастливица! — добавила она. — Ты станешь дочерью рода Барана и родственницей самого князя...

Мингюль рассеянно улыбнулась, пожала плечами и ничего не ответила. За шесть лет мысль о муже стала для нее привычной. Как большинство динлинских девушек, она была с детства обручена с тем, чьи родители отдали за нее плату отцу и старшему брату.

Говорили, что когда десятое лето жизни Мингюль сменилось осенью, увидел ее проезжавший через селение родственник князя — могучий Дугундэй. А через два дня отец и мать Мингюль нашли у своих дверей сосуд сватовства со знаками рода Барана...

А песня плыла и плыла по степи, улетая за Великую реку к склонам далеких гор:

Мы срежем серпами ячмень, зеленый, как
вечернее облако, густой, как горные леса,
переливающийся, как волны Великой реки!

Ой, срежем, о-э-э!

Обмолотим зерно большими палками
в деревянных ступах!

Ой, обмолотим, о-э-э!

Мы разотрем его между двумя плоскими
камнями. Будет мука!

Ой, будет, о-э-э!

Большой желтый платок старой Ольбак сполз на затылок. Из-под него выбились седые прядки. Женщина, щурясь, взглянула вверх. Солнце стояло высоко.

«Владыка неба в золотом венце проехал на белом коне по небу половину дневного пути, — подумала Ольбак, — скоро отдых...»

Горы розовели в лучах восходящего солнца, овцы, поднимаясь с земли, приветствовали утро протяжным блеянием. Казалось, всадник со взглядом, устремленным вдаль, замерший подобно статуе, сам излучает золотистое сияние. Вдали показалась черная точка. Она быстро росла, приближаясь к Алакету. Скоро стало видно несущегося во весь опор человека на буланом коне. Халат его был в пыли. Длинные волосы развевались по ветру. Алакет

узнал дядю Паана.

— Беда! — хриплым голосом крикнул Паан. — Зови остальных!

Через минуту они вдвоем подскакали к палатке. У входа толпились взволнованные родственники. Паан произнес только одно слово:

— Хунны!

Испуганно вскрикнули женщины. Мужчины схватились за оружие.

— Говори, — спокойным и ясным голосом сказал Хангэй.

— Гонец прискакал к земляному валу у входа в долину, — ответил, не слезая с коня, Паан. — Но слишком поздно. Хунны пришли следом за ним, сожгли частокол на валу. Наши воины погибли. Брат Асмар больше не вернется к нам!

Лица мужчин замерли, став похожими на строгие маски. У Алакета перехватило дыхание, туманом заволокло глаза, но он сжал зубы, напряг мускулы и внешне ничем не выдал своих чувств. Женщины заплакали навзрыд.

— Тише! — крикнул Хангэй. — Продолжай, — обратился он к брату.

— Южную половину селения занял враг. Дома горят. Старейшина с частью воинов защищает северную половину. Женщин, детей и часть скота отправили в укрепление. Там тоже наши воины. Другую часть скота укрыли в горах.

— Много ли хуннов?

— Около пяти тысяч... Говорят, что в их войске, вступившем на землю Динлин, около сорока тысяч во главе с восточным лули-князем.^[21] Прощайте! Я спешу назад к старейшине...

Повернув коня, Паан помчался в сторону селения. Хангэй строго взглянул на родственников.

— Слушайте. Я старший среди вас. Канзыр, Бергун, отец ваш в рядах воинов старейшины, вам надлежит быть с ним. Мое место также рядом со старшим братом. Я поеду с вами. Ты, Дунгу, останешься здесь старшим и выведешь скот к укреплению. Торопись, пока хунны не отрезали путь.

— Отец! — воскликнул Алакет. — Возьми и меня с собой!

— Твое время еще не пришло, — сурово отозвался Хангэй, — будь там, где тебе указано, и хорошенько исполняй свой долг.

И трое всадников помчались вслед за Пааном. Дунгу и Алакет, крича и свистя, принялись собирать стадо. Им помогали верные сторожевые собаки. Вскоре стадо двинулось по склону пологого холма, а сзади затряслась, сопровождаемая женщинами, повозка с палаткой. Когда Алакет и Дунгу поднялись на холм, их глазам открылась широкая долина, по которой текла речка. От нее отходил канал. Алакет знал, что дальше он

делился на два рукава, один из которых шел в долину рода Быка и орошал поля, другой — в долину рода Оленя. В начале канала видна высокая кольцеобразная насыпь укрепления. Такие же укрепления были там, где канал делился и где кончались оба рукава. Канал — жизнь обеих долин. Поэтому даже в годы междоусобной вражды род Оленя и род Быка совместно охраняли укрепления от посягательств со стороны.

Стадо двинулось вниз по холму. И вот когда оно достигло подножия, сбоку, из ложбины, с воинственными криками вылетело десять вооруженных всадников. Сердце Дунгу учащенно забило. По остроконечным шапкам, отороченным мехом, и одеждам, сшитым из шкур шерстью наружу, он узнал хуннов. Четверо из них отличались от остальных. На них были панцири из кожи с нашитыми на ней железными пластинками и остроконечные, надвинутые на глаза шлемы. Тяжелые штурмовые копья прикреплены одним концом к кожаному конскому нагруднику, другим — у крупа.

Дунгу понял, что эти четверо — телохранители лули-князя. Сзади одного из них к седлу привязана женщина, скрученная ремнями по рукам и ногам. Длинные волосы ее развеваются по ветру. С яростными возгласами хунны развернулись в шеренгу и понеслись навстречу динлинам, растерянно замершим в седлах.

«Что же делать? — мелькнуло в мозгу Алакета. — Надо сражаться... или бежать? Их много».

Впервые юный динлин столкнулся с врагами. Противный холодок подобрался к сердцу. Возглас Дунгу внезапно вернул всех к жизни:

— Алакет! За мной!

Алакет не помнил, как отпустил поводья. В следующее мгновение он увидел, что мчится следом за Дунгу, навстречу хуннам. Хуннский телохранитель поднял лук. Юноша увидел, как его дядя клевцом отбил стрелу, направленную ему в голову, и врезался между двумя хуннами, оказавшимися впереди остальных. Уклонившись от удара копья, Дунгу быстро и точно ударил клевцом в висок хунна. Вслед за тем бросил взгляд влево. Мелькнуло искаженное яростью лицо врага.

Перебросив клевец в левую руку, Дунгу ударил занесшего меч хунна в лицо, и тот, ахнув, свалился под копыта пляшущих коней. Железный шлем покатился на землю, звякая о камни. В тот же миг и Фаран, овладевшая собой, пустила стрелу в коня третьего хунна — тот рухнул на землю вместе с седоком.

Четвертый хунн-телохранитель в броне и шлеме, к седлу которого была привязана пленница, напал на Дунгу сбоку. Быстрым движением он

вскинул лук. Свистнула стрела, и Дунгу со стоном схватился за бок.

— Алакет! Держись! — сквозь зубы выдавил раненый динлин. Конь понес его к палатке.

Алакета охватило напряжение боя. Сердце его было полно ярости. К тому же в пленнице он узнал Мингюль — девушку из своего рода.

Боевые уроки Хангэя и старого Хориана не пропали даром. Алакет поднял лук. Он прицелился в крайнего справа телохранителя. Но спуская тетиву, внезапно повернулся в седле. И стрела помчалась не в крайнего хунна, прикрывшегося кожаным щитом, а в того, который стрелял в Дунгу. Стрела впилась в глаз не успевшего защититься воина, и он свалился с седла. Конь, с привязанной к седлу Мингюль, поскакал вдоль подножия холма.

Женщины не оставались в стороне от схватки. Когда хунн издали метнул аркан, пытаясь набросить его на шею жены Дунгу, женщина нагнулась. Ремень больно хлестнул по спине. Не успел хунн подтянуть аркан, как женщина отсекла кинжалом петлю и погналась за конем убитого Алакетом хунна, к седлу которого была прикручена Мингюль.

Быстро освободив девушку от ремней, она помогла ей сесть в седле. В это время Фаран, держа в правой руке клевец, а в левой — кинжал, с трудом отбивалась от рослого хунна, который не переставая сыпал быстрые удары мечом.

Жена Дунгу бросилась на помощь. Налетев сзади на противника, который не ждал отсюда нападения, она вонзила ему в шею кинжал. Тем временем Дунгу подскакал к палатке. Он с силой выдернул стрелу, вырвал из палатки клоч войлока, прижал его под халатом к кровоточащей ране и быстро обвязал сверху поясом. Затем не медля бросился на помощь племяннику. А тому приходилось туго. Седоусый хунн, умело направив коня, избежал смертельного удара клевцом и сам вонзил копье в грудь коня Алакета. Юноша едва успел спрыгнуть. Хунн занес меч, но, внезапно вскрикнув, выронил его. Пес Алакета повис на руке, занесенной было над головой хозяина. С трудом удержавшись в седле, хунн ударил смелое животное в голову кинжалом, и пес, взвизгнув, покатился по траве. В эту минуту рядом оказался Дунгу. Хунн бросился к нему, сжимая копье. Дунгу поднял коня на дыбы и занес клевец. Клевец со звоном опустился на шлем седоусого врага. В этот страшный удар были вложены и вес коня Дунгу, и сила скакуна, рванувшегося навстречу хунна, и крепость мускулов динлина. Деревянная рукоять клевца переломилась надвое, хуннский конь упал на колени, а всадник, перелетев через голову коня, замертво распластался на земле.

Потеряв хозяина, конь попытался броситься в степь, но Алакет крепко держал его за узду. Минута — и юноша снова в седле. Теперь из пятерых хуннов, которые могли принять участие в бою, один был без коня, а остальные отбивались от собак, которые стаей бросались на врагов, пытаясь схватить их за горло. Хунны были растеряны и ошеломлены. Они никак не ожидали такого отпора от четырех динлинов, двое из которых к тому же были женщинами, а третий — юноша, почти мальчик.

В укреплении заметили схватку. Несколько всадников быстро скакали от вала на помощь своим. Один из хуннов, громко вскрикнув, указал на них товарищам: пеший хунн оказался на крупе коня другого воина. Враги динлинов исчезли за холмом, преследуемые лаем собак и возгласами победителей.

Прошло тридцать дней. Пятитысячная орда тесным кольцом обложила укрепление. В степи раскинулись шатры. Поднимались дымы походных костров.

На расстоянии полета стрелы от рва, опоясывающего укрепление, разъезжали группы конных хуннов. Стоило динлину неосторожно показаться из-за вала или хунну ближе подъехать ко рву, как стрелы со свистом прорезали воздух, грозя гибелью смельчаку. Несколько раз хунны пытались идти на приступ. Прикрываясь кожаными щитами, они толпами бросались в ров и по грудь в воде шли к валу. Набрасывали на колья частокола, увенчивающего вал, длинные арканы, приставляли наскоро сделанные лестницы. Лезли на вал.

Динлины отталкивали от стен лестницы, перерезали арканы; если хуннам удавалось взобраться, завязывалась схватка на валу, и тела убитых защитников и осаждающих срывались со стены и с плеском падали в ров. Иногда, если ночь была темной и небо заволакивали облака, смельчаки динлины устраивали вылазку. Тридцать-сорок человек, раздевшись догола, натирали тело бараньим жиром, раскрашивали лица в боевые цвета, красный и черный, и, взяв оружие и корзину с тлеющими углями, выходили на вал.

Тихо, без единого всплеска, переплывали ров. Пользуясь каждым углублением в земле, каждым бугорком, ползли в лагерь противника. Минута — и железные пальцы сжимают горло караульного хунна. Еще минута — горят шатры. С громким боевым кличем динлины набрасываются на спящих врагов, сея ужас и панику. Если опомнившимся хуннам удастся схватить кого-нибудь из смельчаков, смазанное жиром тело легко выскальзывает из рук преследователей. А затем динлины исчезают,

растворяются в темноте так же внезапно, как и появились.

Обороной крепости руководил Ченбак — племянник старейшины. Сам старейшина с частью воинов укрылся в горах и оттуда нападал на врага, пытаясь пробиться на помощь крепости, но каждый раз натиск динлинов разбивался о панцирные массы хуннской конницы.

Так прошло тридцать дней, а на тридцатую ночь к серебрящейся под лунным светом белой палатке Ченбака прибежал караульный динлин. Ченбак спал чутким сном, подложив под голову седло и накрывшись халатом. Услышав сквозь сон торопливые шаги, он мгновенно вскочил на ноги. Рука привычным движением пристегнула к поясу кинжал. В железном шлеме с клевцом в руках Ченбак встал у входа. Он сразу узнал молодого караульного:

— Что случилось, Алакет?

— Слышишь, начальник?

Алакет указал в сторону хуннского стана.

Ченбак прислушался. Донесся топот копыт, скрип колес, звон металла, приглушенные голоса. По всему полю двигались темные тени. Мелькнула мысль: «Не думают ли хунны идти ночью на приступ?»

— Прикажи нашим смельчакам выйти за вал, — как будто читая мысли собеседника, проговорил Алакет.

— Да, позови разведчиков. Пусть всё узнают. Умахет, — обратился он к динлину, стоявшему на часах у палатки, — подними воинов, пусть приготовятся к бою.

Алакет и Умахет исчезли во мраке. Через некоторое время в укреплении послышались осторожные шаги, приглушенные голоса. Иногда чуть звякали удила конской сбруи. Томительно тянулось время. Ченбак и несколько старых опытных воинов, сидя на шкурах в шатре, ждали новостей.

Наконец у входа появился Алакет. Лицо его выражало недоумение:

— Хунны поспешно уходят!

Старые воины переглянулись.

— Так ли, юноша? — спросил широкоплечий с окладистой каштановой бородой Чжигас. — Не обманула ли тебя ночная мгла или неверный свет месяца?

Но тут стали появляться разведчики. Они говорили одно и то же: «Хунны уходят!»

Радостно блеснули глаза Ченбака.

— Братья! — воскликнул он. — Значит, помощь близка! Чжигас, возьми половину войска и ударь по уходящему врагу.

Взошло солнце и осветило вытопанную конями, покрытую серой пылью равнину, на которой большими круглыми пятнами чернели следы походных костров, но нигде — ни вблизи, ни вдали — не было видно ни одной палатки, ни одного хунна.

Из-за холмов донеслось пение рогов, громкие торжественные звуки бубна. Воины, женщины, дети, собравшиеся на валу, радостно заговорили:

— Боевая музыка динлинов! Наши возвращаются победителями!

На дороге показалась группа всадников. Одна, другая... Скоро отряды слились в широкую длинную ленту, извивавшуюся по дороге. В центре, среди леса копий, где сверкали железные и бронзовые шлемы, плыло на высоком древке большое медное кольцо, обмотанное шерстью, облитое смолой и зажженное. Рядом плыл на другом древке бронзовый значок, похожий на маленький опрокинутый котел, верх которого украшен изображением барана. Под этими двумя значками ехал на белом коне в сверкающих доспехах седобородый князь племени Огненного Кольца, принадлежавший к древнейшему в племени роду Барана.

Следом за телохранителями князя двигались воины рода Быка и отряд Чжигаса. За ними покачивались в воздухе боевые значки остальных родов племени. Приветствуемое радостными возгласами защитников укрепления, войско динлинов подошло к валу. Сюда же высыпали те, что находились в осажденной крепости. Объятия, расспросы... Горестные возгласы о погибшем отце, брате, сыне. Скоро все знали, что после нападения на род Быка главные силы хуннов двинулись к столице. Большинство динлинских родов яростно сопротивлялось врагу. Лули-князь почти в каждой долине терял часть войска. Из сорока тысяч хуннского войска к столице пришло около половины.

Войско Элlea, подкрепленное ополчением четырех ближних племен, встретило противника у подножия Южных гор. Хунны были разбиты наголову, и сам лули-князь едва не попал в плен. После этого хунны стремительно покатались назад, преследуемые победителями.

Глава VII

Племя Огненного Кольца ограждает свои владения каменной стеной

В долине царило оживление. Повсюду слышались громкие возгласы, стук топоров, грохот бревен. Запряженные попарно быки и лошади волокли из рощи поваленные деревья, везли на повозках плиты красного камня. Люди криками помогали животным, подталкивая груз плечами, грудью или длинными жердями.

Вдали, на обнажениях скал, звенели о камень тесла.^[22] Всюду вырыты в земле небольшие углубления, выложенные изнутри камнями и обмазанные глиной. В них женщины варили длинные полосы бересты, сушили и сшивали их жилами животных. Растерзанное, сожженное хуннами селение постепенно возрождалось из пепла. Кое-где слышались грубые окрики, оскорбительная брань. Это приказывали рабам.

Но в семействе Хориана рабов не было. Здесь все делали сами — пасли скот, обрабатывали поле, ловили рыбу, шили халаты.

— Моя семья достаточно многочисленна, а руки наши достаточно крепки, чтобы не прибегать к помощи подневольных иноплеменников, — говаривал в прежние времена старый Хориан.

Дед его помнил время, когда пленников если не убивали и не приносили в жертву богам, то по прошествии некоторого времени или отпускали, часто за выкуп, или принимали в свой род.

Когда пленные попадали к Хориану, он продавал их старейшине, князю или проезжим купцам или отпускал на все четыре стороны. Много удивительного знал Хориан. Он говорил, что при жизни его прадеда и деда не было в обычае выбирать старейшиной рода членов одной и той же семьи. Но когда, овеянный славой, воспеваемый в песнях, он на старости лет получил предложение боевых друзей и сородичей перенести достоинство старейшины в свое семейство, он отказался.

— В прежние времена старейшина опирался на всех сородичей, ныне у него боевая дружина, с которой он ходит в набеги, которая делит с ним добычу. То, что держалось на уважении, держится теперь на принуждении. Я всегда помогу в трудную минуту любому сородичу советом и делом, но поддерживать уважение к себе клевцом, арканом и золотом я не хочу.

И Хориана чтили и уважали не только сородичи, но и все ближние и дальние племена. Старейшина побаивался его, и даже грозная шаманка Байгет считалась с ним.

Обо всем этом рассказывал Алакету дядя Гелон, пока они вдвоем очищали стволы деревьев для постройки нового дома. Сидя верхом на бревне, они размеренными ударами острых тесел обрубали сучья, длинными лентами состругивали кору.

Канзыр и Бергун таскали бревна к готовой четырехугольной яме, нижней части дома, дно которой было выложено камнями. Здесь Хангэй и Паан быстро делали топорами зарубки на концах бревен и клали следующий венец сруба. Мужчины были обнажены до пояса, и на груди Алакета красовалась татуировка, первый рисунок которой был сделан красной и черной краской после памятной схватки с хуннами по пути в укрепление. На середине груди юноши изображены два бычьих рога, свидетельствующие о том, что он стал полноправным членом рода. Пониже — красная фигура тигра, означающая храбрость, проявленную в исключительных обстоятельствах. Девять завитков на спине тигра говорили о числе убитых в единоборстве врагов. Скальпы их теперь украшали нижнюю часть колчана боевого лука Алакета. Подобная, хотя и менее богатая татуировка, украсила после войны с хуннами и грудь обоих его двоюродных братьев.

Строители перебрасывались веселыми возгласами, но временами все умолкали, лица становились мрачными, а женщины украдкой смахивали слезу. В такие минуты у всех перед глазами возникал образ погибшего Асмара.

Внезапно раздался конский топот, и все взглянули на дорогу.

В селение во весь опор скакал всадник в пыльной одежде. Он осадил коня возле строящегося дома Гелона. Медный шлем и богатая сбруя с бронзовыми бляхами в виде баранов на луке седла говорили о том, что прибывший принадлежит к дружине князя племени. Он громко воскликнул:

— Старейшины родов и главы семей! Лучшие воины и опытные мужи! Все в ставку князя! На совет племени!

Удивленный Гелон бросил тесло и направился к всаднику.

Много лет не собиралось народное собрание племени Огненного Кольца. Князя управляли племенем, советуясь лишь с ближайшими сородичами и дружиной, и только в особо важных случаях собирали совет старейшин.

— Брат, — спросил Гелон, — что случилось? Уж не решили ли князя

собрать племена для похода на землю хуннов?

— Нет, брат, — ответил всадник, — поход начнется будущей весной. Досточтимый правитель Эллей решил за зиму собрать войска племен в одном месте. Оттуда они вместе с войском Дугая пойдут через Безводную степь к ставке Ойхана. Все лето и зиму наши юноши будут упражняться в военном искусстве и конной езде. Князь решил держать совет о том, как лучше оборониться от хуннов, ибо теперь, после поражения лули-князя, каган может двинуть на нас более мощные силы.

Высокий земляной вал, поросший зеленой травой и цепким кустарником, тянулся от одной гряды гор до другой. На верху его был частокол, а вода в ров поступала из текущего рядом притока Великой реки. Вал защищал селение рода Барана — центр племени Огненного Кольца. У подножия вала расстился широкий луг.

Сегодня на нем толпилось множество людей. Среди русских, рыжих, каштановых голов изредка мелькали черноволосые. Слышались возгласы:

— Мир дому твоему, славный Гелон!

— Мир тебе, Идат!

— Да будут безоблачны годы твои, почтенный Соур! Как твои посевы?

— Благодарю тебя, Умахет. А посевы наши, сынок, сожгла орда проклятого лули-князя, сына змеи и шакала.

— Но я, проезжая мимо вашей долины, видел, как шумел сочный ячмень...

— Это поля старейшины и дружинников. Когда пришла орда, они, видя, что силы неравны, откупились богатыми дарами, а мы скрылись в горах и укреплениях и оттуда били врагов. Счастье тем, у кого род един. Ваш старейшина вместе со всеми сородичами сражался против хуннов, потерпел и потерял столько же, сколько и другие.

— Так, да не так, отец. Это правда, что старейшина вел нас в бой и сражался бок о бок с нами. Хунны угнали у него столько же скота, сколько и у моего отца. Но старейшина потерял десятую часть своих стад, а мы потеряли все. Спасибо Гелону, по-братски уступил нам отару своих овец, а я продал Дугундэю из рода Барана четырех пленных хуннов.

— Счастье твое, Умахет, а вот мне пришлось занять у старейшины пять остродонных сосудов зерна, и теперь я на старости лет и сыновья мои должны, как невольники, пасти его стада, охотиться и ловить рыбу для его семьи, пока не расплатимся с долгом... А ведь если бы не мы, никакие дары не спасли бы его богатство. Посидели бы хунны до зимы в долине и все поглотили бы, как саранча.

В этот момент раздались оглушительный рев труб и удары бубнов. От вала к центру луга в сопровождении ближайших сородичей и телохранителей двигался князь верхом на белом коне. Ветер подхватывал полы его желтого халата, седую бороду и волосы. На лбу главы племени сияла шитая золотом красная повязка. Конская узда украшена золотыми бляхами и пластинами с изображениями баранов и тигров, а над головой коня покачивалось золотое изображение оленьих рогов.

Двое телохранителей, следовавших за князем, держали на длинных древках знаки племени и княжеского рода — горящее кольцо и изображение барана.

Выехав на середину луга, князь остановил коня. Горели четыре больших костра, над каждым из которых подвешен огромный медный котел, напоминающий по форме кубок с двумя кольцеобразными ручками. Возле котлов стояли шаманы в праздничной одежде, среди них была и Байгет. В котлах варилось мясо жертвенных животных. Как только князь подъехал к кострам, Байгет, подав рукой знак остальным шаманам, затянула древнюю священную песню и приплясывая пошла вокруг костров. Шаманы повторяли за ней слова и движения. Но вот снова раздался звук трубы, и от свиты князя отделился огромного роста воин с квадратным лицом, верхом на вороном коне.

— Дугундэй! — пронеслось по рядам собравшихся.

— Люди племени! Братья по крови и духу! — густым басом пророкотал Дугундэй. — Слушайте слово князя!

— Люди племени! — начал князь. — Хунны, подобно черному вихрю, обрушились на наши горы и степи, поля и селения. Но вы, люди племени, вы наступили на горло змее, вы сжали врага огненным кольцом, вы, как ветер песчинку, перебросили его через горы в Безводную степь!

Рокот прошел по полю. Раздались боевые возгласы. Над головами собравшихся взвился целый лес луков и кинжалов, копий и клевцов.

— Люди племени! — продолжал князь. — Злобный хуннский каган много лет держал нас в петле аркана. Мы разорвали эту петлю! По совету правителя Эллея племена собирают войско для совместного похода на землю хуннов.

Толпа одобрительно загудела.

— Люди племени! Много племен входит в народ Динлин. Они отделены друг от друга реками и горами. Пока все войско соберется вместе, наступит осень. Зима настигнет нас в походе. Вы знаете, как тяжело везти за собой припасы на многие десятки дней. А гнать через горы скот в метель и вьюгу — значит усеять костями путь. Поэтому ни массагеты, ни хунны не

начинают поход зимой. Не можем этого сделать и мы, а быстрый набег не принесет окончательной победы. Мы выступим весной, люди племени.

Князь сделал паузу. На лугу царила тишина. Слышалось приглушенное дыхание многих сотен людей.

— Люди племени! Примирится ли каган с тем, что динлины сбросили с себя цепи? В ставке под его рукой стоит не одна многотысячная орда. По одному его слову дикие всадники лавиной двинутся по пути, которым недавно пришел и бежал лули-князь!

Раздались угрюмые возгласы:

— Пусть попробует!

— Мы встретим их, как положено истинным воинам.

— Пусть спросят лули-князя, через какие перевалы удобнее бежать из земли Динлин!

— Я не сомневаюсь в вашей решимости, люди племени! — воскликнул князь. — Но вы все видели, все испытали на себе неисчислимые беды. Чтобы избежать их, надо еще лучше укрепить наши рубежи, надежнее запереть проходы в горах.

Народ снова загудел...

— Вы видели, люди племени, как вспыхнул от горящих хуннских стрел деревянный частокол на валу, запиравшем вход в наши долины. Он должен был защитить наших воинов, а принес им гибель. Нам нужна такая защита, которую невозможно уничтожить огнем. Нам, люди племени, надлежит построить каменную стену! Но сделать в короткий срок ее нелегко.

Люди племени! Как отец всех родов я советую, а как глава племени приказываю! Все, у кого есть рабы, должники, зависимые люди, пошлют их строить стену. У кого их нет, пошлют своих сыновей, младших братьев, племянников. У кого нет семьи, тот, помня свой долг перед родом, племенем и всюю землю Динлин, придет сам с теслом и молотом на плече!

Послышались восклицания. Сквозь толпу протиснулся коренастый, с узловатыми руками и длинной изжелта-белой бородой Соур из рода Оленя.

— Люди племени! — отчаянно выкрикнул он. — Старейшины! Почтенный князь! Дайте ожить людям после страшного разорения! Я с моими сыновьями, скрываясь в горах, совершал набеги на врагов. Смотрите! — Старик поднял вверх берестяной колчан со стрелами. Ветер взметнул целую гриву черных волос. Это были скальпы убитых Соуром врагов. Народ с восхищением смотрел на трофеи мужественного старого воина.

— Люди племени! — снова воскликнул Соур. — Враги разорили мой

дом, разграбили имущество, сожгли посевы! У меня и моих сыновей нет даже куска войлока для легкой кибитки. Мы в долгу перед старейшиной, и он, конечно, пошлет моих сыновей на постройку стены. А разве один я, старик, построю себе до зимы дом?

Отцы племени! Дайте людям построить себе дома, поймать хоть часть скота, что разбежался по горным тропам! Тогда мы все радостно начнем строить стену, чтобы защитить от врагов достояние каждого динлина.

Народ зашумел. Рядом со стариком появилась высокая широкоплечая фигура Гелона.

— Братья! — крикнул Гелон. — Люди племени! Не одно племя почтительно склонялось перед мудростью отца Хориана. А чему учил он нас? Раньше, чем сеять, надо заготовить сети и силки на воронов, склевывающих посевы. Неужели вы хотите, чтобы построенное сейчас осенью разорили и сожгли шакалы кагана?

Князь и старейшины одобрительно переглянулись.

— Пусть хоть после смерти старика его мудрость послужит нам на пользу, — сказал вполголоса Дугундэю старейшина рода Оленя. Тот кивнул.

— Но, братья, — продолжал Гелон, — нельзя оставить без помощи тех, кто потерял достояние в борьбе за землю Динлин. Это дело старейшин. Разве не может старейшина рода Оленя дать почтенному отцу Соуру на зиму одну из многих своих кибиток? Разве не могут помочь другим их сородичи и старейшины?

— Если я буду раздавать свое достояние каждому потерпевшему, — отозвался старейшина рода Оленя, — то сам потеряю все, что имею. Соуру и так оказана мной достаточная помощь! Я так же, как и все, участвовал в разгроме хуннов. Благодаря моим стараниям часть войска хуннов осталась в долине, и это уменьшило их мощь...

— Не твоим стараниям, а твоей трусости, — прервал его Гелон, — в то время как другие поднялись против хуннов, несмотря на неравенство сил, ты...

Обвинение в трусости — смертельное оскорбление для динлина. Теряющий самообладание старейшина бросился к Гелону, сжимая в руках клевец. Но в тот же момент над толпой взметнулись копья, клевцы, кинжалы. Послышались крики:

— Если старейшина не печется о роде, зачем он?! Долой старейшин, забывших о своем долге!

Телохранители князя тщетно пытались успокоить собравшихся. В этот момент раздался визгливый голос:

— Тихо! Слушайте меня!

Между знатью и собравшимися, раскинув руки, стала шаманка Байгет. Ее зеленоватые глаза пронзали тех, кто был рядом, и они отводили взгляд. Седые волосы и перья филина трепетали на ветру. Весь ее облик внушал суеверное почтение с некоторой долей страха, и эти чувства поддерживались в людях идущей по степям молвой.

— Люди! — начала шаманка, когда шум немного утих. — В небо смотрю я. Вижу дворец из облаков, солнцем и луною украшенный! Дворец владыки неба. Гневен повелитель. Хмуро лицо его. Грому голос его подобен! «Река, — говорит он, — вспять потекла, стадо пастуху не повинуется, дети мои отцов не слушаются!»

Она сощурила глаза, словно вглядываясь вдаль.

— Вижу, — продолжала Байгет, — собрались злые духи пустынь и радуются вашей распре! О, если клевцы и копья не сложите к ногам отцов и повелителей ваших, духи те черный мор на вас напустят, и желтый мор на вас напустят, и скот ваш зимой гололедицей погубят, а летом будут травы гореть, и не будет вам удачи в охоте. И жены ваши станут безобразны, словно старые пни, мхом поросшие, и дети родиться не будут!

Те, кто стоял в передних рядах, в ужасе попятнулись от шаманки.

Байгет умолкла и окинула взглядом поле. Шум медленно стихал.

Великая река, омывая поросшие рощами и кустарниками изумрудные острова, плавно несла на север стальные, с зеленоватым отливом воды. По обоим берегам возвышались горы, увенчанные лесами, словно диадемами из перьев на головах знатных динлинов. Некогда эти горы преграждали путь реке. Словно несметные полчища врагов теснили ее каменными щитами. Но река, подобно окруженному со всех сторон всаднику, с храбростью отчаяния бросилась вперед, руша все преграды, и вырвалась на волю. Борьба реки со скалами не кончилась. В бурю пенистые волны яростно кидаются на скалы, и временами подмытые утесы со страшным грохотом валятся в реку. Когда их слишком много обрушивается в одном месте, они снова поднимаются над водой, тесня реку от берега.

Во многих местах человек, плывущий в лодке по Великой реке, видит узкие каменистые полосы под обрывами, а дальше каменные стены отвесно обрываются вниз. Иногда скалы поднимаются ввысь причудливыми уступами, лесенками, башнями, подобно фантастическим храмам страны Магадха.^[23]

Там, где скалы, расступаясь, образовали узкое ущелье, спускавшееся к воде, покачивалось несколько длинных выдолбленных из целого дерева лодок и больших плотов. Они были прикреплены сыромятными ремнями к

прибрежным камням и кустарнику. Вечернее солнце низко повисло над горами. По реке пробегала кроваво-красная рябь. У берегов темно.

На склоне горы вырисовывались силуэты множества людей с цепями или тяжелыми деревянными колодками на ногах. Иные из них бронзовыми мотыгами снимали со скал тонкий пласт земли. Другие, на расчищенной площадке, железными теслами вырубали большие плиты красного камня. С обнаженных загорелых тел стекал пот. Солнечные лучи отражались на мокрых лицах, плечах и спинах. Люди казались отлитыми из меди или выбитыми из красного мрамора.

Между работающими прохаживались угрюмые динлины с ременными плетками и палками в руках. Вокруг площадки и на горе виднелось несколько силуэтов конных и пеших вооруженных стражников. На ближайшем к реке краю площадки догорал большой костер. Красные поленья с треском рассыпались на куски мелкого угля. Каменистая порода в нескольких местах треснула от нестерпимого жара.

— Довольно! — крикнул подъехавший на коне к костру Идат из рода Оленя. — Вырубайте плиту, дети шакала! Брат, — повернулся он к надсмотрщику, — не жалея палок!

Надсмотрщик криво усмехнулся. К щели подошли пять человек в оковах. Каждый держал большой каменный клин, напоминавший формой грушу. Орудия вставлены узкими концами в щель. Люди поддерживают их руками. Напротив стали пять человек с деревянными молотами.

— Эй, нерадивые рабы! — крикнул надсмотрщик. — Начинайте, да трудитесь хорошенько, не то каждый второй из вас оставит свой мозг на этих глыбах!

Молоты поднялись над головами и опустились на клинья. От страшных ударов загудела земля.

— Почтенный, — в перерыве между двумя ударами спросил пожилого молотобойца черноглазый юноша, поддерживающий клин, — из какой ты земли?

— Ухуань, — ответил молотобоец.

Глаза юноши радостно сверкнули:

— Это родина моего отца и моей матери! Давно ли ты оттуда, отец?

— Двадцать лет... — молотобоец тяжело вздохнул и затем с размаху опустил молот на клин. — Тогда, продолжал он, — мы двинулись в поход против хуннов. Мы разбили несколько орд и дошли почти до самой ставки кагана. Тот с главной ордой отошел на север, а мы, разгневанные долголетним угнетением, разрыли могилы прежних каганов, выбросили их кости на позор и поругание степным зверям и птицам и, нагруженные

богатой добычей, вернулись домой...

Вдруг молотобоец охнул и чуть не выронил молот на голову юноше, который едва успел отскочить в сторону. Между тем разъяренный надсмотрщик занес палку для вторичного удара:

— Я вас научу болтать, отродье болотной черепахи, — прошипел динлин, отходя к другому краю плиты.

Ухуаньцы проводили его ненавидящими взглядами.

— Так вот, сын мой, — вполголоса продолжал молотобоец, когда надсмотрщик повернулся к ним спиной, — пока мы праздновали победу, каган собрал несметные полчища и обрушился на нас. Много славных ухуаньских воинов полегло в боях, но немало пало и врагов наших. Тяжело раненный, я попал в плен к хуннскому лули-князю. Меня заставили доить коров и овец. Хунны ослепляют своих рабов, доящих скот, чтобы не сбежали. Но я притворился потерявшим зрение от тяжких ран и этим спас себя. Я много лет ждал удобной минуты для бегства.

Когда лули-князь пошел в Динлин, я был взят, чтобы доить кобылиц. Наконец дружины Эллея обрушились на врага, хуннам стало не до меня, и я спрятался под сломанную повозку. Хунны бежали, а победители ушли вслед за ними. Тогда я вылез из-под повозки. Надо было раздобыть коня и оружие, и я сумел бы добраться до Ухуаня. Но раньше чем судьба пришла мне на помощь, меня настиг в степи динлинский аркан.

Взгляд молотобойца безнадежно упал на каменные глыбы под ногами.

— Но что в Ухуане? — спросил юноша. — Мой отец часто с тоской вспоминал нашу несчастную, угнетенную хуннами родину...

Молотобоец взглянул на юношу, но теперь глаза его горели отвагой и гордостью:

— Подними голову, сын мой, и, если судьба даст тебе свидеться с отцом и матерью, утешь их безрадостную старость! Ухуань крепнет, несмотря на поражения, а Хунну слабеет, несмотря на победы. Междоусобия раздирают хуннскую державу. Сколько раз за эти годы орда лули-князя металась от одного конца Великой песчаной степи до другого, то преследуя разбитого противника, то спасаясь от сильнейшего врага! Недалек день, когда Ухуань сбросит его!

Солнце зашло. На вершине горы ярким пламенем вспыхнул костер, и в окрестных ущельях зловещим эхом отозвалось уханье бубна. Послышались голоса надсмотрщиков:

— Кончай работу! Ползите в нору, нечистые твари!

Взвалив инструменты на плечи, рабы устало поплелись вниз по склону. Надсмотрщики старательно пересчитали их по десяткам и затем,

окружив, погнали в небольшое ущелье, заканчивающееся с трех сторон отвесными скалами, с четвертой стороны — деревянной загородкой с воротами, у которой стояли вооруженные стражники, как и вверху, на скалах, где горели костры. Если бы невольнику чудом удалось избавиться от цепей и колодок и вскарабкаться по отвесной каменной стене, это не спасло бы его от угрозы быть сброшенным обратно на острые камни ударом клевца или быть настигнутым стрелой меткого лучника. Люди молча входили в этот загон, тяжело опускались на землю. Все тело ныло и болело от непосильного труда и непрерывных побоев. Некоторые сразу же засыпали, прикрывшись ветхими лохмотьями. Кто был в силах, разжигал небольшие костры из подобранного по пути сухого навоза. На середину загона, где бежал маленький ручеек, прошли несколько рабов, вывалили из грязных засаленных шкур полуобглоданные кости и огрызки лепешек, поставили четыре треснувших деревянных бочонка с остатками ячменной похлебки. Это были жалкие объедки, оставшиеся от сытного ужина динлинов.

Рабы, пошатываясь, подходили к куче костей, потом черепками зачерпывали жижу из бочонка и отходили к огню. Ухуаньцы — юноша и молотобоец Гюйлухой — подошли к костру, где сидели три невольника.

Дрожащий свет костра бросал багровые отблески на смуглые широкоскулые лица, отражался в черных глазах.

— Юй, сынок, — сказал ухуанец, — присядем здесь. Добрые люди не откажутся дать нам место рядом с собой.

При этих словах сидящие вздрогнули и одновременно взглянули на Юя и его спутника. Ненависть и презрение отразились на их лицах.

— Ухуаньцы, — пробормотал один на языке хуннов, — племя рабов! Прочь от нашего костра!

— Кажется, сейчас ваше положение мало чем отличается от нашего, — спокойно возразил Гюйлухой.

Хунн поднялся и, волоча на ногах деревянную колодку, тяжело двинулся к нему, яростно взвизгивая:

— Хунны никогда не были здесь рабами! Хунны всегда господствовали! Каган еще заставит динлинов поплатиться за дерзость!

Он занес руку для удара. Юй бросился навстречу, сжимая кулаки. Но в ту же минуту рука Гюйлухой тяжело легла на плечо юноши. Другой он перехватил руку хунна. Тот скривился от боли.

— Не надо, Юй, — процедил сквозь зубы Гюйлухой. — Они еще не понимают, что пока мы в рабстве, у нас одни враги — господа. Но дай срок — они это поймут.

Он отпустил хунна и, обняв Юя за плечи, повел его от костра подалее от хуннов, готовых растерзать их от злости.

Едва утренняя заря занялась над горами, по ущельям прокатились глухие удары бубна. Рабы поднимались, пили из ручья воду, доедали остатки ужина.

Скоро откроются ворота, и толпа надсмотрщиков, размахивая плетью и палками, хлынет в загон. На каждого, кто немедленно не схватит инструмент и не пойдет к воротам, обрушится град пинков и ударов.

И вот Юй и Гюйлухой снова стоят у плиты, которую вчера с таким трудом вырубали из скалы. Вместе с другими невольниками они принесли и положили рядом огромный древесный ствол. Затем еще несколько. Потом взгромоздили плиту на бревна и, сдерживая рычагами и ухватившись руками за края, понукаемые надсмотрщиком, начали осторожно спускать по склону.

Юй вспотел от напряжения. Черные волосы слиплись на лбу. Немели пальцы, которыми он судорожно вцепился в край плиты, изо всех сил стараясь не выпустить ее. Но наконец каменная глыба спущена на берег. Еще одно усилие — и большой плот глубоко осел в воду под тяжестью груза. На него вошли Гюйлухой, Юй, трое хуннов и еще пятеро рабов с длинными шестами и веслами. Следом за ними — несколько вооруженных динлинов во главе с Идатом.

Плот, покачиваясь, поплыл на середину реки, а затем вода понесла его вниз по течению. Молодой динлин звонким высоким голосом затянул песню.

Рябь дрожит от дуновения легкого ветерка,
Великая река катит волны вдаль.
Много рыбы хранит она в своих глубинах
для рыболовов народа Динлин!..

Остальные подхватили. Мерная, медленная мелодия поплыла над рекой.

Мы проплываем между зелеными островками,
скалы-великаны отражаются в реке.
Среди скал бродит много козлов и маралов.
Помоги же нам в охоте, хозяин гор!

Рабы, налегая на шесты и весла, исподлобья посматривали на динлинов. За волнистой грядой гор лежала долина рода Оленя. Из-за гор выплыли серовато-белые облака. Сильный ветер вдруг обрушился со скал и взволновал спокойную гладь реки.

— Эй, бесхвостые псы! — крикнул Идат. — Смотрите, чтоб мы не налетели на утес, не то ваши души будут отданы в зубы щукам. Жмите на весла!

При этих словах динлины схватились за клевцы и луки. Рабы засуетились. Плот сильно качало на волнах. Сквозь свист ветра слышался сильный треск. Несколько ремней, которыми была привязана плита, не выдержали напора и оборвались. По намокшим скользким бревнам плита сдвинулась на край накренившегося плота. Раздались крики. Ухватившись за края каменной глыбы, рабы и динлины совместными усилиями старались удержать ее. Там, куда она ползла, стояли трое рабов, один из которых был хунном. Вдруг плита резко скользнула дальше, придвинулась вплотную к краю и сильным ударом по ногам сбросила хунна в реку. Он попытался выплыть, но тяжелая колодка сковывала движения и неумолимо тянула в глубину. На краю плота оказался Гюйлухой. Рискуя поскользнуться, он опустил на одно колено и протянул руку утопающему. Хунн, теряя сознание, схватился за нее. Сильный рывок — и хунн оказался на плите.

Тяжело поднявшись на ноги, он начал подталкивать плиту на середину плота. Когда ее вновь закрепили, он вполголоса сказал Гюйлухой:

— Ухуанец, зачем ты спас меня, своего врага?

— Пока мы в рабстве, не ты мне враг, а вот они, — Гюйлухой покосился на стражника. — Положение может измениться, если судьба даст нам когда-нибудь встретиться вооруженными на границах Ухуаня... Но даже там... Из-за чего враждовать? Разве степь недостаточно просторна, чтобы спокойно паслись твои и мои стада?

Он умолк. Молчал и хунн. Морщины на его лбу говорили о том, что его одолевают тяжелые противоречивые мысли.

Вскоре горы раздвинулись, открылась широкая долина. На берегу стояли динлины и группа рабов, окруженная стражей. Виднелись круглые бревна и упряжки быков в ярах для перевозки плит в конец долины, где строилась стена. Плот направился к берегу. Несколько толчков шестом — и мокрые бревна шурша легли на прибрежную гальку. Плиту выволокли. Запрягли быков. Рабы снова навалились на плиту. К ним присоединились динлины, и глыба медленно поползла вверх по склону. Но на середине откоса произошла заминка. Песок и галька ползли вниз. Ноги быков вязли.

Люди выбивались из сил, но плита не трогалась с места.

Идат взмахнул плетью, и град ударов обрушился на обнаженные мокрые спины. Плита двинулась, но тут же снова стала. Плеть Идата со свистом опустилась на чью-то спину, на которой тотчас же вздулся багровый рубец. Человек быстро обернулся, суженные от ярости серые глаза впились в надсмотрщика. Идат увидел бронзовую рукоять кинжала, изображение бычьих рогов на груди, живописную татуировку.

«Умахет!»

— Трусливый олень! — задыхаясь от гнева, проговорил динлин. — Ты смел поднять руку на свободного?!

Отступить было поздно:

— Ты трудишься хуже этих черепах, — нагло ответил Идат, — ты не заслужил ничего, кроме плети!

В ту же минуту он получил оглушительный удар в лицо и едва устоял на ногах. Рыча, как два тигра, противники бросились друг на друга, свалились и, нанося удары куда попало, покатались по земле.

Внезапно, оттолкнув друг друга, они вскочили на ноги. Сверкнули клинки кинжалов, динлины начали медленно кружить один вокруг другого. На груди полуобнаженного Умахета пламенел нанесенный красным цветом круг с рогами быка. На груди противника виднелся из-под разорванного халата такой же круг с рогами оленя. Перекрестья кинжалов украшали у одного изображения бычьих, у другого — оленьих голов. Кругом, сжимая в руках оружие, столпились динлины обоих родов. Чувствовалось, что конец поединка послужит началом ожесточенной схватки.

Вспомнились обиды, нанесенные дедам и прадедам, кровная месть, завещанная отцами. Вновь Олень направил рога в грудь Быку, Бык — в грудь Оленю. Противники сошлись. Зазвенели клинки. Оба — опытные бойцы, и каждый выпад одного встречал умелую защиту другого. Внезапно Умахет, отбив в сторону кинжал Идата, сделал быстрый выпад. Идат упал на колено и, выставив вперед кинжал, втянул голову в плечи. Клинок Умахета прошел над его головой, срезав прядь волос. Умахет отшатнулся назад. В ту же минуту Идат, как выпрямившаяся основа лука, метнулся следом за ним и вонзил кинжал в грудь противника. Умахет замертво рухнул на землю.

Идат бросился к нему, чтобы снять скальп, но тут же шарахнулся в сторону. Перед самым его лицом мелькнули копыта коня. В следующую минуту он увидел искаженное гневом лицо Ченбака, племянника старейшины рода Быка.

— Назад! — проревел Ченбак. — Ты заплатишь своей черной кровью

за чистую кровь Быка!

В рядах Оленя началось движение, и через толпу протиснулись на белых конях старейшина рода — приземистый динлин с огненно-рыжей бородой и красной повязкой на голове и старый дружинник Угунь в железном шлеме с длинным копьём.

— Как начальник стены, князем поставленный, — крикнул старейшина, — приказываю: остановитесь! Кто начал смуту?

— Здесь властвует дух мести! — дрожа от ярости, ответил Ченбак. — Кровь пролилась!

Внезапно из толпы вырвался старый Соур.

— Братья! — простер он руки к спорящим. — Не забывайте: хунны грозят нам! Не разжигайте вражды! Пусть Угунь заплатит выкуп за кровь, пролитую его сыном!

— Кровь пролилась! — продолжал бесноваться Ченбак. — Старейшина, если ты не способен возглавить своих в бою с Быком, передай власть другому! Смерть Оленю!

— Смерть Оленю! — грянули голоса.

В ту же минуту рядом с Соуром встал Гелон из рода Быка.

— Братья! — воскликнул Гелон, — не поддавайтесь искушению! Разве в дни прежних ссор мы не охраняли сообща наш канал — источник нашей жизни? А сейчас речь идет обо всей земле Динлин! Отложите месть до победы над хуннами!

Шум в рядах рода Быка стал тише. Но тут кто-то крикнул:

— Ты справедлив, Гелон, но ты никогда не пойдешь против рода Оленя! Дочь Идата — невеста твоего племянника Алакета!

Брови сдвинулись на лице Гелона:

— Дух великого отца моего, — воскликнул он, простирая руки к небу, — внемли мне!

Дрожь пробежала по рядам. С горящими глазами, одухотворенным лицом, прекрасным и грозным, Гелон в эту минуту стал удивительно похож на старого Хориана. Казалось, дух героя земли Динлин во всей своей былой мощи восстал из погребального сруба.

— Перед лицом твоим клянусь, — продолжал Гелон, — если на нашу семью падет такое подозрение, мы расторгнем брачный договор! Верни нам наши дары, Угунь!

Угунь в ужасе схватился за голову.

— Братья! — обратился к сородичам Соур. — Знать навлекла беду на наш род! Пусть сами и платят! Идат мог поднять руку и на своего сородича! Выдать семью Угуна на суд Быку!

— Выдать! — откликнулись несколько голосов.

Но остальные продолжали кричать:

— Не защищать сородича — значит навлечь на себя позор и гнев предков!

Никто не обращал внимания на ухуаньца Гюйлухоя, который довольно долго сидел на корточках, крепко вцепившись железными руками в деревянную колодку. Вдруг раздался треск. Гюйлухой резко выпрямился. Куски сломанной колодки болтались у него на ногах. Внезапно бросившись к реке, он свалил ударом тяжелого кулака стражника, попытавшегося преградить ему путь, выхватил у него из-за пояса кинжал и вскочил на плот. Взмах — и рассечены ремни. Удар шестом о дно — и плот, покачиваясь, заскользил от берега, вслед ему засвистели стрелы, но Гюйлухой умело уклонялся от них. Ветер благоприятствовал беглецу.

Еще мгновение — и плот скрылся за островом...

Часть динлинов, бросившись к берегу, сталкивала лодки на воду.

Полная луна, словно золотой щит владыки неба, встала над степью. Поникшие травы тихо шелестели в серебристом сиянии. В ущельях и долинах гнездилась беспросветная тьма. Там, где кончались горы и начиналась степь, на фоне темно-синего неба выступала черным силуэтом запиравшая вход в долину стена, построенная из лежащих плашмя огромных каменных плит. Перед ней глубокий ров. На окрестных горах костры, а по стене время от времени скользит тень сторожевого динлина.

За стеной, у подножия горы, деревянная ограда загона для рабов. Сидя у костров, невольники тихо беседовали о судьбе трех ухуаньцев, поплатившихся головами за побег соотечественника. Опустив голову, Юй тихо брел между кострами. Сердце юноши сжималось при мысли о казненных и о том, что он теперь остался без мудрого, смелого, сильного друга. Но в то же время он чувствовал радость: друг на свободе. Юй гордился хладнокровием и смелостью Гюйлухоя.

— Ухуанец!

Юноша обернулся. У костра сидели несколько хуннов.

— Садись с нами, — сказал один, освобождая место и придвигая к Юю черепок с холодной ячменной похлебкой.

Ясным осенним днем, когда золотые листья кружась летели с гор и мягко ложились на стальную гладь реки, к обрывистому берегу подплыла большая лодка, полная полуобнаженных гребцов и воинов в медных шлемах. На середине лодки стояла маленькая палатка из белого войлока. Когда дно лодки прошуршало по прибрежной гальке, из палатки вышел

князь в расшитом бронзовыми и золотыми украшениями халате и диадеме из перьев. Следом за ним на берег ступили приземистый длиннолицый шаман и человек с железным теслом в руках.

Подойдя к скале, шаман повернулся лицом в сторону реки и, воздев руки к небу, монотонно затянул заклинание. Эхо воем отозвалось в ущельях.

Когда он кончил, человек с теслом сильными точными ударами начал выбивать линии на скале. Скоро на красном камне появилось изображение великана с бараньими рогами и в пернатом уборе на голове. В руках он держал двух маленьких людей. Рядом стояли знаки родов племени Огненного Кольца. Сверху над великаном шла полукругом извилистая линия, воспроизводившая только что построенную стену. Рисунок на утесе должен был запечатлеть деяния князя племени Огненного Кольца, чтобы и через сотни лет плывущий по реке динлин или чужестранец смотрел на скалу и сердце путника наполнялось бы трепетом при мысли о могуществе оградившего свои владения неприступной твердыней.

Глава VIII

Поединок Алакета с тигром. Гнев сородичей. Бегство

Осенний день клонился к вечеру, но солнце стояло еще высоко.

Алакет сидел у порога и мастерил седло, когда со стороны степи прискакал на рыжем скакуне маленький Туруг, сын Дунгу.

— Братец, — взволнованный мальчик спрыгнул на землю, — зверь опять унес лучшего барана!

Алакет, встав, отбросил в сторону деревянную основу седла. Который раз хитрый и дерзкий хищник уносил из стада овец и телят. Он будто чуял: когда пастухи пускались в объезд отар и табунов, — нападал на ту часть стада, где в этот момент не было людей. Он был силен, и верным сторожевым псам ни разу не удавалось его задержать.

Из дому вышел Паан. Увидев рассерженные лица старшего племянника и взволнованного мальчика, он сразу догадался, в чем дело.

— А что, Алакет, — улыбаясь проговорил он, — не попытаться ли нам напасть на след?

Алакет кивнул.

Через минуту оба уже выводили коней.

— Дихиб! — Алакет резко свистнул. Из высокой травы вынырнул огромный черный пес с белыми подпалинами и рыжими кругами вокруг глаз. Радостно повизгивая, он запрыгал перед всадниками.

— Братец, — протянул Туруг, — можно мне поехать с вами?

Алакет вопросительно взглянул на Паана. Тот слегка кивнул.

— Хорошо, — сказал Алакет, — только обещаю: если станет опасно, ты не будешь прятаться, а сразу вернешься к отцу.

— Обещаю! — глаза мальчика радостно сверкнули.

Всадники сорвались с места и галопом поскакали к холмам, за которыми паслись стада рода Быка. Последний холм миновали на заходе солнца. Перед всадниками расстилалась степь. Внезапно пес, бежавший рядом со всадниками, с лаем метнулся в сторону.

— Чует зверя, — сказал Паан, соскакивая с коня.

Оба племянника тоже спрыгнули на землю. Сначала они ничего не увидели, но затем Паан, внимательно осмотревшись, заметил, что трава кое-где слегка примята, виднелись бледные буроватые пятна.

— Здесь капала кровь барана, — сказал Паан, стоя на коленях и внимательно осматривая траву. Вскочив на коней, динлины последовали за псом. Вскоре они увидели тропу, проложенную в траве зверем, а немного погодя Паан снова сошел с седла и, раздвинув траву, указал Алакету на отпечатки огромных лап:

— Ну, племянник, кто это, по-твоему?

— Тигр! — сказал Алакет, вглядываясь в след.

Полосатый властелин пустынь Западного Хунну и горных лесов страны Илоу,^[24] скитаясь, заходил и в землю Динлин к верховьям Великой реки и их притокам.

Сгущались сумерки. Дальнейший путь становился опасен.

— Туруг, — сказал Паан, — скачи к отцу. Скажи ему, какой враг преследует наш скот.

Туруг с недовольным лицом повернул коня обратно к холмам, а Паан и Алакет двинулись дальше по следу. Отъехав несколько шагов, Алакет оглянулся. Мальчик остановил коня и смотрел вслед старшим. Алакет погрозил ему, и тот медленной рысцой затрусил по степи.

След вывел к берегу одного из притоков Великой реки, густо заросшего тростником. Стая куропаток испуганно шарахнулась из-под копыт. Из тростника с криканьем поднялись утки. Проехав несколько шагов, всадники увидели дочиста обглоданные телячьи кости. Дальше всюду были разбросаны кости баранов, диких козлов, оленей. В одном месте динлины наткнулись на массивный кабаньей череп, раздробленный, видимо, ударом могучей лапы.

Всюду виднелись следы грозного хищника, но самого хозяина приречных зарослей нигде не видно. Яркий звездный шатер давно раскинулся над землей, а динлины все еще продолжали опасные поиски. Наконец Паан сказал:

— Нечего зря тратить время. Мы сделали, что могли... Надо устраивать облаву.

Всадники выбрались из тростника и поспешили к селению.

На другой день Хангэй, отправляясь на охоту, встретил старейшину, который в сопровождении Ченбака и одного из дружинников ехал в степь осматривать свои табуны.

— Мир почтенному! — воскликнул Хангэй, уступая дорогу старейшине.

Тот, ответив на приветствие, хотел проехать мимо, но Хангэй спросил:

— А что, почтенный, не тревожит ли дерзкий хищник твои стада?

— Тревожит, проклятый, — проворчал старейшина. — А нерадивые

пастухи никак не могут выследить его и взять!

— Не вини пастухов, почтенный, — ответил Хангэй, — зверь хитер и силен. Но вчера наши все-таки напали на след и узнали, где его логово. Прикажи, почтенный, устроить облаву. Заодно и люди сделают запас к зиме...

— Выследили? — оживился старейшина. — Благословение вашему дому. Сыны Хориана остаются первыми всегда и во всем! Мы устроим облаву. Охотников возглавишь ты, Хангэй... — Старейшина помедлил, потом оглянулся: — И ты, Ченбак.

Возле высокого с конической крышей дома шаманки Байгет собрались мужчины и юноши рода Быка. Оседланные кони стояли, лениво помахивая хвостами, или бродили, пощипывая траву. Люди собрались у деревянной ограды дома. Иные сидели или лежали на траве, перебрасываясь короткими фразами. В руках у них луки и длинные охотничьи копья. К седлам приторочены колчаны со стрелами и клевцы — неизменные спутники динлина на войне и охоте. Время от времени приезжали новые охотники. Иные гнали перед собой трех-четыре овец, иные корову или лошадь. Некоторые отвязывали от седла мешочки с украшениями, посудой или зерном. Подарки принимала стоявшая у ворот служительница шаманки, высокая толстая старуха в кожаном халате. На голове у нее шапка из красной ткани, с большими полями из лисьего меха, бросавшими тень на ее каменное лицо с глубоко посаженными маленькими глазками, которые смотрели со злобой и недоверием.

— Неблагодарные твари, — ворчала служительница. — Могущественная ни минуты покоя не знает, ночами не спит. Все молит духов о благополучии рода. И горных молит, и степных, и водяных, и лесных, и подземных. А вам, шакалам, жаль привезти ей шкуру получше, ткань покрасивее... Ну подождите — накажет вас владыка неба!

Вдруг среди прибывших началось движение. Люди поспешно вскакивали и становились перед воротами в смиренной позе, склонив головы.

На пороге дома появилась шаманка. Позванивая бронзовыми дисками и бубенцами, нашитыми на халат, она прошла туда, где вторая служительница держала коня под уздцы. При этом она говорила, хотя казалось — сама с собой, но достаточно громко, чтобы слышали те, кто был за оградой:

— Бессовестные... Никогда не ждешь от них добра! Явились тревожить мои старые кости.

С помощью прислужницы Байгет взгромоздилась в седло и поскакала по долине. Вскакивая на коней, динлины потянулись цепочкой вслед за шаманкой. Позади остались приземистые, будто вросшие в землю дома селения. Всадники выехали на берег Великой реки, катившей свинцовые воды между горами.

Здесь, на красном камне, выбито большое изображение лосихи. Шаманка сошла с коня. Динлины последовали ее примеру. Низко поклонившись изображению, шаманка достала из кожаной сумки высушенное сердце тигра, отрезала два маленьких кусочка и один из них положила на лезвие кинжала, держа его в вытянутой руке. К ней подошел Ченбак, низко склонившись, взял зубами кусок и проглотил. За Ченбаком подошел Хангэй. Когда и он проглотил кусок, шаманка достала из сумки еще два тигровых сердца, вместе с начатым передала их Ченбаку и Хангэю. Те разрезали мясо на мелкие кусочки и начали раздавать его остальным.

Проглотив кусок сердца тигра, воины должны были приобрести храбрость и силу хищника.

Когда все получили свою долю, шаманка красной охрой нарисовала на плоском камне изогнувшегося в прыжке тигра.

Воздев руки к небу, Байгет приплясывая пошла вокруг камня со словами священной песни. Динлины гуськом последовали за ней, повторяя ее движения.

— О, владычица лесов, повелительница степей, хозяйка всех зверей на земле! Твой подданный преступил закон, отрекся от того, что ты повелела! Он взял не только свою часть у моих детей, он хочет забрать у них все!

О, хозяйка зверей! Повели детям моим наказать недостойного! Дай им глаза ястреба! Дай рукам их крепость скал! Дай ногам их быстроту твоих ног. Сделай сердца их бесстрашными, а тела неуязвимыми. И да погибнет тот, кто тебе не повинуется!

С этими словами Байгет выхватила копьё из рук идущего следом за ней Ченбака и ударила острием в изображение тигра. В ту же минуту и другие воины взмахнули копьями, и серые осколки разлетелись в разные стороны от камня.

Байгет устало опустилась на траву. Динлины один за другим подходили к расселине в скале, на которой был выбит рисунок лосихи, и опускали туда связки бус, бронзовые фигурки животных или пучок стрел. Затем садились на коней и, не оглядываясь, уезжали.

Приток Великой реки начинался среди массивных серых скал и обрушивался вниз ревущим, пенистым водопадом, пересекая небольшой

участок степи и снова врезаясь в горы, стремительно нес свои бунтующие воды в русло Великой реки.

Там, где воды, спокойно разливаясь, текли по равнине, у берегов и на небольших островках образовались густые заросли тростника, в которых находили уют стаи диких уток, цапли, кабаньи стада, волчьи выводки и разное другое зверье.

Сюда-то и привел своих охотников Хангэй. Были здесь и повозки, чтобы складывать на них подбитую дичь. Возле них хлопотали женщины. Собрав возле себя конных охотников, Хангэй вполголоса беседовал с ними. Собаки рыскали вокруг, обнюхивая траву. Но вот, по данному Хангэем знаку, охотники двинулись в камыши. Большая группа их вброд переправилась на противоположный берег. На воду спустили несколько легких долбленых лодок. Все взгляды были устремлены на Хангэя, гордо восседавшего на вороном коне над рекой. Вот он поднес к губам бычий рог, и низкий хриплый вой раскатился над степью. По обоим берегам ему отозвались десятки рогов. Заухали бубны. Взметнулись факелы. Одни охотники двинулись вдоль реки к горам, другие продвигались верхом сквозь камыши, а те, кто был ближе к реке, шли пешком по вязкой земле.

При первых же звуках рога из тростников поднялись стаи уток, тучей застилая небо. Вслед им метнулись длинные стрелы с деревянными или костяными наконечниками. Послышались всплески воды и шорох падающих в тростники мертвых птиц. Их быстро начали подбирать женщины, которые следовали за охотниками на лодках, верхом и пешком. Следом медленно двигались повозки.

Вот в зеленой чаще метнулась серая тень. Это легкими прыжками неслась по берегу косуля. Послышался резкий свист, и вдогонку помчалась стрела, пущенная рукой Дунгу. С яростным визгом, ломая кустарники, бросилось в сторону стада диких свиней. Огромный вожак с налитыми кровью глазами бежал, низко опустив голову и выставив вперед похожие на изогнутые ножи желтые клыки. Несколько всадников, подняв клевцы и опустив копыта, понеслись наперерез стаду. Стая волков, бросая вокруг опасливые и злобные взгляды, рысцой потянулась в кустарник. Непреклонный железный полукруг охотников и собак неумолимо теснил всю эту хрюкающую, ревущую и рычащую массу к горам, где она должна была попасть в каменный мешок.

Алакет сидел за выступом скалы, прижавшись и словно слившись с ним. Рядом лежали связка легких метательных копий и колчан со стрелами. Юноша держал лук, а рядом к скале прислонено еще одно тяжелое копьё с массивным железным наконечником и деревянным перекрестьем под ним.

Алакет внимательно смотрел на тропу, но по ней лишь пробегал ветерок, шевеля поблекшую траву и пожелтевшие листья кустарников. Алакет изо всех сил напрягал слух, но ухо ловило лишь монотонный шум реки. Бросая взгляд направо, юноша видел в кустарнике сливающийся с цветом осенних листьев желтый халат брата Бергуна. Дальше виднелось беспорядочное нагромождение камней, но молодой динлин знал, что за ними с копьем и луком в руках притаился в засаде Канзыр. А слева, на склоне горы, ветер нет-нет да подхватывал белокурые волосы дяди Паана.

Припекало солнце: близился полдень. Алакет чувствовал, как неодолимо наваливается на него дремота, пьянит медвяный запах осенних трав. Он встряхивался, смотрел на тропу и по сторонам, а через некоторое время мысли снова, как легкие тихие волны, окутывали мозг... И тогда в воображении появлялись черные, продолговатые, похожие на две миндалины глаза Мингюль, легкий и стройный стан, яркое платье из овечьей шерсти, множество длинных косичек, змейками сбегавших по спине и плечам, задумчивая улыбка.

С тех пор как Алакет спас девушку от хуннского плена, ее образ все чаще незваным гостем появлялся в его душе. А она?.. Что мог знать юноша? Когда он на горячем скакуне мчался мимо дома ее отца или мимо поля, где она широким, похожим на нож серпом срезала клонившиеся к земле колосья, девушка низко опускала глаза и прятала лицо под платком.

Иногда, оглянувшись, он ловил долгий взгляд, которым Мингюль провожала молодого наездника, но как только их глаза встречались, девушка, вспыхнув, отворачивала лицо и убегала...

Вдруг ухо юноши уловило донесшийся издалека гул. Он разрастался. Эхом начали отзываться горы. Слышались крики, лай, рев и тяжелый топот, от которого гудело ущелье.

Мысли о Мингюль моментально исчезли. Глаза быстро и внимательно скользили по камням и кустарнику. Сердце билось учащенно. Вот, сейчас... Но зверя не видно. Поток обитателей речных берегов двигался по другой стороне ущелья...

Вдруг раздался треск ломаемых веток и кустов, и прямо перед Алакетом появилась клыкастая морда вожака кабаньего стада. В ту же минуту юноша поднялся из-за камня, сжимая в руках копье. Наклонив голову, кабан ринулся на врага...

Резкий свист — и острие копья вонзилось в глаз животного. Кабан упал на колени, затем хрипя повалился на бок. Паан, видевший из своего укрытия, как ловко племянник управился с грозным зверем, довольно улыбнулся. Ведь в прошлом году вооруженный Ченбак едва не погиб от

кабаньих клыков.

Но долго раздумывать было некогда. Следом за вожаком на тропу выскочило несколько диких свиней, и копыта засвистели в воздухе. Животные повернули назад, но тут же снова выскочили на тропу. Что случилось? Ведь судя по звукам рогов, загонщики еще далеко.

Вдруг совсем рядом послышался раскатистый рев. Зашуршал кустарник. Алакет увидел среди желтых листьев две скользящие по колючим рыжие, с черными полосами, длинные спины.

Сердце Алакета дрогнуло. Тигр двигался прямо на него. Второй хищник крался по склону горы туда, где притаился Паан. Юноша ждал.

Вдруг второй зверь внезапно переменял путь и тоже направился к Алакету. Два могучих врага шли на молодого охотника. «Что ж, — мелькнула мысль, — если гибнуть, то так, как учили дед и отец: лицом к опасности, с оружием в руках!»

— О, владыка неба, — прошептал Алакет, — духи земли Динлин, вам поручаю я свою душу...

И он поднялся из-за камня, бесстрашный, готовый ко всему. Храбрец в бою всегда первым наносит удар. Алакет метнул копьё, но зверь мягким движением ушел в сторону, и оружие воткнулось в землю. В ту же минуту рыжая масса взвилась в воздух. Перед самым лицом Алакета увидел растопыренные лапы с огромными когтями, желтовато-белое брюхо. Отшатнувшись, Алакет подставил тяжелое копьё с перекрестьем, оперев его концом в землю.

Прием оказался удачным. Тигр всю свою тяжестью налетел на копье, и оно глубоко вонзилось в грудь зверя.

Но крепкое древко не выдержало удара, с треском переломилось, и Алакет едва успел отскочить в сторону. Все же лапа хищника скользнула по его виску и щеке. Перед глазами заплясали красные круги, юноша зашатался, чувствуя, будто проваливается в бездну.

Второй тигр метнулся к лежащему без сознания юноше, но в ту же минуту между хищником и Алакетом оказался Бергун с клевцом в руках.

Собрав все силы, Бергун ударил тигра по голове, но крепкий череп зверя выдержал удар.

— Над глазами! Ударь над глазами! — услышал молодой охотник отчаянный крик Паана, бегущего с горы к месту схватки. Тигр бросился на

Бергуна. Но тот отскочил в сторону и затем, сделав выпад, резнул лезвием клевца над глазами хищника.

Кровь хлынула в глаза тигру. Он присел.

Паан в два прыжка оказался рядом с племянником и метнул легкое копье. Со свистом оно вонзилось тигру в сердце. Бергун бессильно опустил на камень. Руки его дрожали.

Паан склонился над Алакетом. Тот глубоко вздохнул и, не открывая глаз, приподнялся на локтях. Кровь текла по его лицу.

— Благодарение духам, — сказал Паан, — рана не опасна. Алакет только оглушен тяжелой лапой зверя.

Паан с необычной для него нежностью пристально посмотрел на Бергуна, затем перевел взгляд на Алакета и взволнованно воскликнул:

— Достойные внуки Хориана!

Все селение вышло встречать охотников. У крайних домов стояли, оживленно переговариваясь, женщины. Поодаль собрались самые древние старики, которые не могли принять участия в охоте. Они изредка важно перебрасывались одним-двумя словами. Повсюду сновали востроглазые ребяташки.

Но вот собравшиеся оживились. Все глаза обратились к холмам. Показались охотники. Они ехали группами по шесть-восемь человек, держа в руках длинные копья. Их плечи и крупы коней украшали шкуры убитых ими хищных животных. Кони, чуя звериный запах, беспокойно раздували ноздри и прядали ушами. Сзади двигались нагруженные тушами повозки. Впереди на горячих скакунах ехали предводители охоты — Ченбак и Хангэй. Рядом с ними покачивался в седле Алакет. Голова его обмотана тканью с запекшейся кровью. Бледное лицо юноши было спокойно, но глаза сияли радостью. На плечи его накинута шкура тигра. Немного в стороне ехал на буланом коне Паан. Длинные волосы его, ничем не прикрытые, развевались на ветру.

Через спину его коня, прикрывая переднюю луку седла и часть шеи с волнистой гривой, перекинута шкура второго тигра.

Толпа дружными возгласами приветствовала героев охоты. Склонившись перед стариками, охотники въехали в селение. Возле крайнего дома стояли Мингюль, ее мать и маленькие братья и сестры. Девушка с тревогой вглядывалась в приближавшихся всадников. Вдруг она увидела воина с тигровой шкурой на плечах. На голове повязка с запекшейся кровью. Лицо белое, как облако... Алакет!

Точно на крыльях Мингюль бросилась навстречу юноше.

Неизъяснимое счастье наполнило сердце Алакета. Лицо озарилось улыбкой. Но в следующее мгновение глаза девушки широко раскрылись, в них вспыхнул испуг, словно перед ней появился ужасный подземный дух. Закрыв лицо руками, она бросилась в толпу. Алакет не видел, какое смятение отразилось на лицах охотников. Но, чувствуя что-то неладное, юноша хлестнул коня и, не оглядываясь, проехал мимо. Подъехав к дому, Алакет соскочил с коня и вошел в жилище за Хангэем. Женщины хлопотали у очага. На груди шкур, нахмурившись, восседал Гелон. Он даже не взглянул на племянника. Удивленный, Алакет присел, прислонился к стене. Немного погодя прибыли Дунгу, Паан и сыновья Гелона.

Когда все расселись вдоль стен, Гелон встал с места и, окинув родственников суровым взглядом, начал:

— Алакет! От времени, когда растаял последний снег, до времени, когда должен выпасть следующий, ты совершил подвиги, достойные больших похвал. Вместе с Дунгу ты одолел десятерых хуннов, а в последующих боях всегда был в первых рядах удальцов. Сегодня ты справился с тигром.

Алакет насторожился. Он знал, что динлины никогда не расточают впустую похвал. И если в присутствии юноши старший сородич начинает перечислять так подробно его заслуги, это редко предвещает что-нибудь хорошее. Не будь Алакет так погружен в сладкие грезы о Мингюль, он бы сразу понял, в чем дело, но образ ее заслонял все остальные мысли и мешал сосредоточиться.

— Но не думаешь ли ты, — продолжал Гелон, — что твои заслуги дают тебе право презирать законы рода и племени? Что значат нежные взгляды, которыми ты уже не первый день обмениваешься с Мингюль? Об этом говорит все селение, и только твой отец не замечает ничего.

Теперь Алакет понял. Он почувствовал, что надвигается что-то ужасное, непоправимое. Юноша взглянул на отца. Хангэй сидел, низко опустив голову. Таким растерянным и пристыженным он выглядел во время беседы со старым Хорианом, когда маленький Алакет промахнулся, стреляя из лука. Но сейчас вместо любви и жалости Алакет почувствовал, что в груди его нарастает страх за Мингюль и безудержный гнев на тех, кто хочет разрушить светлые мечты.

— Ты не считаешь обычаям своих отцов, — гремел Гелон, — и идешь по пути тройного преступления! Ты забыл, что динлин не может ввести в дом вторую жену, пока не женится на той, которую за него просватали еще в колыбели. Но этого мало, ты посягаешь на то, что принадлежит твоему соплеменнику, более того — роду твоего князя, ибо Мингюль просватана за

Дугундэя из рода Барана. И, наконец, ты совершаешь третье преступление, перед которым бледнеют оба первых, словно холодный туман перед лицом снежной бури. Ты забыл, что в жилах Мингюль, как и твоих, течет кровь Быка. Ты осмеливаешься питать к своей сестре чувство, которое дозволено только по отношению к женщине чужого рода! Но, может быть, я ошибся? Скажи, Алакет, может быть, ты не питаешь к Мингюль иных чувств, кроме привязанности брата? Почему же тогда ты, въезжая в селение, не мог отвести взгляда от этой девушки? Ты, словно глухарь, зачарованный собственной песней, не замечал ничего вокруг и даже не поклонился старикам! Что случилось с тобою? Отвечай!

Алакет встал, его взор встретился со взглядами, полными укора и осуждения. Он смело и прямо посмотрел в лицо Гелона.

— Я не хочу лгать, старший отец. Ложь недостойна динлина. Я люблю Мингюль не как брат, а так, как мой отец любит мою мать, как мои дяди любят своих жен! Душа моя в лучах восходящего солнца, сердце мое — во всепожирающем пламени! И если только Мингюль меня любит, я буду защищать наше счастье, как барс добычу, пока гибель не достигнет меня! А если ее сердце не ответит моему, я спокойно отдам себя на суд рода!

Слова Алакета поразили всех. Женщины в ужасе ахнули. Мужчины вскочили с мест.

— Позор! — воскликнул, задыхаясь от гнева, Гелон. — Свежо предание, как расправился род Оленя с человеком, осмелившимся любить женщину своего рода! Обоих отступников зарыли живыми в землю! Я убил бы тебя своими руками, но горе нам, ты совершил слишком много! Даже великому отцу Хориану не удалось убить тигра в шестнадцать лет! Весь род будет завтра судить тебя на том самом месте, где готовились чествовать вашу с Пааном и Бергуном победу... Возьмите его, сыновья мои...

С бледным, спокойным лицом Алакет шагнул навстречу Канзыру. Удар плечом — Канзыр пошатнулся. Алакет с быстротой оленя рванулся к двери, но Паан копьем преградил ему выход. В ту же минуту Алакет молниеносным движением ударил дядю по руке, и тот выронил копье. Алакет выскочил из дома и бросился к коновязи. Выхватив из ножен кинжал, он перерезал повод, которым был привязан один из скакунов, птицей взлетел на конскую спину. Конь галопом взял с места. У Алакета кружилась голова, ныла рана, но свежий встречный ветер постепенно возвращал ему силы.

Вихрем промчавшись через селение, юноша ринулся к пологому холму, на склоне которого раскинулись ячменные поля.

Женщины серпами срезали спелые колосья. К счастью, Мингюль

работала на краю поля в стороне от остальных. Когда Алакет, остановив коня, спрыгнул на землю, в глазах девушки отразился смертельный испуг.

— Зачем ты здесь? — прошептала она, выронив серп.

— Мингюль! — глухим голосом проговорил Алакет. — Жизнь наша в опасности! Бежим!

С этими словами он легко поднял девушку на руки и посадил на спину коня.

Сев сзади Мингюль, юноша погнал коня вокруг холма. Испуганная и растерянная, девушка крепко прижалась к Алакету.

— Клянись предками рода Быка, — прошептал Алакет, касаясь губами ее уха, — что ты не покинешь меня и поделишь со мной мою судьбу.

— Клянусь! — ответила Мингюль, доверчиво взглянув в глаза Алакету.

Вдали показался табун.

— Мингюль, — сказал Алакет, спрыгнув с седла, — раны сковывают мои движения. Тебе придется помочь мне. — Сняв с себя длинный ременной пояс, он быстро приготовил аркан и свободным его концом обмотал шею коня.

— Видишь низкорослого рыжего скакуна! — продолжал Алакет. — Он силен и резв на бегу. Поезжай в табун и поймай его... Однажды, — добавил юноша, — он чуть не унес тебя в землю хуннов.

Легкой рысью Мингюль направила коня в табун, накинув на руку свернутый аркан. Подъехав издали к рыжему скакуну, девушка метнула ременное кольцо. Петля точно легла на шею животного. Конь рванулся, но аркан свободным концом был прочно прикручен к шее коня Алакета, и тот не двинулся с места, будто врос в землю всеми четырьмя копытами. Алакет поспешил на помощь и быстро подтянул к себе четвероногого пленника. Мингюль связала недоуздок.

Вскочив на коней, молодые люди помчались в неведомые просторы.

Вечером того дня, когда беглецы покинули селение рода Быка, они укрылись в густом колючем кустарнике. Ночью они не стали разводить огня. Жутко ожидать во тьме козней злого духа или нападения хищного животного, но еще страшнее привлечь погоню на свет костра. Расправа сородичей с теми, кто нарушил обычай, была бы жестокой и быстрой.

Алакет, встав на колени, напрягал зрение и слух. Пальцы юноши крепко вцепились в рукоять кинжала.

Мингюль, закрыв лицо руками, бессильно опустилась на землю. Плечи ее вздрагивали от безудержного плача. Алакет чувствовал, как неизъяснимая нежность к этой девушке с черными косичками теплой

волной заливает его сердце. Обняв Мингюль за плечи, он сел рядом с ней.

— Серебряная березка моя, — шептал юноша, — не плачь. Я увезу тебя в далекие края, и мы будем счастливы!

— Мой бедный отец! — всхлипывала девушка. — Мой бедный брат Умахет!

Алакет понимал, что Мингюль вспоминает своих пятерых маленьких братьев и сестер... Старший брат — Умахет погиб в поединке с Идатом из рода Оленя... Стада ее отца угнаны хуннами. А теперь семья Мингюль еще лишится и милости князя племени и богатого выкупа...

Ведь он, Алакет, похитил невесту Дугундэя из рода Барана! И тут острая ревность шевельнулась в душе Алакета.

— Мингюль! Если бы я не увез тебя, неужели ты согласилась бы стать женой Дугундэя?

— Нет, мой степной беркут! — Мингюль покачала головой. — После того как я переступила бы порог его дома, он не смог бы требовать обратно выкуп у моего отца, и тогда я отдала бы себя во власть подземным духам... В загробном мире мы встретились бы с тобою!

— Нет, Мингюль, — грустно усмехнувшись, проговорил Алакет. — По воле владыки неба жена должна и в мире духов быть вместе с мужем. Мы должны соединить свою судьбу здесь.

— Но как мы поедem? Ты весь изранен.

— Не бойся, Мингюль. Раны мои не опасны. Их скоро исцелят степные травы, свежий воздух и твоя любовь.

На десятый день пути стало ясно, что беглецы достаточно запутали след и за ними нет погони. Они сидели у костра под развесистым кедром. Алакет вытачивал из кости наконечники стрел, а Мингюль, ловко орудуя тонким бронзовым шилом, которое носит при себе каждая динлинская женщина, готовила из шкур двух недавно убитых волков одежду на долгий путь. Лицо ее задумчиво и печально.

— Звездочка моя, какая черная туча закрыла от меня твой свет? — сказал Алакет, прижимаясь щекой к нежной теплой шее Мингюль. — Ты опять вспомнила дом своего отца? Не горюй. Пройдет три зимы, и старший из твоих братьев сравняется со мной. Тогда он будет надежной опорой семьи.

— Я думала не только об этом, — грустно ответила Мингюль. — Я думала и о том, что сегодня все племена и роды динлинов забывают на время старые распри и поднимаются против ига злобного хуннского кагана, нашего извечного врага! И в такие дни мы сами заставили род и племя

отшатнуться от нас! Сами обрекли себя на одиночество... Алакет! — она быстро повернулась к юноше. — Поедем на запад, к Белым горам, или на восток, к Меч-морю. Там живут люди одной с нами крови! Тогда мы сможем принять участие в борьбе с хуннами.

— Ты угадываешь мои мысли, — опустил голову Алакет. — Я сам часто думаю об этом, но... Ведь на западе бои с хуннами ограничатся отдельными стычками, а может быть, и того не будет. Восток... Динлины, что живут у Меч-морья, держат руку хуннов. Там немало крепостей, где сидят полководцы кагана. Судьба войны решится между истоками Великой реки и ставкой Ойхана. Что же нам делать? — продолжал размышлять вслух Алакет. — Отправиться к исседонам? Страна исседонов далека, и, кроме того, доходили слухи, что исседоны окончательно разгромлены хуннами и оправятся не скоро... Вот если пробраться в Ухуань или в земли сяньбийцев?^[25]

— Но ведь путь туда лежит через владения хуннов! И разве забыл ты, сколько ухуаньцев живет рабами в нашей земле? Нет, Ухуань и Сяньби встретят динлина как врага едва ли не злейшего, чем хунн!

Алакет молчал.

— Давай отложим размышления до утра, — предложила Мингюль.

Наступило утро. Сквозь сон Алакет почувствовал, что его трясут за плечо. Он открыл глаза, увидел над головой изогнувшиеся в фантастическом полете кедровые лапы, пламенеющий вдали гребень гор и склонившееся над ним с улыбкой лицо Мингюль:

— Милый мой! Все так просто. Как же мы не подумали об этом вчера?

— О чем? — Алакет быстро поднялся.

— Ведь мы можем отправиться к моим соплеменникам!

— К твоим соплеменникам?

— Ну да. К кыргызам.

— К кыргызам? Да ведь они узнают о нашем бегстве едва ли не раньше, чем род Оленя.

— Нет, Алакет. Я говорю не о роде моей матери, а о тех кыргызах, что живут за Большими южными горами у истоков Великой реки. Власть хуннских каганов принесла им немало несчастий. Когда хунны стали их теснить, часть кыргызских родов ушла на север, в Динлин. А сейчас войско Эллея движется к ставке кагана мимо страны кыргызов. И мои собратья конечно примут участие в этой борьбе!

Радостно глядя в сияющие глаза Мингюль, Алакет привлек ее к себе и крепко обнял.

— Ну мог ли я думать, моя Мингюль, что рядом со мной будет не

только верный друг, но и мудрый советчик?

Глава IX

Путь через горы. Встреча с другом

Вечернее солнце окрасило ярко-багровым цветом причудливые скалы на гребнях лесистых гор. Из бездонных ущелий по узким тропам потянулись, словно белые тени гигантских драконов, туманы. Где-то промяукала рысь, и в наступающей тишине ухо по-особенному воспринимало грозный рев мчащегося внизу потока.

Двое всадников один за другим неторопливо двигались по краю обрыва. Одежды из волчьих и лисьих шкур мешковато сидели на плечах, но были теплы и не стесняли движений. Непринужденная посадка и уверенность, с которой всадники направляли коней по откосам, показывала, что они принадлежат к народу, для которого многодневные путешествия в одиночку по глухим и диким местам, вдали от жилья — дело привычное.

Но внимание, с которым они осматривали каждый придорожный камень, склоны гор и бородастые мхи на еловых лапах, говорило, что они впервые в этих местах. Длинные черные косы, выбившиеся из-под остроконечной меховой шапки одного из всадников, выдавали женщину. Вооружение их было не совсем обычным. Копьем всаднице служил укрепленный на длинном древке кинжал с изображением на перекрестье бычьих голов.

Оба путника вооружены луками, но наконечники лежащих в берестяных колчанах стрел искусно выбиты из камня или выточены из кости. Отдельной связкой в колчанах лежали стрелы, острия которых обмотаны листьями и обернуты сверху сусличьей шкуркой. Это стрелы, смазанные смертоносным ядом.

Ночная мгла быстро заволакивала ущелье.

— Алакет, — устало проговорила всадница, — и могучий барс, бродя по ущелью, ищет логово, чтобы отдохнуть. Не пора ли нам поискать ночлег?

— Золоторогая косуля моя, — отозвался Алакет, — я готов скакать от восхода до заката и ночью при свете звезд, лишь бы скорее добраться до цели, и не всегда помню, что должен думать и о тебе.

Спрыгнув с седла, юноша передал повод Мингюль и начал подниматься по склону. Вскоре он скрылся в лесу. Шло время. На темном небе из-за туч иногда поблескивала одинокая звездочка. Осенняя сырость

поднималась от покрытых инеем камней. Мингюль с тревогой оглядывалась по сторонам. Хрустнула ветка. Мингюль вздрогнула. На тропе темным силуэтом появилась знакомая фигура Алакета.

— Идем.

Ведя коней в поводу, путники начали подниматься по склону. Алакет безошибочно нащупывал в темноте дорогу среди деревьев, кустарников и обломков скал. Наконец юноша остановился. Мингюль почувствовала, что над головой ее появился потолок. Какая-то неясная масса угадывалась и справа по склону. Алакет достал из кожаного футлярчика кусок кремня и начал осторожными точными ударами о тыльную часть наконечника копья высекать искру. Сухой мох задымился, и вскоре пламя озарило вход в пещеру.

Алакет бросил внутрь охапку свежих еловых лап, затем вышел к коням, похрустывающим блеклой осенней травой и тонкими веточками кустарника. Он взял коней под уздцы и ввел в пещеру, чтобы спасительный огонь охранял их от зубов хищного зверя. Сняв седла, юноша достал из-под них куски оленьего мяса, и Мингюль, насадив их на прут, стала поджаривать над огнем.

Шло время. Приближался рассвет. Мингюль крепко спала, положив голову на колени Алакету, который задумчиво смотрел на огонь. Он думал, как тяжел будет путь через горы в страну кыргызов. Ведь надвигается зима!

Кони с трудом брели вверх по узкому каменному коридору, то увязая в снегу, то скользя на обледенелых камнях. Сверху нависла свинцовая мгла, в которой терялись уходящие ввысь каменные стены. Ветер, обжигая холодом, забирался под одежду. Стыли руки и ноги, коченело тело. Сила урагана нарастала с каждой минутой. В двух шагах невозможно было различить ни дерева, ни куста, ни занесенной снегом трещины, в которую мог увлечь всадника споткнувшийся конь.

Путники потеряли счет времени. Иногда один из них, оторвав лицо от лошадиной гривы, пытался всмотреться в дорогу, но тут же режущий вихрь заставлял снова склоняться. Напрягая зрение, Алакет искал малейший признак пещеры или углубления в скале. Каменный массив, казалось, наступал на динлинов. Иногда попадались небольшие «kozyрьки», но это плохая защита от безжалостной вьюги. Алакет ощутил резкий толчок. Споткнулся конь. Еще несколько шагов, и измученное животное стало, понурив голову. Алакет спрыгнул в снег и сразу провалился по колени. Сквозь вой ветра слабо прозвучал голос Мингюль:

— Возьми моего коня... Он крепче... Лучше погибнуть мне одной,

чем нам обоим...

— Нет, — Алакет качнул головой. — Уж если суждено погибнуть, пусть горные духи примут нас вместе.

Он взглянул на Мингюль, ее лицо стало белым как снег. Алакет помог Мингюль сойти с коня и, схватив пригоршню снега, стал растирать щеки, лоб и нос. Когда лицо ее ожило, он снова помог ей сесть в седло и, взяв своего коня за узду, пошел по тропе.

Но вот начал спотыкаться конь Мингюль, и ей тоже пришлось, держа его в поводу, пешком следовать за Алакетом.

— Крепись, Мингюль! — долетал до ее слуха сквозь рев урагана голос друга. — Наверное, недалеко перевал! Там найдем укрытие!

Но вот склон, по которому ползла тропа, стал более пологим. Скалы расступились, исчезли за метущейся снежной завесой. Здесь на просторе вихрь поднимал снег от земли и кружил его гигантскими спиралями. Алакет увидел смутное очертание какого-то холмика. Вскоре он разглядел, что это занесенное снегом коническое сооружение из камней. Такие сооружения воздвигали на перевалах в честь горных духов.

— Перевал! — радостно воскликнул Алакет. — Мингюль, родная, перевал!

Ему никто не ответил. Алакет оглянулся назад, но никого не увидел. Сделал несколько шагов обратно. Из белого мрака выплыл рыжий конь. Он стоял, опустив голову к копытам, у которых навзничь, раскинув руки, лежала Мингюль. Прерывистое дыхание с хрипом вырывалось из ее груди.

— Мингюль! — бросился к ней Алакет.

— Оставь меня... Спасайся... — прошептала Мингюль, теряя сознание.

— Мингюль! — Алакет наклонился над ней, но ответа не было. Глаза ее закрыты. Сбросив с себя меховую одежду, Алакет закутал подругу. Мороз сотнями острых игл впился в прикрытое одним кожаным халатом тело, но Алакет не замечал этого. Он крепко привязал к своему поясу поводья обоих коней. Потом взял на руки Мингюль, голова ее безжизненно упала ему на плечо. Проваливаясь в снег, Алакет тяжело зашагал навстречу бурани и вскоре потонул в белесой мгле.

Шло время... Кромешная тьма одела перевал. Буран утих. В разрыве туч показалась серебристая луна. Возле каменной пирамиды на перевале, тяжело переводя дыхание, остановился человек в изорванной одежде, ведущий за собой коня. Луна осветила рябоватое широкоскулое лицо с раскосыми черными глазами. Огромный рост, широкие плечи, могучая грудь говорили о недюжинной силе. Как и всякий путешественный в горах, человек этот был вооружен. На сыромятном ремешке покачивается кинжал. К наспех сделанному неуклюжему седлу приторочены лук и колчан со стрелами. Бросалось в глаза, что их наконечники, как и на стрелах Мингюль и Алакета, сделаны из камня и кости. На плече он нес очищенный от сучьев ствол молодой березки, на конце которого

прикреплен огромный круглый камень. Ударом такой булавы можно проломить череп старому быку или даже тигру, но рука, владевшая таким оружием, должна обладать железными мускулами.

— Ну, кажется, кончилось, — пробормотал человек, глядя на небо. — Теперь мы с тобой найдем убежище, где можно спокойно дожждаться конца зимних буранов.

Он повернулся к коню.

Видно, долгие скитания по горам в одиночку приучили его делиться мыслями лишь с самим собой да с черногривым помощником. Наполняющая его сила, вероятно, не давала ему долго быть под впечатлением пережитой опасности, потому, передохнув, он снова заговорил с конем:

— Но куда же делись те двое? Неужели тоже ушли в буран? Что их гонит так неуклонно и именно по нашему с тобой пути? Судя по походке их коней, оба они динлины, а по следам на привалах — одна из них женщина, и притом не старая. Что гонит их из родной земли? Мы с тобой не слишком медлим, но они все время обгоняют нас более чем на день пути...

В эту минуту взгляд его упал на каменную пирамиду. В глазах путника отразился страх. Вынув из ножен кинжал, он отрезал от своих ветхих лохмотьев лоскут и, бормоча молитву горному духу, положил его на пирамиду. Затем, не оглядываясь, он быстро зашагал прочь, ведя за собой коня.

Пламя костра бросало красноватые отблески на сырые, покрытые инеем стены пещеры, на одной из которых застыла огромная черная тень Алакета, сидящего возле ложа из еловых лап и сухого мха. Суровые морщины перерезали высокий лоб юноши. Он с тоской смотрел на Мингюль, которая вытянулась на ложе, закутанная до подбородка в меховую одежду, свою и Алакета. Лицо ее горело. Помутневшие глаза широко раскрыты. Сухой, раздирающий кашель вырывался временами из ее груди. Больная со всех сторон обложена сухим конским навозом, который хорошо сохраняет тепло. Блик от костра скользнул по лицу Мингюль. Она заметалась: «Вот! Вот! Это Идат и Дугундэй... Они гонятся за моим отцом! Умахет, брат мой... Тебя хотят схватить огненные духи гор! Алакет, любимый, беги! Я закрою тебя от стрел...»

— Голубая козочка моя, успокойся. Я здесь, с тобой, — ласково проговорил Алакет, касаясь щекой горячего лба подруги.

Больная утихла и, казалось, забылась. Алакет медленно подошел к выходу из пещеры. Леденящий холод обжег грудь и лицо. Солнце, одетое

туманной мглой, белым призраком вставало над горами. Взяв кинжал, Алакет вышел из пещеры. Отойдя к ближнему, одетому серебристым снежным узором кустарнику, он, ловко орудуя то лезвием, то концом рукояти кинжала, принялся разгрести снег. Он копал долго. Тепло разлилось по заочневшему телу. Но вот, взглянув под ноги, он тяжело вздохнул и перешел на новое место. Разрыв снег еще в трех местах, Алакет устало оперся на тонкую молодую березу и с горечью взглянул на затянутое белесой дымкой небо. Он снова опустил глаза. Взгляд его упал на склон горы, где снег тоже был разрыт, но гораздо раньше. Юноша подошел к этому месту. Во все стороны от разбросанного снега шли следы раздвоенных копыт. «Олени добывали пищу из-под снега... Вот бы принести Мингюль свежего оленьего жира... Но нет. Олени не пойдут туда, где слышен запах дыма, а я не могу уйти далеко от пещеры. Хорошо, что еще есть мясо в сумках и под седлами коней...»

Алакет хотел идти к пещере, когда взгляд его упал на маленькие заиндевелые листики, незаметно прилепившиеся у стенки разрытой оленем ямки.

— Неужели! — Быстрыми ударами кинжала он выбил несколько комьев земли, под которые уходили корешки этой невзрачной травки. Земля гулко звенела под железным лезвием. Положив мерзлые комья за пазуху, юноша быстро зашагал к пещере. Войдя в пещеру, юноша бросил принесенные куски земли на камень возле костра. Мингюль глухо стонала. Алакет, взяв деревянную чашку с растопленным снегом, уронил несколько теплых капель на пересохшие растрескавшиеся губы любимой. Он попытался дать ей поджаренного мяса, но больная не смогла есть. Покачивая головой, Алакет разложил оттаявшие земляные комья и извлек ветвистые корешки. Наморщив лоб, юноша мучительно напрягал память: «Что же делала тетка Тынгет, когда лечила маленького Туруга? Кажется, так...»

Придвинув камень к костру, Алакет ждал, чтобы корешки подсыхли. Тем временем он прикрепил над огнем конский желудок со снегом, чтобы снег растаял и вскипел. Когда вода забурилась, Алакет мелко искрошил подсушенные корешки и бросил в кипяток вместе с кусками оленьего жира. И тут молнией блеснуло в памяти: «Да ведь я же не знаю заклинания духа трав, а когда болел Туруг, тетка не только сама совершала обряд, но еще звала шаманку... Что ж делать? — Но отчаяние оказалось сильнее сомнений. — Что ж, попробую без заклинания... Хуже, чем есть, не станет!»

Алакет наполнил чашку отваром. Необычный одурманивающий аромат защекотал ноздри. Поболтав, чтобы остудить жидкость, юноша

поднес чашку к губам Мингюль. Она глотала отвар, казалось, не замечая этого. Когда чашка наполовину опустела, Мингюль заметалась со стоном на своем ложе. Алакет бережно обнял подругу, положил ее голову себе на колени, и она утихла.

Томительно потянулось время. «Без заклинания средство не поможет, — с тоской думал Алакет. — Что же мне делать?» Алакет не знал, сколько прошло времени: он задремал. Очнувшись внезапно, как от толчка, он со страхом взглянул в лицо Мингюль. Что такое? Горячий румянец сменился матовой бледностью, но дыхание стало ровней и во всем теле чувствовалось успокоение. Алакет, не веря глазам, смотрел на спящую подругу. Вот черные глаза ее приоткрылись и ясным взором взглянули на юношу.

— Алакет, что случилось? Где мы с тобой?

Юный динлин нежно привлек к себе любимую.

Прошло несколько дней. Мингюль была еще слаба, но запас мяса подходил к концу, и Алакет решился отправиться на охоту. Скоро отдохнувший, бодрый скакун радостно нес седока вверх по тропе. Вот и олени следы. Юноша направил коня по пути, которым прошло стадо. Верное животное легко взяло подъем. Всадник спрыгнул с коня. Дальше он осторожно пошел пешком, держа наготове лук и стрелу и внимательно оглядываясь по сторонам. Несколько шагов — и охотник, упав на снег, неслышно пополз между кустарниками. Перед ним открылась поляна, на которой несколько оленей резкими ударами передних копыт разгребали снег, отыскивая пищу. Стадо охранял вожак с могучей грудью и раскидистыми рогами. Он стоял с гордо поднятой головой, чутко насторожив уши и шевеля ноздрями, из которых струился к вершинам деревьев белый пар. К счастью, ветер дул со стороны стада в лицо Алакету.

Охотник весь подобрался. Прищурился, прицелился в одного из оленей. Свистнула стрела. Стадо насторожилось. Но раньше чем оно успело умчаться с поляны, стрела пронзила оленю сердце. Но что это? Изумленный динлин вскочил на ноги. Одновременно с его стрелой вторая стрела прошла через шею оленя. Из-за дерева вышел человек могучего телосложения в рваной одежде, с рябоватым лицом.

— Во имя духа охоты! — воскликнул неизвестный на ломаном динлинском наречии.

По обычаям динлинов, человека, присоединившегося к охотникам с таким возгласом, полагалось допустить к участию в охоте и в дележе добычи.

— Мир охотнику! — по обычаю ответил Алакет.

— Что ж, юноша, — сказал незнакомец, — приведем на поляну своих коней да разделим тушу.

— Так, отец, — кивнул Алакет. Незнакомый был, по крайней мере, вдвое старше его.

Кони были выведены на поляну, и охотники присели возле туши. Незнакомец обнажил кинжал... и... Внезапно на лице Алакета отразилось одновременно изумление и недоверие. На перекрестье кинжала юноша увидел рельефное изображение двух бычьих голов. Незнакомец же ничего не заметил, так как свой кинжал Алакет прикрепил вместо острия к копьё Мингюль и оставил его в пещере, а с собой взял только каменный нож, который он смастерил в дороге из плоской гальки, подобранной на берегу горного ручья. Обив узкие стороны ее камнем, Алакет превратил их в острые режущие края. Затем вставил каменное лезвие в расщепленную короткую и толстую палку, крепко обмотал рукоять ремнем, и нож был готов.

— Послушай, — стараясь сохранить спокойствие, проговорил Алакет, — откуда у тебя этот кинжал? Добром ли он попал в твои руки?

— А что? — насторожился неизвестный.

— Отвечай мне, — настаивал Алакет.

— Должен ли я отвечать тебе?

— Должен!

— Почему?

Вместо ответа динлин распахнул халат и обнажил татуировку на груди.

— Понятно! — усмехнулся незнакомец. — Можешь поверить, юноша, что, уступив мне этот кинжал, твой сородич остался жив и не получил тяжелых телесных повреждений.

— Ты заставил Быка испытать позор! — гневно воскликнул динлин. — А позор смывается только кровью!

— Юноша! — возразил незнакомец. — Клянусь, что я не питаю вражды ни к тебе, ни к твоему роду и только обстоятельства заставили меня поступить так, как я поступил. Нам с тобой нет нужды браться за оружие, ибо не для того скрещиваются горные тропы, чтобы один человек продолжал свой путь, в то время как кости другого белели на камнях.

Лицо собеседника Алакета дышало спокойствием и суровостью, в голосе чувствовалась большая внутренняя сила, и, странное дело, Алакет, готовый схватиться за нож, нерешительно отступил назад, почувствовал вдруг невольное уважение к этому человеку. Несмотря на внешнее несходство, незнакомец чем-то удивительно напоминал юноше деда

Хориана, почитаемого всеми динлинскими племенами, образ которого Алакет бережно хранил в сердце.

Однако тревога динлина не прошла.

— Но кто же ты? — спросил он незнакомца, настороженно глядя на него.

— Я сын племени, — ответил тот, — которое приняло от хуннов не меньше страданий, чем люди земли Динлин! Твои сородичи сделали меня рабом. За что? Уж не за то ли, что, сражаясь с хуннами, я проливал кровь и за освобождение твоей земли?

Незнакомец подошел к Алакету и положил руку ему на плечо.

— Сейчас у нас с тобой одна судьба, юноша. Я бежал, чтобы мстить хуннам за бедствия своего народа... Бежал и ты... Зачем? Чтобы спасти себя от гнева сородичей. Волк не покинет логова, пока собаки не начнут травить его. Отец и братья не снаряжали тебя в путь, ибо тогда твое оружие и сбруя твоего коня были бы гораздо лучше и для поездки в эти края ты дождался бы похода войск Эллея... И еще скажу, ты не бежал бы в горы с молодой женщиной, если бы не любил ее, а она не последовала бы добром за тобой, если бы тебя не любила...

Алакет был поражен.

— Ты все обо мне знаешь! — протянул он руки к незнакомцу. — Уж не дух ли ты? Не послан ли владыкою неба, чтобы покарать меня и Мингюль за нашу любовь?

Незнакомец, печально улыбнувшись, покачал головой:

— Карать за любовь? Нет. Разве ты виноват, что хунны превратили это чувство в мою беду, что я двадцать лет не видел родного очага, людей моего рода... Ведь я сказал, что я такой же беглец, как и ты. И о тебе я знаю не все. Я не знаю, почему ты встретился мне по дороге в землю кыргызов, не знаю, что ты ищешь на юге...

— Род отвернулся от меня! — горячо воскликнул юноша. — Но там, на юге, я вместе с кыргызами буду сражаться против врагов нашей земли! Я был бы уже у кыргызских рубежей, если бы дух болезни не овладел моей Мингюль.

— Что сказал ты? Она больна? — воскликнул незнакомец, и в глазах его мелькнула тревога. — Опасно?

— Нет! Благодарение владыке неба, злой дух покинул ее, но она еще очень слаба.

— Так чего же мы ждем? — и незнакомец склонился над убитым оленем. Освежив тушу, охотники быстро рассекли ее на куски и частями приторочили к седлам.

Ведя в поводу коней, они направились в сторону пещеры. Тревога и недоверие Алакета к случайному спутнику рассеялись, как утренний туман. Издали потянуло легким запахом дыма.

— Я дальше не пойду, — сказал незнакомец. — Я должен спешить. Он отвязал оленьё мясо от седла и бросил его на землю.

— Юноша, я возьму себе немного. Ты возьмешь остальное. Свежая сытная пища нужнее твоей Мингюль, чем мне.

— Постой, отец! — удержал его Алакет. — Ты первый друг, которого я встретил за время скитаний. Остайся же моим гостем, хотя бы на один день!

— Хорошо, — незнакомец улыбнулся неожиданно добродушной улыбкой.

— Пожалуй, я останусь у тебя ненадолго. Ведь и я устал скитаться по лесам и ущельям, словно рысь, за которой по пятам идут охотники. И мне хочется посидеть у мирного очага с человеком, который смотрит мне прямо в лицо, и не ждать, что каждый миг мне могут вонзить в спину кинжал или захлестнуть шею арканом.

Мингюль в пещере готовила еду.

Над костром, на перекладине, укрепленной на двух деревянных рогатках, висел конский желудок. В нем варилась похлебка из диких кореньев, приправленная пахучими травами. Мингюль держала в руках два тонких прута с нанизанными на них кусочками оленьего мяса. Медленно поворачивая прутья над огнем, она внимательно следила, чтобы мясо поджарилось со всех сторон. Внезапно от входа в пещеру протянулась чья-то длинная тень.

Вздрагнув, Мингюль подняла глаза. На фоне синего неба и заснеженных ветвей возникла огромная фигура человека.

Сдавленно вскрикнув, Мингюль уронила прутья с мясом в костер. Бессознательно она отступила к дальней стене пещеры, ища копьё отведенной назад рукой. Но в тот же миг рядом с неизвестным появился Алакет.

— Не бойся, Мингюль! Дух гор милостив к нам. Он соединил наш путь с дорогой друга.

Неуверенно улыбнувшись, Мингюль приблизилась к костру. Вскоре новые друзья сидели на шкурах один против другого. Так как теперь нужно было больше пищи, мясо только что убитого оленя жарили большими кусками прямо на углях.

К тому же Алакет даже здесь хотел сохранить верность обычаям рода

Быка, славившегося гостеприимством. Когда мясо поджарилось, Алакет ловко поддел своим каменным ножом правую половину груди оленя и, глубоко поклонившись, подал незнакомцу.

По обычаю сородичей Алакета правую половину передней части животного подавали на пирах самому почтенному гостю.

— Мир тебе, сын мой! — растроганно обнял Алакета незнакомец. — Скажи мне, как твое имя!

— Меня зовут Алакетом. Но как называть тебя, отец?

— В далеком и родном моем Ухуане соплеменники называли меня Гюйлухоем... А теперь, Алакет, отдай мне твой каменный нож, а себе возьми кинжал. Пусть он вернется в род Быка в знак того, что я не хочу враждовать с динлинами!

И вынув из-за пояса Алакета нож, Гюйлухой отдал ему железный кинжал.

Сердце Алакета радостно забило: ведь обменом оружия воины скрепляют между собой дружбу и становятся братьями!

Глава X

Гюйлухой и его друзья — гости рода Орла

Морозным солнечным днем Гюйлухой собрался в дорогу. Его провожали Алакет и Мингюль. Снег на склонах гор вспыхивал тысячами искр. Припорошенные инеем ветви кустарника сплетали фантастические узоры. Деревья, потрескивая от холода, перекликались с веселым треском костра в пещере. Гюйлухой подтянул подпругу и собрался было выводить коня из пещеры, как вдруг из ущелья донесся какой-то отдаленный гул. Все прислушались. Звуки приближались, становились отчетливее. Донесся топот несущихся коней, ржание, крики и яростный звериный рев. Мингюль бросилась назад в пещеру, а мужчины, укрывшись за выступом скалы, внимательно смотрели на тропу.

Вот на ней показался конь. Пар клубами валил от него. Он мчался, задрав голову и вскидывая задом. Отчаянное ржание огласило окрестности. Всадник пытался обернуться, но ему не давал сделать этого огромный пятнистый барс, который, упершись задними лапами в круп коня, схватил передними всадника и зубами впился ему в плечо. Хвост хищника, извиваясь, словно змея, хлестал коня по бокам, отчего испуганное животное несло, не разбирая дороги. Сзади мчались еще трое всадников с натянутыми луками, которые они, однако, не пускали в ход, вероятно, из опасения попасть в товарища. Гюйлухой натянул лук. Стрела, со свистом прорезав воздух, впилась в спину зверя. Барс кубарем слетел с коня, но, падая, стал на лапы. Оглашая окрестности ревом, в котором боль смешивалась с яростью, он оскалил клыки и сжался в комок, готовясь метнуться навстречу всадникам. Но те налетели вихрем, взвились клевцы, и удары обрушились на хищника.

Когда покончили со зверем, люди помогли раненому товарищу сойти с коня и взглянули вверх. Рядом с выступом скалы стояли Гюйлухой и Алакет. Неизвестные направились к ним. По светлым глазам и носам с орлиным изгибом Алакет сразу узнал в них динлинов.

— Мир и счастье тебе, воин! — сказал, подходя к ухуаньцу коренастый, с окладистой рыжей бородой мужчина. — Ты спас нашего сородича от неминуемой гибели, и хотя не сказал слов «во имя духа охоты», но добыча по праву принадлежит тебе.

— Мир вам, друзья! — ответил Гюйлухой. — Мой дед и отец учили не

братъ выкупа ни за жизнь друга, ни за жизнь врага. Я сделал то, что должен был сделать!

— Достойный ответ! — с уважением взглянул на него бородач. — Но скажите, воины, из какого вы рода и племени и куда держите путь?

— Я — ухуанец, — смело глядя в глаза динлину, сказал Гюйлухой. — Воля богов много лет бросала меня из одного конца света в другой. Но теперь я держу путь на родину, чтобы бороться с нашими врагами — хуннами.

— А ты, юноша? — обернулся рыжебородый к Алакету.

— Я иду в землю кыргызов, чтобы тоже биться с хуннами, но на первый твой вопрос, почтенный отец, позволь мне не ответить.

— Мы не будем выпытывать у тебя того, что ты не хочешь сказать, — нахмурился собеседник Алакета. — Но напрасно ты таишься от людей, которые хотят тебе только добра.

— Не по своей воле покинул я родной дом, — опустил голову Алакет, — но каким бы ни был мой проступок, я смою его со своей души кровью хуннов.

— Мы не знаем, какой проступок ты совершил, — возразил рыжебородый, — но твой друг спас нашего сородича. Оба вы идете на славное дело, для которого и мы куем оружие. Братья! — он повысил голос. — В знак нашей дружбы не откажитесь почтить гостеприимство рода Орла!

Тут же в знак скрепления дружбы воинов были совместно съедены сердце и печень барса, и вскоре Гюйлухой, Алакет и Мингюль легкой рысцой ехали на юг в сопровождении всадников.

По сторонам мелькали покрытые снегом горные склоны, высились леса. Мингюль, радостно улыбаясь голубому ясному небу, жадно вдыхала свежий морозный воздух. Но вот, сменяя знакомый шум леса, издалека донесся собачий лай попеременно с каким-то звоном. Немного спустя в кустарнике мелькнули олени рога, другие, третьи... Привычным движением охотника Алакет схватился за лук. Но олени не убежали, а без тени страха или удивления поглядывали на всадников. Каково же было удивление Алакета, когда из-за кустов выехал динлин верхом на олене и приветствовал прибывших. Заметив недоумевающий взгляд юноши, рыжебородый — Алакет теперь знал, что его зовут Тубар, — улыбаясь, сказал:

— Ты, видно, впервые в наших краях и не знаешь, что олень, как и конь, может быть другом человека. Так знай, что он служит нам не хуже коня.

Теперь и Алакет вспомнил рассказы отца и деда о том, что многие племена, живущие на северных и южных окраинах земли Динлин, разводят домашних оленей, ездят на них и пьют их молоко.

Вскоре в просветах между деревьями замелькали бревенчатые дома с коническими крышами, и всадники въехали в расположенное в котловине селение. Со всех сторон слышался неумолчный грохот и звон железа, а с виднеющейся вдали горы раскатывался эхом по хребтам глухой гул. Внезапно конь Алакета захрапел и шарахнулся в сторону. Алакет взглянул вперед, и рука его сама легла на рукоять кинжала. Между домами ехал всадник на лошади. Вид его не был примечателен ничем, но следом за ним, покачиваясь, шагало длинноногое рыжее чудовище. На изогнутой шее, похожей на огромную змею, сидела отдаленно напоминающая лошадиную голова с отвислыми губами.

По бокам диковинного седла, укрепленного между двумя возвышениями на спине этого существа, висели две большие плетеные корзины. Между тем конь Мингюль продолжал спокойно идти вперед, хотя сама всадница побледнела от ужаса. Увидев смятение спутников, Тубар и Гюйлухой весело рассмеялись.

— Кроме коня и оленя, юноша, — сказал Тубар, — человеку служит еще и верблюд. Он для тебя не опаснее скакуна, на котором ты сидишь.

Алакет встретился с верблюдом не впервые. Во время войны с хуннами он видел в их лагере этих чудовищ, и их вид вызывал у него ощущение чего-то недоброго. Конь Алакета еще более всадника опасался этих непонятных существ, между тем как хуннский скакун Мингюль, привыкнув к верблюдам у себя на родине, даже не обратил внимания на появление старого знакомого. Динлинский конь Гюйлухоя тревожно косился на неведомого зверя, но сам всадник даже не сразу уяснил причину тревоги спутников. Для южных кочевников ухуаньцев верблюд был таким же обычным животным, как лошадь для сородичей Алакета.

Подъезжая к одному из домов, Алакет увидел в стороне от жилища сложенный из камней, обмазанный глиной большой очаг. Он расположен с наветренной стороны пригорка, и притекающий все время свежий воздух поддерживает огонь.

Голубоглазый юноша держал длинными щипцами на плоском камне раскаленную полосу железа, по которой наносил удары железным молотком седобородый, но еще крепкий старик.

— Почтенный отец Куип, — обратился к старику Тубар, держа в руках шкуру барса, — сегодня твоему сыну грозила большая опасность, и он мог предстать перед судом владыки неба, если бы не этот воин.

Старик не прервал работы, лицо его осталось спокойным, но в глазах засветилась благодарность.

— Бандыр, сын мой, — ласково проговорил он, — и ты, Тубар, проводите гостя и спутников его в мой дом, и пусть они ни в чем не знают нужды.

— Но почему сам хозяин не пошел с нами? — спросил Алакет, когда все, спешившись, направились к дому старого Куипа.

— По нашим обычаям, — отвечал Тубар, — кузнец не может прервать работу на половине. Он может отложить молот лишь тогда, когда вещь сделана.

Десять дней минуло с той поры, когда род Орла чествовал в доме Куипа ухуаньского друга. Гюйлухой торопился на юг и уехал на следующий день после празднества. Алакет проводил его до крайних домов селения.

— Прощай, сын мой! — воскликнул ухуанец, вскочив на коня. — Если когда-нибудь судьба забросит тебя в Ухуань, ищи отца Гюйлухоя.

Конь с могучим всадником метнулся вниз по склону и скоро скрылся за выступами скалы. Гулкое эхо подхватило цокот копыт на обледенелых камнях.

Алакет восхищенно смотрел вслед.

Теперь и Алакет хорошо отдохнул и готов был тронуться в дальний путь, но отложил отъезд до весны, боясь, что Мингюль не выдержит трудной зимней дороги через горы.

Деятельный и энергичный, юноша томился от вынужденного безделья и однажды, когда многочисленная семья его хозяев сидела на шкурах вокруг очага за ужином, вполголоса обратился к Бандыру:

— Скажи, брат, не могли бы вы обучить меня вашему ремеслу.

— В тайны нашего искусства, — ответил ему Бандыр, — может быть посвящен лишь тот, в чьих жилах течет кровь Орла. Но ты пришелся нам по душе, и отец, наверное, усыновит тебя.

Через три дня на восходе солнца весь род Орла собрался на обширной площади в центре селения. В очаге, сложенном из массивных каменных плит, горел огонь. Возле этого очага полукругом на покрытых звериными шкурами камнях сидели старейшие люди селения и среди них — глава рода Орла. Перед очагом лицом к старейшинам стоял высокий сухопарый шаман. За спиной его гулко шумела толпа сородичей.

— Род Орла! — произнес, поднявшись с места, усатый глава рода. — Сегодня мы принимаем в наше братство нового члена. Пусть выйдет вперед!

Алакет, отделившись от толпы, склонился перед старейшинами.

— Из какого рода ты, юноша? — пристально глядя на него, спросил глава.

— Из рода Орла, почтенный, — спокойно ответил Алакет.

— Кто отец его? — обратился глава к собравшимся.

— Я! — шагнул вперед старый Куип.

— Кто мать его?

— Я! — отозвалась из толпы женщин жена Куипа.

— Но достоин ли он вступить в братство? Кто поручится за него?

— Я! — в один голос отозвались Бандыр и Тубар, становясь по обе стороны Алакета.

— Да будет так! — сказал глава. — Пусть же достойный служитель владыки неба и заклинатель духов гор совершит обряд.

На другой день Алакет, держа на плече тяжелый каменный молот на деревянной рукояти, а на спине — вязанку кольев, шагал рядом с Бандыром и Тубаром по направлению к горе, недалеко от которой раскинулось селение рода Орла. Рядом с ним шли еще десять-пятнадцать человек. Тубар был старшим среди них, как самый опытный. Достигнув горы, Тубар и его спутники двинулись вверх по склону. Вскоре перед ними появилось узкое и низкое отверстие, наклонно уходившее в недра горы. Тубар и Бандыр зажгли смолистые сосновые сучья и, согнувшись, двинулись в проход. За ними протиснулись Алакет и остальные. Со всех сторон потянуло затхлым воздухом и могильной сыростью. На стенах поблескивал холодными синеватыми искорками иней. Шаги глухо отдавались в полумраке. Наконец люди уперлись в отвесную стену, под которой оказалась груда угля.

— Что это? — вполголоса спросил Алакет.

— Жгли костер, чтобы порода дала трещины, — пояснил Бандыр.

— Теперь смотри, — сказал Алакету Тубар, — и повторяй то, что я буду делать.

С этими словами он взял из вязанки кол, вставил острием в трещину и неторопливыми сильными ударами начал вгонять его в породу. Тем временем двое его спутников разожгли костер и растопили снег в нескольких бычьих желудках.

Но вот молотобоец в последний раз опустил молот. Тотчас же рудокопы, которые растапливали снег, бросились к колу и принялись поливать его.

— Когда кол напитается водой, он разбухнет, — пояснил Тубар, — когда она замерзнет, кол еще разбухнет и трещина расширится. Легче будет дробить породу. Ну-ка, попробуй, — добавил он, когда кол покряхтел

снаружи коркой льда. И Алакет с размаху начал наносить удары по кольям. Время от времени куски руды отламывались, падали к ногам юноши. Двое рудокопов подхватывали их, складывали в кожаные мешки и тащили к выходу. Вскоре Алакет почувствовал, что мускулы его одеревенели, в суставах и пояснице появилась ноющая боль, от непрерывного грохота молотов, казалось, раскалывается голова, и в то время как тело обливалось потом, ноги примерзали к холодному камню. Алакету казалось, он вот-вот потеряет сознание, но он все бил и бил молотом, и новые глыбы руды со стуком валялись на землю. Но вот над самым ухом раздался голос Тубара. Что такое? Алакет оглянулся с недоумением. Рудокопы, бросая молоты и колья, садились на камни и вытаскивали из сум куски мяса. Перекусив, снова принялись за работу. Теперь Алакет складывал руду в мешки и носил ее к выходу. Эта работа казалась легче. Но вскоре Алакет почувствовал, что от тяжести мешков ноют колени. Когда Тубар объявил конец работы и рудокопы один за другим потянулись к выходу, Алакет, пошатываясь, вышел последним и в изнеможении опустился на камень перед забоем.

— Ну что, — спросил полунасмешливо-полусочувственно Тубар, — нелегко наше ремесло?

— Каждое новое дело поначалу трудно, — ответил юноша, — но терпение и настойчивость побеждают всегда.

— Верно, ты станешь настоящим кузнецом.

Прошло еще несколько дней. Тело Алакета окрепло и, казалось, налилось новой силой. Теперь он мог с утра до вечера без отдыха дробить руду размеренными ударами молота, вызывая удивление окружающих и удовольствие Тубара, который не мог нахвалиться своим помощником.

И вот настал торжественный день. Окончен обряд жертвоприношения. Шаман стоит, обратив лицо навстречу восходящему солнцу. Алакет, Бандыр и Тубар под наблюдением старого Куипа врывают в землю у края круглой неглубокой ямы четырехугольные каменные плиты. Внутри этого сооружения бросают деревянными лопатами дробленую руду вперемешку с древесным углем. Куип строго следит, чтоб руды и угля было не больше, не меньше, а ровно столько, сколько нужно.

Но вот каменный ящик обмазан снаружи глиной. Оставлено лишь одно отверстие для притока воздуха. Вокруг сложены сухие березовые дрова. С трепетом в сердце — еще бы: впервые разжечь топку! — Алакет подносит факел к дровам. Пламя бежит по щепкам, затем медленно переползает на дрова и вдруг с треском вспыхивает. Бандыр и Тубар веселыми глазами смотрят на юношу, но Куип прерывает их мысли:

— Ну, что стали?! Несите еще дров!

Лицо его невозмутимо, голос суров, но в глазах старика тоже прыгают радостные искорки.

Все новые и новые вязанки дров валятся к горну. От каменных плит пышет жаром. Несмотря на мороз, плавильщики обнажены до пояса и с них струями стекает пот. Но вот Куип знаком приказывает кончить плавку. Ударами тесел плавильщики пробивают отверстие в стене горна, и ярко-красная масса, дыша огнем и жаром, стекает в яму.

И вот наступил день отъезда. Первые ручьи пробивали себе дорогу в снегах. Солнце по-весеннему ласково светило с голубого неба. Возле дома Куипа собралось едва ли не все селение рода Орла. Призывно ржали оседланные кони, ревели, поднимая головы над толпой, верблюды.

У порога стояли в дорожной одежде Алакет и Мингюль.

— Алакет! — говорил старый Куип, в глазах его таилась грусть, но лицо было торжественно. — Ты стал моим сыном, а жена твоя — моей дочерью. Видят боги, мне тяжело расставаться с тобой, но не о горечи разлуки хочу я говорить сейчас. Ты будешь нашим первым вестником в безводных степях далекого юга, первым порывом ветра будущего урагана, который скоро обрушится на землю хуннов. Скоро наши воины двинутся горными тропами по твоим следам!

По толпе прокатился гул.

— Пусть счастлив будет твой путь, сын мой, — продолжал Куип, — и пусть твоим провожатым и помощником в пути будет брат твой Бандыр! Готов ли ты в дорогу, Бандыр?

— Готов, отец!

Старик положил мускулистые руки на плечи Алакету, затем Бандыру. Долго смотрел в лицо одному и другому. Внешне он был невозмутим, но глаза затянула непрощенная влага. Потом коснулся шершавой ладонью головы Мингюль и отвернулся. Жена Куипа, всхлипнув, закрыла лицо платком. Старик снова посмотрел на юношей. Глаза его были ясны, голос звучен и тверд.

— Ну, дети мои, благословляю вас на великое дело борьбы за землю Динлин!

Цепочка из трех всадников и двух верблюдов, нагруженных дорожными припасами, потянулась в горы...

Все дальше уходила она по тропе на юг. Брызги воды и талого снега летели в стороны из-под копыт. Вот маленький караван скрылся за поворотом. А люди рода Орла еще долго смотрели вслед, мысленно желая путникам счастливой дороги.

Глава XI

Алакет и Мингюль на земле кыргызов.

Испытание любви и мужества

Яркие звезды усыпали черное степное небо, словно бронзовые лепестки на праздничном женском платье. Ковыль тихо шептал что-то. Время близилось к полуночи. По степи еле заметными силуэтами двигались во тьме двое всадников.

— Поверь мне, — говорил один из них на языке ухуань, но с легким акцентом, — твой народ потерпел сильное поражение. Главный удар будет нанесен отсюда. Многие твои сородичи идут сейчас под боевые значки рода Алт-бега. Путь, который я тебе подсказываю, — верный путь.

— Тяжело это, — вздохнул его спутник. — Я столько лет не видел родной земли!

— А улуса все не видать, — переменял первый тему разговора. — Уж не сбились ли мы с пути?

— Как знать... — отозвался второй. — Звезды не должны обмануть степняка... Да вон, смотри.

Теперь и первый всадник заметил вдали огонек, который то бледнел, то вспыхивал снова. Всадники двинулись вперед. Вскоре они увидели костер и войлочную палатку, которая то выступала при вспышках огня из темноты, то куталась в темное покрывало ночи.

Навстречу всадникам от костра поднялся широкоплечий мужчина в кожаном халате и испытующим взглядом окинул их. Теперь при свете костра можно было видеть, что оба путника уже не молоды. Первый одет в серый халат с нашитыми на груди защитными железными пластинками. По тонким чертам лица в нем можно было узнать динлина. Второй — широкоскулый, с рябоватым лицом, как и человек у костра, одет в кожаный халат, под которым буграми вздувались могучие мускулы. Оба вооружены луками, стрелами и короткими мечами с крестообразными рукоятями. Кроме того, к седлу коня второго путника приторочена огромная булава, состоящая из деревянной рукояти и привязанного к ней камня.

— Мир тебе, — проговорил динлин. — Обычай велит людям, встретившимся у походного костра, быть друзьями до конца привала. Мы едем к кочевьям племени тюльбари и сбились с пути. Не знаешь ли ты, далеко ли они отсюда?

Но к удивлению динлина, на лице человека у костра отразилась внезапная радость:

— Алакет, брат мой! — воскликнул он, шагнув к палатке. — Взгляни, какого гостя прислала нам степь!

В ответ на его слова на пороге палатки выросла тень.

— Мир пришедшим! — вскрикнул Алакет и шагнул навстречу гостю. — Но вдвойне счастлив человек, увидевший при свете костра старого друга!

Алакет и степняк заключили в объятия друг друга.

— Благодарение владыке неба! — воскликнул второй путник. — Великое счастье видеть ухуаньца и динлинов, встречающихся в степи как родные братья! Хунну сеют рознь между нами: продают ухуаньцев в рабство в Динлин, динлинов — в Ухуань. Каждое из племен держит в цепях врагов своих врагов. Вот ухуанец Гюйлухой. Я знаю, ему пришлось бежать из рабства, чтобы выступить против тех, кто гнетет и нашу землю!

Разговор путников затянулся до рассвета. Когда над дальними холмами заалела узкая полоска зари, спутник Гюйлухой сказал, поднимаясь от костра:

— Только отказ от распри поможет нам одолеть врага. Но выслушайте еще один мой совет, братья динлины, — продолжал он, — ведь вы, наверное, хотели двинуться прямо в ставку правителя кыргызов — аж? ^[26] Поверьте, что вам там нечего делать. Отправляйтесь лучше в ставку Алт-бега, главы племени тюльбари. Во всей земле кыргызов сейчас не найти человека более прославленного. Имейте в виду, что Алт-бег жесток и коварен, что свою славу он ставит превыше всего, но он умен и отважен, не раз ходил в победоносные набеги на хуннов, и племя тюльбари обязано ему тем, что его имя внушает надежду другу и ужас врагу. Все храбрейшие и опытнейшие воины кыргызских племен стекаются сейчас под его боевые значки. Туда лежит и ваш путь.

У южного подножия горного хребта, на берегах озера Хиргис-нур, среди сочных трав и березовых перелесков раскинулись кочевья племени тюльбари. Вокруг стойбищ, состоявших из войлочных юрт на деревянной основе, паслись многочисленные стада двугорбых верблюдов, табуны лошадей и отары овец.

В этот день в стойбище главы племени оживленно. К высокой белой юрте в центре стана беспрестанно подъезжали вооруженные воины. Спрыгивая с коней, они входили внутрь. Другие, выйдя из юрты, садились на коней и во весь опор скакали в разные стороны. Человек, вошедший в

юрту, видел просторное помещение, устланное кошмами и коврами с разноцветными узорами. Недалеко от входа стояли два низеньких столика. Третий — находился в центре. За ним — устланный коврами дощатый помост, над которым висели лук, колчан со стрелами, плеть и меч в деревянных ножнах. Колчан и ножны украшены шелком, золотыми и медными бляшками. По обе стороны от помоста сидели на кошмах узкоглазые, безбородые, с висячими усами старейшины тюльбарийских родов в шерстяных и кожаных халатах. У стен юрты толпились воины, вооруженные луками, копьями и мечами. На помосте восседал худощавый, крепкого сложения человек лет сорока, в шелковой рубаше со стоячим воротником, с вышивкой. Черные штаны заправлены в мягкие сапоги без каблуков. На голове красная повязка. В левом ухе покачивалась золотая серьга. Вытянутое лицо и высокий лоб придавали голове форму огурца. Черные усы свисали по сторонам тонкого бледного рта. Раскосые зеленоватые глаза не мигая смотрели в одну точку. Мало кто выдерживал их холодный и жесткий взгляд. Это был Алт-бег, повелитель племени тюльбари, гроза и слава степей.

— Приведите динлинов, — отрывисто произнес Алт-бег.

Стоявший у входа воин бросился исполнять распоряжение. Вскоре появились Алакет, Бандыр и Гюйлухой.

— Подойдите ближе, — приказал глава тюльбарийцев, пристально осматривая вошедших. Но встретившийся с ним глазами Алакет спокойно выдержал взгляд грозного бега.

«Смел и тверд», — мысленно отметил Алт-бег.

— Значит, динлины, — начал он, испытующе глядя на Алакета и его спутников, — вы пришли, чтобы биться с хуннами в рядах моей славной дружины? Знаете ли вы, что не каждый достоин чести стоять под боевыми значками Алт-бега! Чем заслужил ее, скажем, ты, юноша?

Не говоря ни слова, Алакет распахнул халат и глазам тюльбарийских старейшин открылась татуировка, повествующая о его подвигах в хуннскую войну. Раздались одобрительные возгласы.

— Вижу, — кивнул Алт-бег, — но все же тебе не избежать испытания. Приведите женщину, которая прибыла с ним, — обратился бег к воинам.

Бандыр и Гюйлухой недоуменно переглянулись.

— Основатель могущества хуннов Модэ, сын Туманя, — ледяным голосом начал Алт-бег, когда Мингюль появилась на пороге, — испытал верность и твердость приближенных, приказав им пустить стрелы в сердце своей любимой жены. Тем, кто, ужаснувшись, не посмел пустить стрелу в сердце жены кагана, он отрубил голову. Докажи мне, юноша, что ты тверд,

и пусть не дрогнет твоя рука, когда ты пустишь стрелу в сердце женщины, которую любишь. Бей без промаха!

Лицо Алакета стало мертвенно бледным, но когда он заговорил, никто не уловил в его голосе дрожи:

— Так поступил варвар! Пристало ли мне, динлину, для доказательства моего мужества следовать обычаю врага? Но если бег племени тюльбари хочет знать, твердо ли мое сердце, пусть он держит обеими руками это копьё, что лежит у его ног.

И Алакет, подняв копьё, подал его недоумевающему бегу. В следующий момент молодой динлин отступил к выходу, вскинул лук, и стрела, свистнув, вонзилась в древко копья на уровне груди Алт-бега.

Смелость динлина перешла все границы. В глазах повелителя

тюльбарийцев вспыхнул гнев.

— Неслыханная дерзость! — загудели старейшины.

Алт-бег взглянул на приближенных. Многие из них были безумно смелы, но ни один из них не решился бы на такой шаг. «Пусть же его выходка послужит укреплению моей славы», — молнией мелькнуло в мозгу Алт-бега. И он спокойно обратился к Алакету:

— Динлин, я готов простить твою дерзость ради твоей смелости, но как подтвердишь ты мне свою верность, когда ты не исполнил первого моего приказания?

— Смелость динлина не нуждается в прощении кыргыза! — гордо ответил Алакет. — Залогом же моей верности бегу в бою пусть будет моя душа, которую я раскрою перед ним. Я верен племени тюльбари до той поры, пока оно не поднимет оружия против земли Динлин. После этого — я ваш враг!

— Хорошо, юноша! — отозвался бег. — Слава богам, мы в дружбе с динлинами. Но плачу тебе откровенностью за откровенность. Моли духов, чтобы дружба эта была вечной, ибо, если ты так смел, как я думаю, в день, когда мы поднимем оружие против земли Динлин, ты распрощаешься с жизнью.

Стоящая у входа Мингюль с замиранием сердца следила за Алакетом и Алт-бегом, и гордость за любимого, отражавшаяся на ее лице, смешивалась со жгучей тревогой за его судьбу.

Глава XII

Война с хуннами. Алакет становится военачальником

Сумерки сгущались в степи. Горные громады на западе превратились в темно-синюю волнистую стену. От их вершин, поднимаясь ввысь, перерезала фиолетовое небо гряда ярко-багровых облаков. И воинам, сидевшим у костров, казалось, что это кровавые духи войны, покинув поле недавней битвы, стремятся в свои жилища на утесах дальних скал.

А снизу от реки на смену им белой пеленой выползали таинственные духи вод. Когда они добры, они наполняют сети рыболова живой серебристой рыбой, а разгневавшись, поднимают бурю, увлекают лодку с пловцом на дно реки или посылают в селения болезни костей и мышц.

И воины с опаской косились на приближающуюся неслышной поступью к лагерю дымку тумана.

А конные караульные, стоявшие группами по два-три человека у границ лагеря, зорко вглядывались вдаль.

Там, на северо-востоке, мерцало и переливалось сплошное море огней.

Такие же огни протянулись цепочкой на гребне западных гор и на юге, за рекой. Там был враг.

В центре стана, на виду у своих воинов, сидел, поджав ноги, на куске войлока тюльбарийский военачальник Кюль-Сэнгир.

Пляшущее пламя костра освещало его широкое мужественное лицо с вспыхивающими из-под седых бровей угольками глаз. Четыре багровых шрама, пересекавшие лицо старого военачальника, напоминали окружающим о кровопролитных боях, в которых Кюль-Сэнгир сражался против врагов земли кыргызов. Голова его не была покрыта. Передняя часть ее ото лба до макушки была неровно выбрита железным ножом, а редкие седые волосы на затылке заплетены в тонкую косицу и заложены за ухо. Немного поодаль, поблескивая пластинами железной брони, важно восседал вислоусый старейшина Тудаменгу. Лицо его было невозмутимо, но подрагивавшее время от времени правое веко выдавало скрытую тревогу. А напротив, за дымом костра, смутно возвышалась могучая фигура ухуаньца Гюйлухоя.

У ближних к полководцам костров группами расположились начальники отдельных отрядов и вооруженные телохранители. А дальше

раскинулись походные шатры, вспыхивали огни костров разноязычного войска. Без малого шестьдесят дней прошло с той поры, как объединенное войско Эллей, Дугая и нескольких кыргызских племен выступили с берегов Хиргис-нура на восток к Орхонской ставке^[27] Ойхан-кагана. Отряды хуннов, пытавшихся оказать сопротивление на пути к ставке, смела многотысячная лавина союзников. Ойхан с ближними вельможами и телохранителями поспешно ушел на юго-запад, в бесплодные пустыни и дикие скалы.

Многочисленные стада, дорогие ковры, драгоценная утварь, оружие, пленники стали добычей победителей. И тогда начались раздоры.

— Надо преследовать Ойхана, пока он ошеломлен нашим ударом, — заявил Эллей на совете военачальников. — Иначе он оправится от неожиданности, соберет силы и...

— Ойхан бессилён, — прервал его бег кыргызского племени большар.^[28] — Держава его пала. Зачем я буду губить в безводных песках моих лучших воинов, если переметные сумы их готовы лопнуть от лежащего там хуннского добра?

При этих словах глава племени тюльбари Алт-бег схватился за рукоять кинжала.

— В землю втопчу тех, — гневно крикнул он в лицо главам племен, — кто осмелится покинуть войско до полной победы!

Хмурые разошлись вожди после совета, а в следующую же ночь по требованию старейшин бег племени большар повернул своих всадников обратно в землю кыргызов, уводя нагруженные хуннским золотом караваны верблюдов.

Алт-бег, желая сдержать слово, поднял было тюльбарийцев в погоню, но тут лазутчики принесли весть, что Ойхан собирается с силами, что гонцы его отправились и к далеким восточным рекам, и в пустыни запада, и на север, в Восточный Динлин. И главе тюльбарийцев пришлось ограничиться повелением шаманам призвать гнев потусторонних сил на головы изменников, а самому двинуть отряды на юго-запад следом за войском Эллей. А на третий день стряслась новая беда. Вожди отрядов кыргызского племени белиг тайно повернули коней на север к Хиргис-нуру, уводя домой своих метких лучников. Между тем хуннские вельможи из окружения Узун-Дугая ночами в шатре шептали князю:

— Не пора ли взять в свои руки судьбу войны и державы? Ойхан разбит, но и ты, солнцеподобный, стал игрушкой в руках иноплеменников, которые недостойны целовать следы копыт твоего коня!

И Узун-Дугай все чаще подумывал, как бы отделаться от своих союзников и уйти на Орхон, предоставив динлинам, кыргызам и Ойхану истощать свои силы в борьбе с нестерпимым зноем, сыпучими песками и друг с другом...

Однажды утром лагерь разбудили тревожные возгласы дозорных. На юге, в степи, показались длинные линии поблескивающих точек. Они быстро приближались, росли. Вскоре можно было различить шеренги несущихся во весь опор закованных в чешуйчатую броню всадников. Остроконечные шлемы низко надвинуты на лоб. За передовыми отрядами появились новые: вскоре вся степь, до самого горизонта, оказалась покрыта густой щетиной копий, бунчуков^[29] с лошадиными хвостами, боевых значков, шлемов и остроконечных шапок.

Неисчислимы орды хуннов, тюркютов,^[30] аваров,^[31] восточных динлинов и еще невесть каких подвластных хуннским каганам племен и народов, собранных Ойханом, обрушились на поредевшее войско Узун-Дугая, Элlea и Алт-бега.

Бой длился от восхода до заката солнца. Первыми дрогнули сражавшиеся в центре хунны Дугая. Их шаманы заматались по полю с дикими возгласами:

— Горе народу Хунну! Солнце и луна гневаются на тех, кто не признает законного повелителя!

И воины Дугая в суеверном ужасе обратились в бегство под натиском телохранителей Ойхана. Одетые в броню телохранители, следуя по пятам за беглецами, отсекали левое крыло войска под началом Элlea и Алт-бега от правого, которым командовал Кюль-Сэнгир. В рядах кыргызов слышались крики:

— Пир мун сиригни Ойхан тооза хыртыр! — (Ойхан истребил все тысячное войско!)

Мгновение — и поколеблются отважные тюльбарийцы.

— Братья! — вскричал Кюль-Сэнгир окружающим его воинам. — Погибших героями ждет на земле слава и благодарность сородичей, а спасшиеся трусы не добудут ничего, кроме презрения и насмешек! Не посрамим перед Ойханом грозного имени тюльбари!

Без шлема, с открытой грудью, чтобы показать презрение к опасности, старый полководец вырвался в передние ряды сражающихся. Сжимая в окровавленных руках длинное копьe, он ловко увертывался от стрел и мечей противников.

Выбрав удобный момент, Кюль-Сэнгир с размаху ударил копьем в глаз

закованного в броню телохранителя, и тот рухнул под копыта коню победителя.

Ободренные кыргызы с боевыми возгласами рванулись в битву следом за своим военачальником.

Быстро осмотревшись, Кюль-Сэнгир увидел, что главные силы хуннов навалились на его отряды впереди и слева, оттесняя все дальше и дальше от войск Алт-бега. Враги пытались окружить его и с севера, но здесь их было гораздо меньше. И Кюль-Сэнгир взмахом руки приказал своим воинам устремиться на север...

За нестройными растянутыми линиями хуннов, как раз напротив центра, на голом каменистом холме напряженно вглядывался вдаль невысокий сухощавый средних лет всадник, с пронизательным холодным взглядом и едва заметной складкой в правом углу рта. Он непринужденно сидел на высоком тонконогом коне с маленькой головой и плавно изогнутой шеей. Конь этот резко отличался от низкорослых косматых хуннских собратьев. Таких скакунов называли «небесными». Их покупали на вес золота или брали как дань в далекой Согдиане и кормили отборным зерном и особой, специально выращиваемой травой мусу.^[32]

Всадник одет в чешуйчатую броню и вооружен. На голове покачивался шлем, богато украшенный перьями.

Всадника окружали несколько воинов в богатых одеждах.

— Эй, слуга, — громко воскликнул всадник. — Зови сына нашего Чжулэй-Кюйтана^[33] и почтенного Хуань-князя!^[34]

— Внимаю и повинуюсь, о великий каган, — пробормотал человек в кожаном халате и попятился к стоявшим невдалеке под присмотром табунщика коням.

Вскочив на одного из коней, гонец скрылся в клубах пыли. Вскоре к кагану подскакали на взмыленных конях двое всадников в богатых одеждах. Одним из них был юноша, другой седой старик. Оба они, не останавливая скакунов, прямо с седел, повалились ниц к копытам коня кагана.

— Встаньте, — важно произнес Ойхан, ибо это был он, и тут же продолжал: — Взгляните на север. Правое крыло мятежников потеснило наших доблестных воинов и прорвало железную цепь, в которую мы его заковали. Возлюбленный наш сын Чжулэй-Кюитан, ты должен стать во главе войска нашей левой руки и преследовать эту часть непокорных злодеев, пока не уничтожишь их до последнего!

Ты, почтенный Хуань-князь, отпавишься вместе с сыном нашим и

будешь ему наставником и советником. Сын наш, будь внимателен к советам мудрого Хуаня!

Кивком головы каган отпустил обоих, и те с низкими поклонами попятились к своим коням...

Двадцать четыре дня отступала часть войска союзников под началом Кюль-Сэнгира, преследуемая по пятам наседавшими хуннами, почти в четыре раза превосходившими их численностью.

По пути к отступавшим присоединился сильно потрепанный отряд из рати Дугая, которым командовал старейшина Тудаменгу, отрезанный, как и Кюль-Сэнгир, от главных сил.

Наконец, орды Чжулэй-Кюйтана и Хуань-князя оттеснили воинов Кюль-Сэнгира и Тудаменгу на равнину, ограниченную на западе грядой высоких гор, а на юге — быстрой рекой. Одновременно с юга и запада подошли новые отряды хуннов, присланные Ойханом на помощь своему сыну и Хуань-князю. Это огни их костров мерцали во тьме за рекой и на гребнях гор.

Путь к отступлению был отрезан. С северо-запада нависла многотысячная орда.

Отойдя в горы, воины Кюль-Сэнгира были бы уничтожены хуннами, засевшими на вершинах. Достаточно спустить сверху лавину тяжелых камней, и она навеки похоронит под собою отважных кыргызов. Можно было попытаться переправиться через реку, но и здесь по крайней мере половина войска не достигла бы цели. В то время как воины будут бороться с быстрым течением, хунны безнаказанно перебьют их стрелами с высокого берега.

И мысль сидящего у костра Кюль-Сэнгира напряженно искала выхода. День назад лазутчики принесли полководцу весть, что Алт-бегу удалось вырваться из кольца войск кагана, что в племени тюльбари все мужчины, способные носить оружие, и даже часть женщин посажены на коней и идут с Алт-бегом на выручку сородичам.

Но ведь не один день пройдет, пока тюльбарийцы достигнут этих мест, а уже завтра на утомленных, израненных кыргызов навалятся несметные полчища Чжулэй-Кюйтана...

— Что думаете, братья? Что решили? — обратился Кюль-Сэнгир к сидящим рядом военачальникам.

Тудаменгу поднял глаза от костра:

— Враг силен, почтенный Кюль-Сэнгир. Намного сильнее нас. Разум подсказывает мне, что надлежит прибегнуть к хитрости. Пусть завтра на рассвете наши воины, укрывшись в тумане, неслышно перейдут реку

вброд. Первыми должны переправиться воины Эллея и Алт-бега. Во второй линии пойду я со своими хуннами. На берегу мы столкнемся с хуннами Чжулэй-Кюйтана, с которыми динлины и кыргызы вступят в бой. В разгаре схватки мои люди смешаются с врагами, и те не отличат их от своих, ибо и те и другие — хунну и схожи как две капли воды. Я зайду в спину Чжулэй-Кюитану, ошеломлю его рать внезапным ударом и таким образом помогу и вам вырваться на волю!

Кюль-Сэнгир в раздумье склонил голову: сомнения одолевали его. Он знал, что Тудаменгу — заклятый враг Ойхана и предан Узун-Дугаю. Но ведь и Тудаменгу, как всякий хунн, в душе презирает кыргызов и динлинов, не считая их за людей. И кто поручится, что, вырвавшись из окружения, он не покинет в беде своих недавних друзей? А ведь тогда гибель динлинов и кыргызов предрешена.

И Кюль-Сэнгир спросил:

— А что скажешь ты, боевая слава Ухуаня — почтенный Гюйлухой?

Но, видно, и ухуанец сомневался. Он долго молчал, а потом медленно заговорил:

— Почтенный Тудаменгу неправ... Духи тумана, сбив его с пути, подсказали неверный ответ... Воинам трудно бороться с быстрым течением реки, бродов мы не знаем, переправа затянется. Рассвет застанет большую часть войска на этом берегу. Мы лишь ослабим себя и будем разбиты по частям!

Я предлагаю иное! Пусть этой ночью самые смелые, ловкие и хладнокровные воины попытаются проникнуть в лагерь Кюйтана и поднять там панику... Одновременно мы ударим по врагу и, пользуясь замешательством, прорвемся в степь.

Гюйлухой взглянул на полководцев. Кюль-Сэнгир согласно склонил голову. Тудаменгу опустил морщинистые веки, скрывая вспыхнувший в глазах гнев: презренные данники оказались осторожнее, чем он думал. Теперь не удастся ему спасти дугаевых хуннов ценою кыргызской крови!

— Скажите же мне, полководцы, — снова заговорил Кюль-Сэнгир, — кто достоин встать во главе удальцов, которые пойдут в лагерь хуннов?

И Гюйлухой не задумываясь ответил:

— Алакет! Только динлин Алакет!

— Кто он? — силился припомнить Кюль-Сэнгир. — Имя его знакомо мне...

— Да, почтенный, — подсказал Гюйлухой, — вспомни схватку с хунном Кахайаром.

И тогда словно луч света, прорезавший тьму, озарил память старого

полководца: Алакет! Тот самый юноша, который так смело и необычно начал свою службу у повелителя тюльбарийцев.

В день встречи его с Алт-бегом Кюль-Сэнгира не было в ставке, но молва о юном динлине разнеслась по степи с ветром и пением птиц... А после Кюль-Сэнгир не раз встречал его вместе с прославленным Гюйлухоем, который настойчиво обучал юношу искусству пешего и конного боя, передавая ему свой многолетний опыт.

Алакет быстро усваивал военную науку. Занятия с Гюйлухоем были для него продолжением уроков старого Хориана, Гелона и Хангэя.

Часто оба друга надолго покидали стойбище и уезжали к дальним горам, где Гюйлухой объяснял Алакету, как один человек, засев на неприступной вершине, может уничтожить камнями двадцать идущих вниз неприятелей, как сотня воинов, заняв узкое ущелье, может остановить целую вражескую рать.

А вскоре начался поход против кагана.

Алт-бег в свое войско брал только людей племени тюльбари. Выходцев из прочих кыргызских племен, а также ухуаньцев и динлинов он выделил в особые отряды и включил их в союзное войско Узун-Дугая.

— Вы должны еще заслужить право сражаться рядом с Алт-бегом! — высокомерно заявил он воинам-иноплеменникам.

И те смолчали и подчинились, ибо слава Алт-бега гремела на севере и юге, на западе и востоке. Так Алакет с Гюйлухоем попали под начало к Тудаменгу...

Вспомнил Кюль-Сэнгир и первое в этой войне столкновение с хуннами. Врагов было немного. Казалось, они готовы отступить. Но вдруг от их рядов отделился высокий сутулый всадник с широкой грудью на могучем рыжем коне.

На голове его блестел остроконечный шлем, надвинутый на самые брови. Тело плотно облегла рубаха из железных колец. Таких доспехов не делали ни в земле кыргызов, ни в Динлине, ни в стране Хунну. Эти рубахи ковали в дальних землях на юго-западе от хуннских владений. Длинное, толщиной в руку древко копья закреплено железными цепочками у кожного конского нагрудника и у седла, к которому приторочены лук, колчан со стрелами, а впереди тяжелая булава с железным навершием.

На широком поясе покачивался массивный короткий меч.

Длинный железный шип прикреплен к конскому нагруднику. Ударив грудью коня противника, хуннский конь мог поломать ему этим шипом ребра и пронзить сердце. Такой же шип сверкал и на широком конском лбу.

Всадник этот — прославленный в земле Хунну воин и старейшина по

прозвищу Кахайар-баатур, или Кахайар-мэрген, что значило — богатырь, ревуший по-львиному.

— Эй, трусы! — вскричал хунн зычным голосом. — Вы кидаетесь сотней на одного. Но кто из вас, рыжие динлинские лисицы, осмелится в одиночку схватить беркута за крыло? Кто из вас, кыргызские зайцы, осмелится выйти против хуннского льва?

Право прославленного воина вызывать противника на единоборство священо. Более того, если бы баатур одолел противника, войско союзников по обычаю должно было беспрепятственно дать уйти малочисленному хуннскому отряду с поля битвы. Алт-бег медленно обвел взглядом ряды своих сподвижников-телохранителей. Он сам был безумно смелым и опытным воином и, если бы понадобилось, не колеблясь принял бы вызов.

Но повелитель тюльбарийцев знал, что многие из его старых бойцов готовы помериться силой с баатуром, и не хотел отнимать у них этого права. Зачем? Слава, завоеванная телохранителем, засверкает новым лучом в солнечном венце его славы.

А телохранители деловито с напускным спокойствием совещались между собой, кому на этот раз постоять за честь племени тюльбари.

Нетерпеливый Кахайар снова разразился градом насмешек над союзной ратью.

Вдруг из гущи воинов Тудаменгу выехал стройный высокий воин, молодой динлин на саврасом коне и, пересекая наискось поле, поскакал с боевым кличем навстречу хунну.

Телохранитель Алт-бега, выросший и возмужавший в сечах Олжай, хотел броситься наперерез, чтобы опередить дерзкого юношу, но Алт-бег движением руки остановил своего сподвижника:

— Оставь! Я узнал его. Тигренок оскалил зубы. Хочу видеть, стал ли он тигром. Если уцелеет в схватке с Кахайаром, возьму его к себе в телохранители.

Между тем и Кахайар, прищутив правый глаз, вглядывался в несущегося навстречу ему противника.

Когда юноша подъехал достаточно близко, баатур громко и раскатисто захохотал:

— Хо-хо-хо! Или варвары оскудели сильными воинами, что мне навстречу посылают щенка?

Не отвечая, Алакет на скаку вскинул лук, и стрела с пением понеслась в лицо Кахайару. Тот пригнул голову. Стрела, с визгом скользнув по шлему, полетела вбок, а баатур с копьём наперевес поскакал на юношу.

Когда между ними осталось не более трех шагов, Алакет, уклоняясь от копья, понесся справа от баатура. При этом он, ловко изогнувшись в седле, скользнул остро отточенным лезвием кинжала по древку Кахайарова копья, и отрубленный наконечник с частью древка упал на песок. На лице наблюдавшего за поединком Гюйлухоя отразилась гордость за своего ученика.

Алакет, видно, хорошо усвоил сложные приемы, показанные ему старшим другом. Но в глазах ухуаньца видна была тревога за воспитанника. Как-то завершит он бой с многоопытным противником?

Тем временем Алакет насмешливо кричал баатуру:

— Эй, хунн! Что за палка болтается у твоего седла? Иди в юрту к своим женам размешивать ею похлебку в горшке!

Разъяренный Кахайар, сорвав с седла булаву, снова понесся навстречу юноше. Тот ловко уклонялся от ударов, но сам не пытался пустить в ход оружие.

Приняв это за слабость противника, Кахайар воскликнул:

— Ну, динлин, сейчас я принесу тебя в жертву духам моей земли!

С этими словами он бросился на врага, занося булаву для последнего страшного удара. Но Алакет снова сумел уклониться и в тот момент, когда булава оказалась в горизонтальном положении, нанес меткий и сильный удар клевцом по тыльной стороне железного навершия.

Булава вырвалась из рук Кахайара и, промчавшись по воздуху, подобно метеору, упала на землю, подняв фонтан песка.

Хунн, перегнувшись с седла, попытался снова схватить ее на скаку, но холодный блеск клевца перед самыми глазами заставил его шарахнуться в сторону.

В тот же миг Алакет метнул следом за врагом петлю длинного ременного аркана. Кахайар, припав к шее коня, хотел уйти, но аркан неожиданно развернулся еще на одну петлю...

Это был очень сложный прием, которому Гюйлухой обучил Алакета. Конец аркана закручивался таким образом, что часть ремня, пропущенная в петлю, образовывала как бы второе ложное кольцо. Аркан, стремительно разворачиваясь в воздухе, в первое мгновение казался врагу короче, чем на

самом деле, а затем, когда противник, отпрянув в сторону, считал себя в безопасности, ремень раскручивался еще на один оборот, и петля настигала его.

Однако аркан захлестнул не шею, а голову Кахайара. Конь Алакета метнулся назад. Этого рывка было достаточно, чтобы выбросить из седла очень крепкого наездника. Но баатур отличался необыкновенной мощью. Собрав все силы, он крепко обхватил рукою шею коня. Лицо Кахайара побагровело, синие жилы вздулись на лбу, и скакун Алакета остановился. Остановился всего на одно мгновение, но этого мгновения оказалось достаточно, чтобы баатур судорожно рванул свободной рукой меч из ножен и перерезал аркан. Мертвая тишина, наступившая в отряде хуннов, когда их витязь был, казалось, в смертельной опасности, сменилась бешеными возгласами торжества. В этот миг кружившие один возле другого противники оказались каждый спиной к своему войску.

Кыргызы и динлины видели, как Алакет снова вскинул лук. Почти одновременно Кахайар рывком метнул меч. Тот со свистом пронесся по воздуху и с размаху вонзился в голову коня Алакета, который замертво рухнул на землю.

Войско союзников замерло.

— Мальчишка! — пробормотал телохранитель Олжай. — Если задумал сдохнуть, незачем было позорить войско!

Гюйлухой, готовый броситься на помощь, сжал поводья в руке. Но вдруг баатур, качнувшись в седле, припал грудью к шее коня, и тот понес его в сторону хуннских воинов. Вслед за тем оттуда послышались горестные возгласы.

Что же произошло? Когда нечеловеческим усилием Кахайар освободился от петли, кровь прилила ему в голову. На миг потемнело в глазах. И юный динлин, воспользовавшись этим, пустил стрелу в глаз врагу. С последней искрой гаснувшей жизни, уже не чувствуя окружающего, баатур отбросил в сторону меч, который случайно попал в голову скакуна динлина.

Сам баатур остался и мертвый на коне, так как имел обыкновение привязывать себя к седлу, чтобы не быть сбитым на землю ударом копья противника. Конь так и понес его, зарывшегося лицом в густой гриве, к своим.

Алакет, бледный, хромя, поднялся с земли. Несколько хуннов погнали коней на спешенного врага, надеясь отомстить за смерть вожака.

Но спешившие на помощь кыргызы и динлины и среди них приемный брат Алакета — Бандыр окружили юношу.

Вскочив на круп позади Бандыра, Алакет помчался к своим.

Навстречу ему неслись приветственные возгласы...

А позже, после боя с главными силами Ойхана, Алакет с несколькими другими телохранителями оказался отрезанным от войска Алт-бега и присоединился к Кюль-Сэнгиру...

Кюль-Сэнгир кивком головы подозвал одного из воинов к костру.

— Сын мой, пройди по стану. Скажи начальникам десяти отрядов, чтобы каждый прислал ко мне десять молодых воинов самых ловких, сильных и смелых. Да еще позови мне динлина Алакета. Знаешь его? Ну ступай!

Вскоре Алакет, почтительно опустив голову, стал перед Кюль-Сэнгиром.

— Сын мой, большая честь выпала тебе на долю. Почтенный Гюйлухой назвал твое имя, и племя тюльбари надеется на тебя! Во главе сотни лучших удалцов должен ты проникнуть в лагерь Кюйтана и, укрывшись под покрывалом духов ночи, внезапно посеять ужас в сердцах врагов. Это поможет нам вырваться из кольца. Понял?

Алакет кивнул.

— Ну иди! И да помогут тебе предки родов кыргызской земли.

Через некоторое время сотня всадников выехала из лагеря и исчезла во тьме.

Копыта коней и металлические части сбруи обмотаны кусками ткани или кожи. Отряд Алакета бесшумно, словно толпа призраков, двигался по степи при свете месяца, то скрывающегося за облаками, то снова появляющегося на иссиня-черном небе.

Ветер порывами налетал с реки. Глухо и таинственно шелестел сухой ковыль.

На полпути Алакет остановил отряд.

— Бандыр, брат мой! — позвал он негромко.

— Я здесь, Алакет.

— Постарайся незаметно подкрасться к войску хуннов и узнать, как можно проникнуть к ним в стан.

Бандыр спрыгнул с коня, бросил поводья одному из воинов и, пеший, скрылся в темноте.

Время шло. Воины, напрягая зрение, беспокойно вглядывались в ночной мрак. Казалось, вот-вот начнет светать...

Послышался легкий шелест травы, и на фоне неба вырос темный силуэт Бандыра.

— Ну что? — спросил Алакет.

— Был возле лагеря, — ответил Бандыр, — лежал чуть не у самых копыт коней дозорных. Видел трех гонцов, приехавших от хуннов, что стоят в горах к закату от нас. Они сказали: «Молния да будет мечом Ойхана!» И дозорные пропустили их.

— Хорошо, — решительно произнес Алакет, — воспользуемся этими словами и проникнем в лагерь, а там обрушимся на хуннов.

— Разреши сказать, брат мой, — возразил Бандыр. — Отряд наш слишком мал. Что пользы, что мы перебьем хотя бы полторы сотни хуннов? Нас истребят раньше, чем Кюль-Сэнгир достигнет этого места, а тогда войско погибло...

— Ты прав, — нахмурил брови Алакет.

Но вот он тронул рукой плечо Бандыра и что-то быстро зашептал на ухо.

Тот сразу оживился.

Трое караульных хуннов разъезжали по степи. Двое из них в простых халатах и остроконечных шапках. На голове третьего, начальника дозора, — шлем, а на груди тускло поблескивали железные пластины брони.

Окрестности хуннского стана заволакивал предрассветный туман. Вдруг один из всадников насторожился. Где-то совсем близко ему почудилось движение, ноздри почуяли прилетевший с ветерком запах чужого коня.

— Стой! Кто здесь? — крикнул караульный.

Второй воин схватился за лук. Всадник в шлеме быстро поднес к губам рог, готовясь подать сигнал тревоги. Из тумана вынырнул молодой вооруженный всадник. Следом за ним показались еще несколько конных.

— Мир друзьям! — звонко крикнул юноша на языке хуннов. — Я из Восточного Динлина, сын старейшины... каган прислал воинов моего отца на помощь к вам.

— Как приветствуешь ты нас? — спросил, недоверчиво глядя на юношу, воин в шлеме.

И тот ответил спокойно:

— Молния да будет мечом Ойхана!

— А много ли с тобой людей? — хунн взглянул более дружелюбно.

— Со мной сотня воинов — динлины и хунны с Меч-моря. Да еще тысячу ведет следом мой отец.

— Не слышал ли ты в степи чего-нибудь о рати Алт-бега?

— Слышал, брат. Он идет на нас. Но не меньше, чем восемь раз восход солнца сменится закатом, пока он достигнет этих мест.

— Пусть идет, — криво усмехнулся хунн. — Кыргызский шакал не найдет здесь ничего, кроме костей своих прислужников да петли на свою шею... Хорошо! — оборвал он себя. — Ты, динлин, становись со своими воинами на западный край лагеря и жди, пока мы сообщим о тебе светлосолнечному сыну повелителя и почтенному Хуань-князю.

Сотня воинов двинулась на край стана, а один из дозорных помчался к затканному золотом шатру Чжулэй-Кюйтана, украшенному бунчуком с девятью конскими хвостами. Но не успел отряд восточных динлинов скрыться из глаз, как со стороны степи снова послышался топот приближающихся коней. Дозорные насторожились. Из мглы, словно на крыльях, вылетели трое всадников. Вид их был ужасен: лица в крови, одежда изорвана и покрыта пылью.

— Молния да будет мечом Ойхана! — задыхаясь проговорил один из них.

— Благословение предков с вами! Что случилось? — вскричал дозорный в шлеме.

— Я из войска восточно-динлинского старейшины! — ответил всадник. — Только что в степи на нас налетела рать Алт-бега... Тысяча воинов моего повелителя изрублена на куски.

— Будь проклят, вестник горя! — побледнел караульный. — Что говоришь ты? Следуй за мной к шатру полководцев!

И не оглядываясь, оба караульных понеслись к палатке Кюйтана и Хуань-князя.

Через минуту в лагере хуннов начался переполох. Появления Алт-бега ждали не ранее чем через десять-двенадцать дней. А, оказывается, он совсем близко. Воины, наспех вооружившись, мчались иные на край лагеря, иные к реке, а кто — к шатру Кюйтана. Никто не знал, откуда появятся тьюлбарийцы. Военачальники тщетно пытались водворить порядок в отрядах. Сын восточно-динлинского старейшины с воплями рвал волосы на голове.

В шатре полководцев разъяренный Чжулэй-Кюитан перед толпой приближенных, брызгая слюной, кричал на бледного, но невозмутимого Хуань-князя:

— Старая сова! Слепой осел! Кто уверял меня, что мы раздавим Кюль-Сэнгира, когда Алт-бег еще будет в девяти переходах от нас?!

Когда смятение охватило всех, на западе раздался многоголосый боевой клич тьюлбарийцев и динлинов. Это ударил на врага Кюль-Сэнгир. Всадник из разбитого войска восточных динлинов улыбаясь взглянул в лицо сыну своего старейшины и сказал:

— Ну, Алакет, наш замысел удался! Пора!

— Пора, Бандыр! — отозвался тот.

...Наступил рассвет, и глазам хуннов предстало ужасное зрелище. Среди поваленных шатров валялись разбитые повозки. Обезумевшие кони без всадников с бешеным ржанием носились по лагерю, сбивая людей. На западе разрозненные отряды с трудом отбивались от наседавших воинов Кюль-Сэнгира. Вокруг шатра полководцев столпились, подобно стаду баранов, несколько десятков телохранителей Чжулэй-Кюйтана.

И тогда лагерь снова потрясли возгласы:

— Алт-бег! Алт-бег!.. Идет!

По направлению к шатру сына кагана неслась сотня всадников.

Над головами телохранителей со свистом промчалась зажженная стрела, и шатер Кюйтана вспыхнул подобно огромному костру... Хуань-князя не было в шатре. Он метался между отрядами, стараясь вдохновить их на бой.

Когда едкий дым с языками пламени пополз через все щели и вход в шатер, Чжулэй-Кюйтан вскочил с белого войлока, на котором сидел, и, не стыдясь более приближенных, полез на четвереньках вон из своего покоя. Выбравшись, он вскочил на первого попавшегося коня и понесся в степь.

Несколько телохранителей, заметивших его бегство, помчались следом.

Бой стихал... Большинство хуннов, сбитых с толку ложными слухами об Алт-беге, не зная, откуда ждать нападения, разбежались по степи. Кое-где воины Кюль-Сэнгира еще сражались с наиболее упорными врагами из отряда телохранителей. В центре разгромленного лагеря хуннов съехались старый Кюль-Сэнгир и юноша Алакет.

— Сын мой! — сказал Кюль-Сэнгир. — Ты проявил ум и находчивость. Говорю тебе, ты станешь большим военачальником. Когда вернемся в кыргызскую землю, я возьму тебя в свое войско и стану учить искусству полководца...

Вдруг зоркие глаза Кюль-Сэнгира заметили, как из-за ближнего шатра появился хуннский лучник на коне. Он целился в голову Алакета.

Кюль-Сэнгир быстро взмахнул мечом, отбивая стрелу, но... промахнулся.

Железное острие вонзилось между виском и глазом старого полководца, и он, теряя сознание, рухнул на руки Алакета, едва успевшего подхватить его.

Двое кыргызов бросились в погоню за хуннским всадником.

...К вечеру разбитое войско Чжулэй-Кюйтана решилось наконец

сделать привал. У входа в простую юрту, заменившую сыну кагана роскошный шатер, толпились, не решаясь войти, приближенные. Начальники непрерывно прибывающих отрядов вообще избегали приближаться к кюйтановой резиденции, ибо человеку, являющемуся с плохой вестью, грозила скорая смерть.

А покинувший войско Хуань-князь в сопровождении двух десятков телохранителей мчался на восток в ставку кагана, чтобы остудить его гнев раньше, чем Чжулэй-Кюйтан с войском достигнет Орхона.

Слов нет, Ойхан мудр и рассудителен, но как-то поведет он себя, когда ему станет известно о разгроме отборного войска?

Глава XIII

Укрощение скакунов. Опасное сватовство Бандыра

Цветастый шерстяной ковер над входом откинулся в сторону. Свет выхватил из полумрака юрты глинобитный очаг, кошмы на полу, лук и стрелы на войлочной стене слева от входа, а справа — сосуды из кожи с узкими горлышками. Мингюль, сощутив глаза, прикрыла лицо красным платком, поднялась от очага и приветствовала гостя низким поклоном:

— Мир тебе, почтенный отец наш.

— Пусть множатся стада сыновей моих! — улыбнулся в ответ Гюйлухой.

Согнувшись, он с трудом протиснулся в низкую дверь и опустился на кошму.

— А где же Алакет и Бандыр?

— С первой зарей уехали в табун приучать необъезженных коней к узде и седлу, отец.

— Занятие, достойное добрых хозяев. — Гюйлухой встал. — Я поеду к ним. Прощай, Мингюль!

— Прости за смелость, отец! — Мингюль взглянула на Гюйлухоя.

— Говори, дочь моя!

— Уйдешь ли ты из нашей юрты, не отведав мяса молодого барашка, не выпив молока наших кобылиц? Как могу сказать я хозяину, что гость пренебрег пищей нашего очага?

— Ой, Мингюль, знала бы ты, как недосуг мне... — тяжело вздохнул ухуанец, однако в глазах его мелькнули веселые искорки. — Но пусть отвернется от меня властелин кыргызских небес Ульген-хан, если я обижу гостеприимных хозяев юрты!

Он взял из рук Мингюль большую бутылку из коричневой кожи и начал пить.

— О-о, Мингюль, дочка! Да это чегень! Такое вино из молока делают только кыргызы! Как быстро ты научилась его готовить!

— Но ведь они мои сородичи! — лукаво улыбнулась Мингюль. — Разве трудно научиться тому, что умеют все люди твоего племени?

— Ой, хитрая! — рассмеялся Гюйлухой. — Не скромничай! Если бы мои весны и зимы не заставили меня быть вашим отцом, лишь духи знают,

уступил ли бы я тебя Алакету!

Мингюль, вспыхнув, как степная гвоздика, совсем спрятала лицо в платок, а улыбающийся Гюйлухой, низко согнувшись у входа, вышел из юрты, вскочил на вороного коня и помчался в степь. Конь, словно молния, рассекающая облака, отбрасывал могучей грудью на две стороны высокие травы.

Вскоре издали со степным ветром донесся нестройный гул. Различались разноголосые крики, хлопанье в ладоши, звон железа, яростное ржание лошадей.

Ухуанец увидел множество составленных четырехугольником повозок на высоких колесах.

На огороженном ими пространстве ржали, брыкались, хватали друг друга зубами за гривы и спины разномастные кони. Все это были молодые красавцы, еще не знавшие поводьев.

Кругом стояли кыргызы, динлины, ухуаньцы, живущие в кочевье прославленного Алт-бега. Некоторые одеты в халаты из синих, красных, зеленых тканей и желтой кожи, полы которых трепал и подбрасывал свежий степной ветер. Но большинство было обнажено по пояс, и на грудях и спинах многих неслись в стремительном беге красные и черные изображения баранов, козлов, оленей, барсов, парили, раскинув могучие крылья, орлы и драконы.

Люди били в ладоши, кричали, свистели, завывали по-волчьи. Некоторые, держа в руках по два кинжала, звенели одним лезвием о другое. Иные изо всех сил колотили кулаками по кожаным щитам, и те глухо гудели.

Испуганные лошади неистовствовали. Но наездники именно этого и добивались. Ведь если наездник усидит на взбешенном коне, конь этот всегда будет покорен руке человека!

Гюйлухой, не сходя с седла, смотрел на наездников.

Он увидел, как из толпы воинов вышел Алакет и стал приближаться к повозкам. Скрученный аркан из прочной кожи висел у него на сгибе руки.

Вскочив на повозку, Алакет метнул аркан в середину табуна и захлестнул шею буланого коня с черной гривой, небольшой красивой головой и сильными тонкими ногами.

Упираясь коленом в дощатый край повозки, Алакет заставил коня приблизиться к краю загородки. Двое молодых кыргызов быстро, схватившись за дышло повозки, сдвинули ее ровно настолько, что в образовавшийся проход протиснулся один конь. Алакет спрыгнул на землю и, натянув аркан, вывел упиравшегося буланого в степь, а юноши быстро

задвинули назад повозку, преградив остальным коням путь на волю.

Пожилой горбоносый воин с висячими черными усами, чуть тронутыми сединой, бросил Алакету уздечку. Динлин, держа одной рукой аркан, поймал другой рукой уздечку на лету и быстро взнуздal коня. Через минуту он уже сидел верхом.

— Смотри, Яглакар, — телохранитель Олжай положил руку на плечо горбоносому, — победитель Кахайара, пожалуй, победит и здесь. Я трижды на поле брани встречал воинов, подобных баатуру хуннов, трижды моя нога наступала на горло прославленных вражеских воинов, но этот дракон в образе коня в прошлый раз так сбросил меня, что я опомнился лишь на пятнадцать луков от него! Но смотри, смотри!

Буланый конь поднялся на дыбы и прошел несколько шагов по полю на задних ногах. Алакет припал к шее буланого, и волны гривы, перехлестнув через плечо динлина, взвились у него за спиной, подобно черным крыльям. Но вдруг задние ноги коня взметнулись кверху, и с минуту он стоял только на передних копытах. Но Алакет крепко сжал коленями бока коня и сам резко откинулся назад, почти касаясь спиной крупа буланого.

Гюйлухой, глядя на своего воспитанника, удовлетворенно улыбался. Олжай пытался сохранить спокойствие, но правая его щека подергивалась. Впервые за много лет змея зависти сдавила черными кольцами сердце старого сподвижника бега тюльбарийцев. Горбоносый Яглакар выщипывал волосок за волоском из левого уха... А Алакет словно слился с буланным конем. «Сейчас кинется в степь...» — мелькнуло в уме динлина.

Но буланый внезапно сделал невероятный прыжок в сторону. Алакет не успел ничего сообразить. Он только почувствовал, что бока коня ушли из-под его колен. В следующий момент он ударился о землю и, перевернувшись через голову, оказался возле колеса телеги. Еще не совсем придя в себя, Алакет инстинктивно вскочил на ноги. Все тело ныло. Он увидел торжествующе-насмешливую ухмылку Олжая, огорченное лицо Гюйлухой, сочувствие во взгляде усатого Яглакара. Низко опустив голову, Алакет шагнул в толпу. Но в следующий же момент к повозкам протиснулся коренастый Бандыр.

— Братъя, дозвольте мне постоять за честь народа Динлин!

— Дозволить! Дозволить! — раздалось несколько голосов.

— Пускай! — нарочито громко произнес Олжай. — Посмотрю, как кузнец из рода Орла будет ковать травы на камне собственной головой!

Несколько всадников понеслось в степь за ускакавшим буланным. Гюйлухой разыскал в толпе Алакета и крепко сжал могучими руками руки

динлина:

— Подними голову, сын мой. Хоть и возвысил тебя почтенный Кюль-Сэнгир, ты должен помнить, что не стал баатуром, поймавшим молнию. Дважды заставил ты коня покориться и решил, что сломил его буйный нрав. Вот владыка скота и наказал тебя за презрение к принадлежащему ему. В другой раз не будь так беспечен... Но посмотри!

Бандыр уже сидел на буланом. Тот, низко опустив шею, сделал прыжок назад, пытаясь сбросить наездника через голову. Но плотный кузнец сидел точно припаянный к спине коня.

Движения буланого сделались вялыми.

Наконец он стал, тяжело вздымая посеревшие от пота бока...

— Все-таки одолели динлины упряма! — с восторгом вскричал Яглакар.

— Еще бы! — проворчал Олжай. — Конь достаточно устал от первого наездника, вот второй легко его и усмирил.

— Не забудь, почтенный, — лукаво прищурился Яглакар, — что солнце не сдвинулось и на один медвежий хвост после того, как этот конь сбросил меня, а ты уже летел с него на свои пятнадцать луков.

— Молчи, кермес! — огрызнулся Олжай.

— Я не злой дух! — нахмурился Яглакар. — Но после того, как ты назвал меня его именем, могу сделаться им для тебя!

Ничего не ответив, Олжай отошел в сторону.

Между тем Гюйлухой оживленно разговаривал с Алакетом и Бандыром.

— Родственник нашего бега — брат главы превосходного народа большар приглашает достославного Кенгира на празднество посвящения коня владыке стад. Кенгир-бег желает, чтобы мы трое были среди дружинников, которые будут сопровождать его на торжество...

Шумели высокие травы. Березовые рощицы на холмах шелестели зелеными покрывалами, а вдаль, на севере, голубели горы. И когда глаза Алакета скользили по вершинам хребта, сердце его сжималось. Там, за горами, лежала земля Динлин.

А рядом слева и справа горячили коней воины Кенгира — брата Алт-бега, едущего в гости к знаменитому родственнику. Сам Алт-бег не поехал к большарцам. Он все еще был гневен на большарского бега, оставившего войско кыргызов во время войны с Ойхан-каганом.

Но родство надо уважать и крепить, и глава тюльбарийцев послал вместо себя Кенгира, прозванного за изворотливость и ум степной лисой — Корсаком.

Дорога, протоптанная в степи в незапамятные времена конями многих путников, взбежала на высокий холм. На нем возвышалось несколько курганов, сложенных из бесформенных глыб серого камня. Поднявшись на холм, всадники увидели вдали на равнине множество юрт, казавшихся отсюда игрушечными.

— Первое кочевье большарцев, — сказал Кенгир.

— Половина пути до ставки осталась за хвостами наших коней, почтенный, — отозвался телохранитель Олжай.

— А ну, воины. А ну, алыпы! — воскликнул Кенгир-Корсак, и жгучие черные глаза его озорно заблестели. — Кто обгонит моего коня на спуске к кочевью, тому отдам лучшего моего охотничьего беркута!

И, засвистав на всю степь, он отпустил поводья.

С гиком и посвистом телохранители понеслись с холма. Встречный ветер заполоскал по воздуху густые волосы динлинов, черные косицы кыргызов и ухуаньцев.

Скакун Алакета оставил далеко позади бурого иноходца, на котором мчался усатый Яглакар. Некоторое время держался рядом с динлином суровый Олжай, но вот морда коня его оказалась возле плеча Алакета.

Впереди был Гюйлухой. Ухуанец мчался одним из первых. Его обогнали лишь два всадника, кони которых упорно шли рядом. Это были Кенгир-бег и Бандыр. Названный брат Алакета сидел на том самом буланом коне, которого укротил накануне отъезда...

А в большарском стойбище никто не ждет гостей. Люди заняты обычными дневными заботами.

В центре кочевья на широкой площадке, образованной поставленными по кругу юртами, сидят несколько женщин. Их желтые и коричневые халаты с широкими рукавами и большими отложными воротниками красного и синего цвета и завязанные сзади разноцветные платки играют и переливаются, словно цветы на зелени примятых степных трав. Видимо, большарцы прикочевали сюда недавно; люди и скот еще не вытоптали траву возле жилищ.

Женщины держат в руках длинные палки, выструганные на концах наподобие узких лопаток.

Перед ними, словно хлопья пены на горном речном пороге, лежит вымоченная шерсть.

Смуглолицый старик с длинной и узкой бородой в черном халате из толстой ткани поет, покачиваясь в такт пению:

Шерсть черного барана черная, как

шкурка соболя, легкого на бегу.
Пусть юрта из нашей кошмы будет
легкой!
Шерсть серого барана прочная, как
шкура серого волка.
Пусть юрта из нашей кошмы будет
прочной!
Шерсть белого барана нежная и
красивая, как зимний мех горностая!
Пусть юрта из нашей кошмы
будет красивой и уютной!

Женщины в такт пению, повинаясь жестам старика, поднимают палки и враз бьют ими шерсть, которая оседает ниже и ниже, ложась ровным слоем.

Невдалеке двое черномазых ребятишек, взобравшись на спину высокой серой лошади, едут на ней по кругу. От седла тянутся два ремня, держащие ось, на которой катится следом за лошадьёю просверленный круглый обрубок дерева. Сверху обрубок укутан влажной взбитой шерстью, из которой валяют кошмы.

Внезапно одна из взбивающих шерсть — тоненькая девушка с карими глазами, маленьким острым носиком и едва заметными веснушками на переносице — вскочила на ноги, отчего заиграли и зазвенели медные подвески в каштановых косичках.

— Дедушка! Чужие всадники на горе!

Разбрасывая в сторону траву, выбитую из земли копытами, неслись прямо на селение в облаке пыли неизвестные воины. Женщины заговорили все разом. Из нескольких юрт выскочили мужчины с копьями и луками в руках.

Старик в черном халате, прикрыв от солнца ладонью глаза, вглядывался в приближающийся отряд. Ветер поднимал длинную бороду, кончик которой попадал деду то в один, то в другой глаз, и тот фыркал как рассерженный кот. Но вот он с достоинством выпрямился, пригладил бороду рукой и, обернувшись к женщинам, произнес с видом превосходства:

— О, неразумные! О, глупые, как овцы, и пугливые, как антилопы, женщины! Неужели не видите вы по узорам на халатах, что это братья наши — люди племени тюльбари, которые...

— Это кто же здесь хвастается? Кто женщин поносит? — словно из-под земли перед дедом выросла сгорбленная косматая старушка в красной длиннополой безрукавке поверх халата. — Уж не почтенный ли и отважный и многими подвигами украшенный муженек мой?

Держа в одной руке глиняный горшок, подбоченясь, старушка начала наступать на деда, и тот с опаской попятился.

— Кыш-кыш, старая! — забормотал он и вдруг поспешно исчез в юрте.

Мужчины, опустив оружие, тоже направились к своим шатрам...

Кенгир-Корсак, Бандыр, Гюйлухой и Алакет одновременно влетели в селение.

— Ну, еще... чуть-чуть... — судорожно шептали губы Бандыра на ухо буланому, но вдруг... Бандыр невольно сдержал коня.

Два карих глаза смотрели на него из-за ковра над входом в ближнюю юрту, тоненький носик с веснушками чем-то напоминал любопытного мышонка, выглядывающего из норки.

— Кто ты, девушка?

Румянец смущения залил лицо девушки, и веснушки словно утонули в нем. Но ответ не заставил себя ждать.

— Кто я? Дочь моего отца и моей матери, дочь превосходного народа большар!

И она весело рассмеялась.

— Но как зовут тебя? — продолжал допытываться Бандыр.

— Об этом узнает тот, в чью юрту я войду хозяйкой. — Лукавая улыбка пробежала по губам девушки, а карие глаза исчезли под опущенными ресницами.

— Адах! — раздался голос из юрты. — Иди сюда, Адах.

— Вот я и узнал твое имя! — Теперь смеялся Бандыр. — Видно, судил тебе солнечный Ульгень кыргызов войти хозяйкой в мой шатер!

Но ковер над входом уже опустился. Когда Бандыр выехал на противоположный край селения, весь отряд Кенгира уже собрался. Большарцы стеной окружили тюльбарийских всадников, наперебой приглашая их в свои юрты. «Гость — счастье для дома!» — гласит вековой степной закон.

...— А хорошо, что Гюйлухой обогнал нас хоть на конскую голову! — хохотал Кенгир-бег. — Ведь мы с тобой, Алакет, прискакали сюда в одно время, а ни тебе, ни мне не нужны полберкута! Теперь он будет принадлежать славному сыну народа Ухуань... А вот и Бандыр! Куда же ты девался, Бандыр? Ты так упорно шел рядом со мной, что я думал: беркут

достанется тебе!

— Он получит взамен беркута кое-что другое, — усмехнулся Яглакар.

Солнечным днем к холму, усыпанному красными цветами, возвышающемуся на берегу небольшой степной речки, направлялись многочисленные группы всадников в праздничных одеждах из шелка и пестрых тканей. Лица их выражали торжественность и спокойствие; ни одной женщины не было видно среди них.

На холме стояло несколько воинов с копьями и рабы. На этот раз невольники были в чистых кожаных куртках и сапогах.

На торжестве ничто не должно было оскорбить взор небесного повелителя стад — всемогущего Изых-хана.

Рабы держали под уздцы великолепного, серого с голубоватым оттенком коня, еще не ходившего под седлом. От расположенных вдали полукругом белых юрт к холму приближался отряд воинов, впереди которых бок о бок ехали Кенгир-бег и невысокого роста, широкоплечий и тонкий в поясе брат повелителя большарцев. Шелковые кафтаны их и остроконечные шапки оторочены лисьим и собольим мехом. Время от времени они негромко перебрасывались словами.

Когда поднялись на холм, от белых юрт отделилась еще одна группа всадников, несущихся во весь опор. На них были причудливые одежды, увешанные цветными лентами, ремешками, перьями и подвесками, которые, словно многочисленные диковинные хвосты, полоскались и плясали за спинами всадников.

Впереди несся старик с исступленно выпученными глазами. Верх его зеленой шапки украшен головой и крыльями сокола, который, казалось, парил над ним. И плащ, сплошь обшитый перьями, подобен был огромным крыльям за плечами старика, знаменитого большарского шамана — кама, которому предстояло совершить обряд.

Обогнув подножие, кам со своей свитой взлетел на холм и поднял на дыбы коня прямо перед лицами бегов, лошади которых, храпя, попятились назад.

— Что медлите, нерадивые сыны земли?! — грозно взревел шаман, и беловатая пена выступила в углах его губ. — Владыка стад — великий и светлый Изых-хан — ждет!

Большарский бег спешился и подошел к коню, предназначенному для свершения обряда.

Раб с низким поклоном подал бегу большой деревянный сосуд с молоком, покрытый снаружи пластинками чистого золота.

Бег принял сосуд и начал тщательно омывать гриву коня молоком.
В это время спешился и шаман, стал перед бегом и, воздев руки к небу,
хрипло запел:

Ульген-хан звездоносный, солнечноликий, лук-радугу,
стрелы-молнии в руках имеющий!
Помоги девяти душам моим ввысь подняться!
Темир-хан огненноглазый, железнобокий,
каменные горы потрясающий!
Помоги ногам моим твердо на земле стоять!
Ветры степные! Предки племен кыргызских!
Хиргис-нура воды священные!
Песнь мою от четырех земли концов
до верхнего неба донесите!

Горящие глаза всадников, окруживших холм, впились в голубую высь,
словно ожидая, что и впрямь перед ними появится лик кыргызского
владыки неба — Ульгена. А кам, окончив обращение к многочисленным
большим и малым богам и духам, уже взывал к самому повелителю стад:

О, великий Изых-хан!
Прекрасна голова твоя, полумесяцем бычьих рогов
украшенная!
Прекрасны глаза твои, глазам барана
подобные!
Прекрасны стройные ноги твои, ногам небесного коня
подобные!
Голубого скакуна в дар прими, о Изых-хан!
Стада того, кто дар тебе приносит, на этом
коне объезжай!
Чтоб скот его здоров был и
хорошо множился!
Чтоб духи болезней семью и род его стороной
обходили!

Между тем бег омыл гриву и хвост коня, вплел в гриву две красные,
синюю и зеленую ленты и снял узду.

Всадники у подножия холма расступились, и конь, почувствовавший свободу, устремился в проход.

— Вижу! Вижу! — дико вращая зрачками, выкрикивал шаман. — Мчится! Мчится на голубом коне владыка стад! Дорогу всемогущему Изых-хану!

Рабы и стражники на холме повалились ниц. Всадники низко склонились в седлах, чествуя Изых-хана, который, верили они, несется в этот миг на посвященном ему коне, видимый лишь зоркими глазами старого кама.

А час спустя перед белыми юртами на зеленой траве начался пир. Мучная похлебка в огромных глиняных сосудах, подвешенных на перекладинах над кострами, бурлила и с шипением выплескивалась в огонь. Туши жирных баранов и нежное мясо телят жарилось прямо на углях. Воины зачерпывали деревянными ковшми на длинных ручках хмельной ячменный напиток и бьющий в голову чегень из пузатых бочонков.

У костра, где жарилось ароматное мясо степной антилопы, расположились Гюйлухой, Бандыр, Алакет, Яглакар и молодой тюльбариец Энень-Кюль.

— Отец! — Бандыр просяще взглянул в глаза Гюйлухой. — Прости меня за дерзость, но не откажись быть старшим среди тех, кто поставит сосуд сватовства у юрты отца прекраснейшей из большарских девушек!

— Хо-хо-хо! — весело отозвался Яглакар. — Давно вижу, что юный сокол устремился по следу красной лисицы с золотым хвостом. Но чтобы поймать ее, надо знать степные тропы, по которым входит и выходит она из норы!.. Ведь у нас берут жен не по обычаю динлинов.

С этими словами Яглакар поднес к усам ковш с чегенем и, запрокинув голову, начал медленно пить.

— Истинно, — сказал, опустив жгучие глаза, Энень-Кюль. — В наших племенах не ставят даров у юрты отца любимой. Юноша тайно встречается ее в степи или у ручья и говорит о знойном ветре пустыни, опалившем его душу. И если девушка согласна стать для его души прохладным и свежим источником и согласен отец ее и братья, она дарит юноше подвеску из своей косы, а он, оседлав резвого скакуна, тайно увозит ее из селения.

И когда девушка увезена в степь, сородичи бегут к юрте отца ее. Если возле юрты видят они копье, воткнутое в землю острием вверх, значит, девушку увезли не добром, и худо тогда придется обидчику. А если наконечник боевого копья смотрит в землю, погоня все равно скачет в степь, но воины будут сражаться с друзьями юноши тупыми концами копий

и пускать стрелы без наконечников. Если юноша довезет девушку до своей юрты, она будет его женой, а если погоня отобьет ее, тогда позор юноше и вряд ли другая захочет войти в его юрту...

— Ну что ж, — сказал Гюйлухой, — когда мы будем держать путь назад в тюльбарийские земли, попытайся добыть свою... Туркан или Мингюль...

— Адах... — едва слышно вымолвил Бандыр.

— Я буду с тобой, брат, — сказал Алакет.

— И я... — откликнулся Энень-Кюль.

— И старый коршун полетит, чтобы прикрыть крыльями своих птенцов! — вскричал Яглакар. — Да и почтенный Гюйлухой...

И Гюйлухой, положив могучую руку на плечо Яглакара, кивнул.

За юртами большарского селения женщины стригли овец. Перед Адах, жалобно посматривая большим влажным глазом, лежала овца. Ноги ее связаны сыромятными ремешками, а бок вздрагивал каждый раз, когда железные ножницы из двух клинков, соединенных сверху кривой гибкой планкой, касались кожи.

Сидящая напротив Адах подруга придерживала одной рукой шею животного, а другой, успокаивая, гладила голову овцы.

Песня женщин звенела, поднимаясь к чистому степному небу:

Мягка шерсть овец из
большарских кочевий,
легка шерсть овец
наших бескрайних степей,
и бела она, как распустившийся
цветок ромашки.

Быстрой рысью к девушкам со стороны степи подъехали двое всадников. Судя по белокурым волосам, это были динлины. Узнав одного из них, Адах покраснела и опустила голову, подруга же с интересом поглядывала на обоих.

— Алакет! — взглянул на своего спутника первый динлин, и тот, вынув из кожаной сумы у седла флейту, поднес ее к губам.

Мелодия песни, которую только что пела Адах, наполнила степной простор.

Первый динлин спешил и, подойдя к девушке, запел негромким немного хриловатым голосом:

в настоящем бою,
если стану я твоей!

Бандыр побледнел. Вскочив на коня, с места поднял его в галоп. Алакет помчался следом.

— Зачем ты обидела этого динлина подозрением в трусости? — укоризненно сказала подруга. — Глаза его сияли как голубые волны Хиргис-нура в солнечный день. Если в сердце своем ты не нашла ответа его песне...

— Я не знаю, ответило ли ему мое сердце, — запальчиво возразила Адах, — но каждый юноша должен знать, что ни одна большарская девушка не ступит в его юрту, не испытает отваги своего избранника!

Но тут же, увидев печаль в глазах подруги, Адах прильнула к ее плечу:

— Ну, не огорчайся, мой красный цветок, этот достойный воин не уедет так. Он еще придет к моей юрте просить меня сесть на его коня. Может быть, тогда мое сердце найдет для него и другие слова...

Адах не ошиблась. Бандыр не думал отступать. Когда они с Алакетом неслись на взмыленных конях к стоянке Кенгир-бега на рубеже земель Большар и Тюльбари, Бандыра от волнения била дрожь, он сквозь зубы говорил Алакету:

— Дочь превосходного народа большар скоро узнает, знаком ли динлину страх! Пусть ее сородичи встретят меня клинками — взятого я им не верну! Будешь ли ты со мной, брат?

— На узкой горной тропе и в широкой степи у братьев одна дорога! — ответил, нахмутив брови, Алакет. — Имя народа динлин не будет покрыто позором!

На закате из стана Кенгир-бега по направлению к тюльбарийскому селению выехали Алакет, Бандыр, Яглакар, Энень-Кюль и Гюйлухой. Ухуанец хмурился. Безрассудно навлекать на себя гнев большарцев по такому поводу. И разве не мог Бандыр еще раз встретиться с девушкой и попытаться убедить ее?.. Но на этот раз и рассудительный ухуанец не смог остановить юношей, тем более, что и Яглакар требовал, чтобы дружинники Алт-бега показали большарцам свою отвагу.

Не удерживал юношей и Кенгир-Корсак, считая, что дерзкий налет на селение еще раз покажет всем смелость и боевое умение воинов тюльбари и укрепит влияние Алт-бега на ближние племена. И Гюйлухой, скрепя сердце, отправился в путь, надеясь при случае предотвратить ненужное кровопролитие.

Давно стемнело. Едва заметно теплились красноватые угольки между камнями очага. Адах дремала, свернувшись на теплой козьей шкуре. Рядом из-под овчины слышалось ровное дыхание матери. Громко храпел отец на мужской половине юрты. А братьев нет... Далеко в степи караулят они от волков отару овец.

Где-то возле юрты жалобно заблеял ягненок. Или это во сне? Громче, громче. Адах открыла глаза. Села.

— М-м-е, м-м-е! — слышится за войлочной стеной. Бедный малыш, наверное, отбился от стада. Ночь. Волки могут подобраться к кочевью.

Адах встала. Взяла стоявшее у стены копьё и вышла из юрты. Обошла кругом. Где же ягненок?

Адах даже не услышала, а почувствовала какое-то движение за спиной.

Кто-то сильный, бросившись сзади, выхватил у девушки копьё. Адах не успела вскрикнуть, как тяжелая овчина упала ей на плечи и голову. Лезущая в рот шерсть мешала кричать. Ее подняли вместе с овчиной и понесли, потом подбросили, и в следующий миг Адах поняла, что кто-то держит ее на спине коня, несущегося во весь опор. У Адах похолодело в груди. Кто это? Куда увозят ее от родного дома? Ах, если бы здесь был тот молодой динлин! Он защитил бы ее... Зачем, зачем ты прогнала его, Адах?

Дико завывал рог. Грохотал бубен в центре кочевья. Что случилось? Набег? Пожар? Несметные волчьи стаи накиннулись на овец в степи?

Мужчины с оружием бежали туда, где плясал, разбрызгивая искры, огонь тревоги. Там стоял, с горестным взглядом простирая руки к сородичам, отец Адах. Седые волосы, не заплетенные в косу, клочьями свисали с макушки. Перед ним, словно призывая небо к отмщению, отражало кровавые отблески огня поднятое острием вверх копьё. Мгновение — и лавина всадников ринулась в степь. Впереди, уставив острые морды в землю, распластались на бегу лохматые серые собаки.

Ничего, что неизвестные похитители обвязали копыта коней кожей. Их не услышит ухо человека, но собака найдет след!

Призрачным пятном серебрится под луной спящая овечья отара. Трое конных пастухов с тревогой вглядываются в толпу приближающихся всадников.

Что смотрите, дети несчастного отца? Мечь, мечь! Пусть каждый из вас проглотит сгусток крови, брошенный с неба Ульген-ханом. Ваша сестра похищена!

На лицах пастухов смятение, но в следующий миг в карих узких глазах

отражается ярость.

И вот уже трое братьев несутся вместе со своими сородичами.

Первым услышал топот приближающейся погони Гюйлухой, но вместо того чтобы прибавить ходу, он придержал коня и начал незаметно отставать от спутников. Из мглы вынырнули силуэты первых большарских всадников. Слышен свирепый собачий лай. Гюйлухой приставляет к губам сложенные ладони:

— Братья! Большарцы! Остановитесь, выслушайте меня!

В ответ разноголосый рев:

— А-а-а! Тюльбарийцы! Предатели! Насильники! Потомки змей! Вот как отплатили вы нам за гостеприимство! Смерть вам! Смерть!..

Алакет оглянулся:

— Братья! Гюйлухой в опасности!

Четверо воинов разом повернули коней, и в этот миг нечаянно распахнулась овчина, в которую была закутана Адах. Она увидела Бандыра. В первую минуту в ее широко открытых глазах отразилось изумление. Но затем ее и без того побледневшее лицо стало восковым от ужаса. Прямо перед ней, сбросив на скаку с плеч халат, поднял лук молодой динлин с обильной татуировкой на груди и спине. Она узнала эти рисунки. Кто из кыргызов их не знал! Их носит на своем теле победитель хуннского льва — Кахайара — Алакет!

А против юного героя поднял над головой копьё родной брат Адах!

— Остановитесь! — слезы в голосе девушки заставили воинов на минуту опустить оружие.

— Динлин, — воскликнула Адах, — дозвожь мне сказать слово сородичам!

— Зачем? — сурово ответил Бандыр. — Тебя я им все равно не отдам!

— Я не оставлю тебя, динлин, клянусь водами Хиргис-нура! Освободи мне руки.

Бандыр сбросил овчину с плеч девушки.

— Дозволь мне вынуть кинжал из твоих ножен.

Бандыр вздрогнул: что это, коварство дочери племени большар или новое испытание его смелости? Ну что ж, пусть знает, что страх неведом динлину. И Бандыр кивнул.

Недоверие светилось в настороженных взглядах Алакета и Энень-Кюля. Яглакар походил на барса, приготовившегося к прыжку. И только Гюйлухой, облегченно вздохнув, опустил свою палицу.

Взвился кинжал, сверкнуло лезвие под луной, и все увидели, как Адах срезала со своей косы красную ленту с бронзовой подвеской и быстро

привязала к пряди волос у виска Бандыра.

Недоуменные возгласы послышались в рядах большарцев, а затем сородичи Адах начали поворачивать копья древками вперед и снимать со стрел железные и бронзовые наконечники.

Глава XIV

Хуннский каган Чжи-чжи. Алакет и Тудаменгу

В живописной зеленой долине, между двух горных хребтов у истоков полноводного Орхона, расположилась обширная ставка хуннского кагана. Вокруг паслись стада лошадей, овец, верблюдов. Виднелись войлочные кибитки. Стан кагана окружен мощным земляным валом и каменными надолбами. Ставка поражала многолюдством. В центре, среди множества кибиток воинов и старейшин, сиял, ослепляя глаза, затканый цветами шелковый шатер кагана. Перед ним ярким пламенем горели костры, священный огонь которых должен был отгонять злых духов от жилища повелителя державы Хунну.

В шатре, на раззолоченном и украшенном дорогими камнями троне, восседал коренастый, приземистый и тучный человек лет шестидесяти, одетый в просторный шелковый халат. Трое слуг держали над ним большие зонты. Это был правитель хуннов — Чжи-чжи-каган.^[35] По обе стороны трона стояли старейшины знатнейших родов, сзади расположилась дружина телохранителей в железной броне и остроконечных шлемах. Напротив трона сидел, поджав под себя ноги, шаман Абохай. Коричневое, сморщенное лицо его, похожее на печеное яблоко, украшали редкие седые усы.

Пучки ярких лент и разноцветных перьев свисали с шапки на лоб и клочковатые брови шамана. Абохай ближайший советник кагана. Они встретились впервые, когда еще безвестный Чжи-чжи жил среди сородичей, мечтая о славе предков, но не смея приблизиться к ставке, где сидел на троне каганов грозный Уянь-Гюйди.^[36]

Безжалостно расправлялся Уянь-Гюйди с каждым, кто противился его воле или кого он считал своим соперником. Тяжелая рука правителя пришлась не по нраву вельможам. Собственные братья кагана поднялись против него в союзе с недовольными князьями. Вознесенный волной мятежа, вступил на трон, перешагнув через труп прежнего кагана, новый правитель — Ойхан. При нем Чжи-чжи стал восточным чжуки-князем, заняв второе после Ойхана место в государстве. Но и осторожное правление Ойхана не привело к спокойствию. Четверо князей в разных

местах державы хуннов объявили себя каганами. Пять каганов боролись за власть в стране.

В это смутное время восточный чжуки-князь не вступил в ряды друзей кагана. Не примкнул он и к ойхановым врагам. Он притаился, словно тигр в камышах, и выжидал.

— Наше время еще не пришло, — говорил князю Абохай.

— Но скоро придет! — отвечал уверенно князь.

Четверо князей пали в борьбе с Ойханом. С поредевшим и усталым войском правитель вернулся в ставку на Орхон. Дружина его стала подобна богатырю, одолевшему в неравном бою врагов, но истекающему кровью от тяжелых ран. Достаточно одного удара, чтобы повергнуть его. И Чжи-чжи нанес этот удар. Не имея сил сопротивляться, Ойхан бежал на юг с частью орды. Чжи-чжи был упоен успехами. Никогда, казалось ему, власть кагана не была так сильна, как сейчас. Никто более не в силах грозить владыке хуннов.

Пылкий и порывистый Узун-Дугай сложил голову в боях с Ойханом, а сам Ойхан, которого не спасли от свержения его осторожность и предусмотрительность, скитался где-то в далеких южных пустынях.

— Пришло время, — говорил вельможам каган, — решить судьбу моего недостойного брата. Великое небо благословило меня повелевать всеми странами, на кои когда-либо ступало копыто хуннского коня, и возродить наше бывшее могущество!

Готовьте дружины. Пройдя черными песками, мы обрушимся на жалкие остатки войск Ойхана и либо захватим его, либо совсем изгоним из наших степей...

— Не забудь, отец, — заметил рослый и широкоплечий сын кагана Гюйюйлишу,^[37] — что на севере от нас остаются непокорные племена кыргызов и динлинов. Семь лет назад они пытались посадить на трон Узун-Дугая, а ныне снова наточили стрелы и только и ждут, когда мы повернемся к ним спиной.

— Кыргызы, динлины! — гневно воскликнул каган. — Да что же это за вечное зло для нас? Придешь с войском в землю кыргызов — динлины оцетиниваются оружием. Обрушишься на Динлин — кыргызы готовят удар тебе в спину! Сколько раз ходили прежние каганы против динлинов! Опустошали их землю, жгли селения, облагали данью, делали своими рабами! Проходило несколько десятков лет, и снова орды динлинов угрожали Орхону!

— Ну что ж, — заметил шаман, — ведь они одной крови с нами, хотя и ниже по рождению.

— Как? — воскликнул Гюйюйлишу. — Эти дети волка одной крови с нашими славными предками?

— Да, я тоже слышал об этом, — подтвердил Чжи-чжи, — расскажи нам, что знаешь об этом, Премудрый.

— Ну, слушайте, — начал, помолчав Абохай. — В давние времена у одного кагана родились две дочери необыкновенной красоты. Многие князья и старейшины добивались получить их себе в жены. Но каган сказал: «Могу ли отдать человеку такую красоту? Я подарю их небу». Итак, он велел построить в северной стороне роскошный терем и поселил там дочерей. Через некоторое время мать пожелала взять их обратно, но каган сказал: «Еще не пришло время». Вскоре после этого старый волк стал сторожить дочерей кагана. Он вырыл себе нору под теремом и вечерами долго выл, подняв морду к месяцу. Тогда младшая дочь сказала: «Отец поселил нас здесь, желая предоставить небу, а ныне пришел волк. Я сойду к нему. Может быть, его приход имеет счастливое предзнаменование». Старшая дочь кагана пришла в ужас: «Что ты задумала, сестра? Это животное! Не срами родителей!» Но та не послушала. Она вышла к волку. От них-то и родились предки динлинов. Поэтому когда динлины поют песни, то воют подобно своему мохнатому пращуру, и мы зовем их детьми волка.

Абохай кончил рассказ. Некоторое время все трое молчали. Но вот Чжи-чжи встрепенулся:

— Все это весьма поучительно, что ты поведал нам, Премудрый, но дело сейчас не в этом. Я думаю о том, как обезвредить это змеиное гнездо на севере моих владений?..

Маленькие глазки шамана словно угольки сверкнули из-под бровей:

— Я дам тебе совет, каган! Но ты должен быть решителен. Опасен союз динлинов с кыргызами. Может стать опасным и Ойхан. Иные из твоих врагов перебегают к нему. Послать часть войск на север значит ослабить ставку. Я предлагаю другое. Возьми всю орду. Присоедини к ней войска покоренных тобою племен и брось все это в землю кыргызов. Оставь и сам ставку на Орхоне. Разрушь и уничтожь все вокруг и перенеси свое местопребывание на север. Пусть Ойхан, если он вздумает явиться сюда, застанет на Орхоне пустыню. Он не в силах будет сразу продолжать путь на север. А ты наводни своими войсками кочевья кыргызов, наполни их пастбища своим скотом и утверди там свою ставку. Они вынуждены будут оставить свою землю. Но куда они пойдут? На западе лежат владения исседонов, которые хотя и ненавидят тебя, но дрожат перед твоим славным и грозным именем. На востоке от них — земли подвластных тебе племен. У

них останется один путь — на север, в горы, к их союзникам — динлинам. А когда двое равных и свободных оказываются вместе на одной земле, то ни один не отдаст добром другому мест своих поселений, кочевий или пастбищ. И тогда между динлинами и кыргызами вспыхнет вражда. А когда сердца их до краев наполнятся злобой и местью, ты предоставишь им истреблять друг друга, с отборными дружинами бросишься на юг и нанесешь удар презренному Ойхану. Действуй так, каган, и ты возвысишься, как никто!

Каган просиял.

— Воистину, — воскликнул он, глядя на Абохая, — ты недаром носишь свое прозвище — Премудрый!

Горячее степное солнце жарким дыханием опалило землю. Далекие синеватые горы, казалось, плыли в дрожащих струях воздуха. Густые высокие травы тронула желтизна, и они никли к земле словно войско, скошенное стрелами врагов. Легкий ветерок с юга обжигал лицо и нес серую пыль, которая хрустела на зубах. По равнине рассыпались отряды всадников в шерстяных и кожаных халатах. Среди остроконечных шапок и непокрытых голов с развевающимися волосами выделялись железные и медные шлемы военачальников. Солнце высекало искры из лезвий коротких прямых мечей и наконечников копий. Среди воинов можно сразу различить стройных, черноглазых кыргызов, с деревянными и костяными защитными пластинами на груди и плечах, широкоскулых массивных ухуанцев — их было немного, — высоких белокурых динлинов, которые держали в руках вместо мечей свое излюбленное оружие — клевцы на длинных рукоятях.

На невысокой возвышенности, под значком на длинном шесте с бронзовым изображением изогнувшегося в прыжке барса восседал на белом коне стройный широкоплечий военачальник с волнистой русой бородой. Он еще молод, но серьезный и строгий взгляд выдавал недюжинный ум. Его окружали несколько всадников. Один из них, молодой кыргыз, с ног до головы покрыт пылью. Лоснящиеся от пота бока его коня тяжело вздымаются.

— Начальник, — говорил юноша прерывающимся голосом, — стан кагана в трех переходах от нас. А передовые отряды его будут здесь раньше, чем солнце начнет клониться к закату. Мы столкнулись с ними за ближними холмами!

— Удалось ли тебе узнать, — спросил молодого воина один из полководцев, пожилой ухуанец с рябым лицом, — кто ведет передовые

отряды хуннов?

— Удалось, почтенный Гюйлухой. Во главе их стоит старейшина Тудаменгу, и число всадников его немногим более, чем у нас.

— Будь осторожен, Алакет, — обратился к русобородому военачальнику одноглазый старик кыргыз, — Тудаменгу — старая лиса, знает много военных хитростей. Ведь я сражался бок о бок с ним в войсках покойного Дугая...

— Кюль-Сэнгир прав, — поддержал старика третий военачальник средних лет, голубоглазый динлин на вороном коне, — да ты, Алакет, и сам хорошо знаешь, что, если Тудаменгу упорно бьется лицом к лицу с врагом, это значит, что часть войска его уже двинулась в обход, чтобы ударить в спину. А если его хунны начали отступать, жди, что где-нибудь в овраге преследователей караулит засада!

Алакет задумался. Но вот он поднял глаза, обвел взглядом военачальников, и они замерли в седлах, ожидая приказаний.

— Тудаменгу хитер, — сказал Алакет, — но мы должны оказаться хитрее. Войско его немногим более нашего. Устроит ли он засаду или попытается нанести удар в спину, он должен будет разделить войско на две части, каждая из которых будет слабее наших неделеных сил. Мы поставим в центре отряды твоих динлинов, Бандыр, — обратился Алакет к военачальнику на вороном коне, — а кыргызы Кюль-Сэнгира займут правое и левое крыло. Когда Тудаменгу вступит в бой, вы должны начать медленное отступление, но ни в коем случае не обращаться в бегство и не расстраивать своих рядов. При этом центр должен податься назад больше, чем крылья.

Когда хунны достаточно втянутся в мешок и расстроят свои ряды, твои воины, Кюль-Сэнгир, ударят на них с боков и постараются охватить их и сзади. Твои ухуаньцы, Гюйлухой, станут во второй линии наших войск. А во все стороны ты вышлешь дозорных. Если они заметят идущую на нас вторую часть войска хуннов, то ты оторвешься от наших главных сил, постараешься внезапно напасть на этих хуннов и задержать их до тех пор, пока мы не заставим Тудаменгу отступить, хотя бы на время. Тогда мы поможем тебе. Если вторая часть войска хуннов не появится, ты в решительный момент поможешь Кюль-Сэнгиру окружить и уничтожить главные силы Тудаменгу... И да помогут вам духи предков!

Войско хуннов быстрой рысью двигалось по степи. Лес копий щетинился над головами всадников на низеньких косматых конях. Далеко впереди, на холмах, черными пятнышками маячили передовые разъезды. В центре войска, окруженный телохранителями в шлемах и пластинчатых

панцирях, покачивался в седле Тудаменгу. Седоватые усы старейшины свисали по обеим сторонам квадратного подбородка. Карие с желтизной, как у дикой кошки, глаза зорко следили за степью. Среди полководцев Чжи-чжи Тудаменгу считался едва ли не лучшим. Судьба связала его с новым каганом еще во времена правления Ойхана. Когда положение Узун-Дугая — неудачливого претендента на хуннский престол — пошатнулось, его вельможи стали перебегать в лагерь Ойхана. Но Тудаменгу сохранил верность слову. После кровопролитной битвы, в которой войска союзников Дугая потерпели сокрушительный разгром, а князя обезглавили, Тудаменгу ушел на север и снова начал собирать силы для борьбы с Ойханом. Тогда-то в его лагере и появился шаман Абохай.

— Князь Чжи-чжи не одобряет действий брата, — говорил шаман, — Узун-Дугай был достоин занять престол каганов. Чжи-чжи хочет наказать братоубийцу — Ойхана. Все, кто любит справедливость, идут сейчас под боевые значки Чжи-чжи. А такой прославленный полководец, как ты, почтенный Тудаменгу, конечно, по праву займет самое почетное место в его шатре!

И Тудаменгу привел к шатру Чжи-чжи остатки дугаевых войск, усилив и без того достаточно могущественного восточного чжуки-князя.

В то время как обрывки этих картин прошлого проносились в седой голове старого вельможи, желтоватые глаза его продолжали зорко скользить по степи и гребням холмов. И вот он увидел, как от черных пятнышек разъездов стали отделяться едва заметные точки, двигавшиеся по направлению к войску. Вскоре они выросли, и теперь можно было разглядеть фигурки всадников, мчавшихся во весь опор. Мелькнула мысль: «Враг близко...» Старейшина придержал коня.

— Позвать начальников отрядов! — приказал он телохранителям.

И военачальники собрались: старые и молодые, стройные и коренастые. Глаза их горели храбростью хищников и жаждой добычи. Старый Тудаменгу любил этот блеск в глазах своих воинов.

— Скоро начнется бой, — обратился старейшина к собравшимся, — помните, что мы должны завлечь противника в засаду. После первой же схватки сделайте вид, что вы ошеломлены ударом, поворачивайте коней и уходите в степь... И да поможет вам счастливая звезда непобедимого Чжи-чжи-кагана!

Войско перевалило через холм. И глазам хуннов открылась обширная равнина, на которой вдали вытянулось несколькими длинными линиями войско кыргызов. Тревожный холодок тронул сердца хуннских всадников. Наверное, тот самый, что шевельнулся в этот миг в душе Бандыра,

Гюйлухоя и молодых кыргызских воинов. Руки напряглись, сжимая оружие, сузились зоркие глаза. Стрелы легли на тугие основы луков.

Хунны взяли копья наперевес и, оглашая степь раскатами боевых возгласов, помчались вниз на равнину навстречу кыргызам.

Вот стали видны застывшие суровые лица воинов Алт-бега. Запели первые стрелы. Рухнул на всем скаку на землю раненый хуннский конь, подмяв под себя седока. Второй хунн, пораженный стрелой в живот, с гримасой мучения скорчился в седле.

Юношу кыргыза стрела поразила в горло. Лицо его покрылось мертвенной синевой, на губах показалась кровь. Судорожно сжав стрелу руками, он повалился навзничь на круп коня...

Воины сошлись вплотную. Над головами взвились мечи и клевцы. Лязг железа, ржание коней, проклятия сражающихся, стоны раненых. Но вот Тудаменгу, вертевшийся на коне среди своих телохранителей в задних рядах войска, взмахнул рукой. Надрывно завыли рога, и хунны, повернув коней, помчались назад, к холмам, поворачиваясь в седлах, чтобы послать на скаку пернатую стрелу. Но, к удивлению Тудаменгу, кыргызы не бросились преследовать врага. Подобрав раненых, они отодвинулись и вновь остановились, как-будто ожидая чего-то.

— Повторить натиск! — решил Тудаменгу. — Надо узнать, что надумали военачальники Алт-бега.

И снова всадники на косматых конях, разгоряченные боем, опьяненные кровью, понеслись навстречу кыргызам. Тудаменгу видел с холма, как под натиском хуннской конницы дрогнул центр войска Алт-бега, как за ним начали отодвигаться назад и оба крыла. Отступление тюльбарийцев не было похоже на стремительное бегство, когда хотят заманить противника в западню. В действиях кыргызов чувствовалась какая-то нерешительность. Казалось, они не хотят оставить равнину без боя, но боятся перейти в наступление. Мелькнула мысль: «Все племена кыргызов сбиты хуннами со своих мест. Неудивительно, если после этого страх сковал сердца воинов Алт-бега! А страх перед противником — верный залог поражения».

И Тудаменгу воскликнул:

— Эй, гонцы! Скачите к отрядам, и пусть усилят натиск.

Бой затягивался. Тудаменгу с неудовольствием видел, что отступавшие тюльбарийцы сохраняют стройность своих рядов, тогда как преследующие их хунны расстроили ряды. Он видел, что, тесня центр кыргызов, хунны оставили с обоих боков от себя значительные массы вражеской конницы.

В сердце старейшины закралась тревога: «Ведь если кыргызы

опомнятся, они ударами с крыльев сомнут потерявших строй хуннских всадников! Надо смять их, рассеять по степи, уничтожить немедленно!».

И Тудаменгу решил довершить разгром тюльбарийцев силами окружавшего его отборного отряда телохранителей. Вновь завывли рога, заухали боевые бубны. Припав к шеям коней, сверкая на солнце броней, телохранители кинулись в сражение. В первой шеренге мчался, размахивая мечом, сам Тудаменгу. Мгновение — и бронированная масса телохранителей влилась в ряды сражающихся. Под сокрушительным натиском дрогнул центр войска кыргызов. Но тут же Тудаменгу услышал, как с обеих сторон от него раздался торжествующий клич врагов, и воины обоих крыльев хуннского войска, смятые внезапным ударом, заметались по степи. «Так вот где ловушка!»

— Назад! — истошным голосом заорал Тудаменгу. Но раньше, чем рога донесли его приказ до слуха всадников, из-за обоих крыльев Алт-беговой дружины вырвались конные массы ухуаньцев, до этой минуты не принимавшие участия в бою, и понеслись наперерез отступающим хуннам. Бой разгорелся с новой силой. Кыргызов вдохновляла копившаяся веками ненависть против угнетателей; хунны бились с храбростью отчаяния. Но перевес был явно на стороне тюльбарийцев. Справа к Тудаменгу пробивался на могучем коне рябой ухуанец с огромной булавой, от одного удара которой всадники замертво валились с коней. Навстречу ему кинулся богатырь телохранитель с боевым топором в руках. Противники закружились один возле другого, нанося и отражая удары. Но вот ухуанец со всего размаху опустил булаву на шлем телохранителя. Шлем сплюснулся, как блин, а хунн вывалился из седла, зацепившись ногой за стремя, и конь поволок его по полю.

Тут к ухуанцу внезапно рванулся другой телохранитель. Ухуанец не ждал нападения с этой стороны и получил от меча противника глубокую рану в бок. Но затем его загородили от взгляда Тудаменгу трое динлинов...

Алакету было ясно, что положение хуннов безнадежно, но он видел и то, как отчаянно они сражаются. Он подумал: «Уничтожение хуннского войска будет стоить многих жизней... Мы ослабим себя и можем потерпеть поражение от второй части дружины Тудаменгу».

— Прекратить бой! — бросил Алакет окружавшим его телохранителям. Еще раз раскатился над полем звук рогов. Кыргызы отступили, не разрывая кольца, и опустили оружие.

Из тюльбарийских рядов выехал динлин на вороном коне и прокричал звонким голосом, выпятив грудь:

— Эй, хунны! Скажите Тудаменгу, что глава войска, почтенный

Алакет, желает говорить с ним!

Сердце Тудаменгу дрогнуло. Алакет! До этой минуты старейшине так и не удалось узнать, кто же был его противником. Алакет! Боевая гордость племени тюльбари, легенды о подвигах которого рассказывали в кыргызских кочевьях, городах исседонов и ухуаньских селениях, который еще безусым юнцом сражался в армии Узун-Дугая под началом Алт-бега. Если бы только старейшина знал, кто стоит во главе кыргызского войска! Тогда его осторожность возросла бы во сто крат...

Тудаменгу тронул повод коня и в сопровождении двух военачальников и нескольких телохранителей двинулся между рядами угрюмых хуннов навстречу Алакету. Грудь старейшины обнажена, чтобы по татуировке было ясно кыргызам, кто глава хуннского войска.

Алакет, тоже обнаженный по пояс, ждал Тудаменгу перед рядами кыргызов. На груди тюльбарийского полководца в сплетении красных и черных узоров выступал круг, украшенный с двух сторон изображением бычьих рогов и орлиных крыльев. В центре круга над динлинским тигром храбрости красовался изогнувшийся в прыжке тюльбарийский барс. Тудаменгу подумал: «А что если сейчас, укрывшись за спинами телохранителей, пустить стрелу в эту обнаженную грудь?» И тут его воображению представилась лавина тюльбарийцев, обрушившихся на полууничтоженное войско хуннов, десятки лезвий, направленных в грудь ему — старейшине Тудаменгу... «Нет, рано еще». Наверное, это знает и Алакет. Поэтому он так непринужденно сидит в седле, спокойно поглядывая на хуннских воинов.

— Приветствую почтенного Тудаменгу, отважного хуннского полководца! — склонил голову Алакет, и старейшине этот поклон показался самым ядовитым издевательством.

— Приветствую славного Алакета, достойнейшего из тюльбарийцев! — проворчал он в усы.

— Воины кыргызы и хунны, — продолжал Алакет, — показали себя в этом бою достойными противниками. Они сражались как подобает мужам. Но владыке неба было угодно, чтобы хунны оказались в петле, и петля эта рано или поздно затянется на вашей шее.

Алакет взглянул на хуннских военачальников и встретил их хмурые взгляды.

Тудаменгу мрачно разглядывал копыта коня своего противника.

— Я предлагаю иное, — сказал Алакет. — Пусть Тудаменгу даст клятву, что не поднимет оружия против кыргызов до следующего восхода солнца, и мы даруем его воинам жизнь и свободу. Мы не снимем скальпов с убитых хуннов и не подвергнем их бесчестью. Оставшиеся в живых могут похоронить их по обычаю. Как военную добычу я требую у вас лишь одежду убитых нами хуннов и ваших коней. Чжи-чжи, — тут Алакет криво усмехнулся, — явился к нам со всей ордой. Табуны его многочисленны, и хунны не обеднеют от потери нескольких сотен скакунов, а нам они понадобятся, чтобы увезти раненых в ближние кочевья... Если Тудаменгу согласен, пусть служители духов скрепят взаимную клятву, если нет, доведем бой до конца!

Тудаменгу взглянул на военачальников. В их настороженных лицах, в тревожных глазах он прочел ответ, который сам склонен был дать этому проклятому Алакету. Почетное перемирие вместо полного уничтожения! Но гнев кагана? Что ж, для Чжи-чжи поднять руку на Тудаменгу — значит

оттолкнуть бывших сторонников Узун-Дугая, значит ослабить себя и усилить своего врага Ойхана. Правда, в порыве ярости каган способен на любое безрассудство. Но он, Тудаменгу, не настолько глуп, чтобы прийти в шатер Чжи-чжи сразу после боя. Нет. Он останется среди своих воинов и переждет, пока каган перебесится и снова сможет трезво смотреть на вещи...

— Я согласен, — отрывисто произнес Тудаменгу.

И вот воины обеих сторон расступились, и навстречу друг другу выехали увешанные бронзовыми дисками и разноцветными лентами хуннский шаман и кыргызский жрец. Став друг против друга, они воздели руки к небу и заунывными голосами начали произносить заклинания...

Совершен обряд принесения клятвы. Кыргызы отогнали в сторону табун хуннских коней. Но что это? Тюльбарийцы, срывая с себя халаты, тут же облачаются в одежду убитых хуннов. Воины вскочили на коней. Часть их, сопровождая привязанных к седлам тяжело раненных сородичей, двинулись на запад, а войско Алакета, подняв облако пыли, направилось на юго-восток к холмам, откуда пришел Тудаменгу и где осталась в засаде вторая часть хуннской дружины. Глава хуннов отвернулся. Он-то с самого начала переговоров понял, что его хитрость разгадана Алакетом. Засаде грозит смертельная опасность, а здесь воины лишены коней и не могут предупредить своих.

«Что ж, — подумал Тудаменгу, — ведь моя жизнь для державы Хунну имеет больше цены, чем жизнь того щенка, который оставлен в засаде. Он не заменит меня во главе войск кагана, а я вновь приду сюда с дружиной, которая отомстит и за этот позор, и за смерть воинов в засаде... Если бы я дал приказ возобновить бой, собственные военачальники могли взбунтоваться против меня. Ведь они шли за добычей, а не на смерть».

За холмами, там, где равнина, словно рассеченная ударами меча, изрезана оврагами, притаилась засада. Оседланные кони, изредка позвякивая сбруей, щипали траву. Воины, сидя отдельными группами с поджатыми под себя ногами или на корточках, вполголоса обменивались отрывистыми фразами. Всех утомило непрерывное ожидание. На вершинах холмов залегли в высокой траве дозорные, которые внимательно следили за степью. Начальник засады, стройный черноусый Цокто-Муюн, нетерпеливо разъезжал на низкорослом рыжем коньке между воинами. Солнце давно склонилось к закату, и отсутствие вестей с поля битвы начало тревожить молодого военачальника. Может быть, Тудаменгу попал в беду? Может быть, выслать разъезд, узнать, что случилось?

И едва эта мысль пришла в голову Цокто-Муюну, как с вершины холма

раздался свист суслика. Ему отозвался второй, зловещий волчий вой пронесся по оврагу. «Подают знак», — подумал Муюн. Соскочив с седла, он ползком поднялся на вершину холма. В желто-зеленом море увядающих трав он увидел быстро приближающуюся массу всадников. «Они!»

Цокто-Муюн взглянул вниз, в овраг. Его воины приготовились. Разделившись по отрядам, они залегли, уложив возле себя прекрасно выученных коней.

Все ближе несущиеся по степи всадники. Теперь можно различить хуннских воинов в одеждах из звериных шкур мехом наружу, сверкающую броню телохранителей. Но, великие духи! Как поредело войско Тудаменгу. Здесь нет и половины тех, кто утром ушел со старейшиной. Видно, недаром тревожился Цокто-Муюн. Но и кыргызов немного. Значит, и им пришлось нелегко. Тем лучше!

Пестрая лента всадников извивается между холмами. Цокто-Муюн видит, как хунны, обернувшись в седлах, пускают стрелы в преследователей. Вот один из кыргызов, взмахнув руками, опрокинулся на круп коня, другой — припал к шее скакуна, бессильно свесив руки...

Последние кыргызы промчались мимо холма, на вершине которого, затаив дыхание, залег начальник засады. И тогда по холмам и оврагам разнесся торжествующий клич: «Хун-ну! Хун-ну! Чжи-чжи!» Лавина хуннских воинов покатила со склонов и обрушилась на спину кыргызам. Но что это? Кыргызы внезапно, как по команде, повернули коней навстречу воинам Цокто-Муюна, нисколько не заботясь о тех, кого только что преследовали. А дальше начались чудеса. Поникшие в седлах «мертвые» кыргызы внезапно «воскресали». Их примеру последовали «мертвецы» из «войска Тудаменгу».

И все вместе, оглашая долину воинственными возгласами, бросились на ошеломленных воинов засады. И тут Цокто-Муюн вдруг увидел, как под хуннской шапкой из рысьего меха мелькнуло оскаленное лицо, выкрашенное боевыми красками племени тюльбари. Он понял все. Войска Тудаменгу больше нет! Гибель неизбежна. Растерявшиеся хунны оборонялись вяло и после короткого боя были рассеяны по степи.

Цокто-Муюн увидел нескольких вражеских всадников, которые мчались к нему с копьями наперевес. Острия направлены на него. А где-то в глубине сознания в кроваво-красной дымке вставало перекошенное яростью лицо кагана. Казалось, слышится звериный вопль Чжи-чжи: «Содрать шкуру с этой свиньи, не умеющей бить свиней!»

А тюльбарийцы все ближе. Что принесет следующий миг? Смерть от руки врага? Или, может быть, плен, рабство, долгие годы невольничьей

жизни, жгучего позора? Цокто-Муюн обнажил кинжал. «О великие предки, примите душу мою!» И резким движением вонзил себе в горло широкое лезвие...

А над полем боя плыл торжествующий победный клич воинов Алакета.

Глава XV

Алакет с динлинами покидает землю кыргызов

Ночь опустилась над ставкой Алт-бега. На фоне темно-синего неба черными горбами выступали силуэты юрт. Кругом царила тишина. Лишь изредка всхрапывал где-нибудь конь да корова издавала сонное мычание. В большой юрте, на покрытом коврами дощатом помосте лежал, укрывшись огромной медвежьей шкурой, повелитель тюльбарийцев. Тлеющие угли в обложенном камнями очаге бросали мрачный полусвет на постаревшее лицо Алт-бега. Глаза его закрыты, но он не спал. Тяжелые думы не давали покоя.

В соседней юрте спали жены. Может быть, взять на свое ложе одну из них? Забыться в жарких объятиях? Нет. Ведь сегодня вечером даже юная дочь тюркютского князя не сумела разогнать мрачные мысли бега. Да и было над чем задуматься. Вчера утром в лагерь войска Алт-бега, готовившегося к очередному бою с хуннами, примчался гонец. Правитель встретил его на пороге войлочной палатки, когда собирался вскочить в седло и объехать лагерь.

— Что нового?

— Беда, почтенный! Кочевье повелителя всех кыргызов — ажо подошло вплотную к твоей ставке.

Известие не из приятных. По обычаю ажо собирал дань со всех кыргызских племен. Алчность повелителя и его вельмож не знала границ. Отары овец, стада верблюдов, меха, ковры, стройные ловкие юноши, красивые девушки — все тонуло в ставке главы кыргызов, как в бездонном колодце. Что не в силах был переварить ажо, заглатывали без остатка его приближенные.

Призвав все громы и молнии на головы незваных пришельцев, Алт-бег поручил свое войско старшему сыну Алтамышу и с отрядом телохранителей помчался в свою ставку. Прибыв наутро в улус, он узнал, что юрты ажо находятся в одном переходе от его владений, а телохранители ажо шныряют между стадами скота тюльбарийцев, присматривая добычу. Едва слух о появлении Алт-бега облетел ставку, воины ажо исчезли, точно комары в заморозки. Зато днем пожаловал гонец в лисьей шубе поверх роскошного халата. Его сопровождали слуги с церемониальными зонтами и

воины в лисьих шапках и броне из деревянных дощечек на груди и плечах. Алт-бег принял его сидя на помосте в белой юрте, окруженный несколькими старейшинами и телохранителями. Холодные зеленоватые глаза грозного тюльбарийца впились в надменное лицо появившегося на пороге гонца. Тот потупил взгляд и против воли растерянно склонился перед Алт-бегом.

— Великий ажо кыргызов, — запинаясь пробормотал посланник, — желает видеть тебя в своем шатре, почтенный Алт-бег...

— Хорошо!

И Алт-бег взмахом руки дал понять посланным, что они могут покинуть юрту. Те, смущенные, поспешно попятнулись к выходу, провожаемые косыми насмешливыми взглядами тюльбарийцев. Во второй половине дня Алт-бег сам прибыл в ставку ажо. Он появился внезапно. Воины и слуги ажо шарахнулись в стороны от несущейся между юртами конной дружины тюльбарийцев. Подъехали к жилищу ажо, состоявшему из нескольких белых шатров, соединенных друг с другом узкими переходами. На центральном шатре красовался бунчук из длинного красного шеста, на котором развевались конские хвосты и разноцветные ленты. К шатрам со всех сторон сбегались воины в рысьих шапках. Алт-бег знаком приказал телохранителям смешаться с толпой людей ажо. Такая предосторожность, считал он, была нелишней.

Пока лоснящиеся от жира воины главы кыргызов с опаской косились на мускулистых поджарых телохранителей Алт-бега, сам он, не ожидая доклада о себе, резко откинул полог шатра и прошел внутрь. Тяжелый, едкий запах кожи и пота ударил в ноздри. Алт-бег склонился в поклоне, но тут же, выпрямившись, гордо откинул голову назад, отчего черная с сединой косица подпрыгнула на его спине. Перед ним на покрытом коврами помосте, таком же, как в его собственной юрте, важно восседал ажо, невысокого роста, заплывший жиром старик с редкой бородкой, которую он беспрерывно теребил пальцами. Повелитель кыргызов был одет, несмотря на жару, в роскошную лисью шубу, отороченную соболями. На голове его шляпа из белого войлока, украшенная золотым ободком. Рядом с ажо восседали трое виднейших старейшин, деливших с ним власть в земле кыргызов. Они, как и ажо, были одеты в меховые шубы и шапки. Алт-бег кивнул слуге, и тот сложил к ногам ажо дары племени тюльбари: десять лисьих и три соболиных шкурки, колчан со стрелами, лук и клевец с серебряным наконечником, украшенным изображениями головы сокола и двух стоящих козлов.

— Ты хотел видеть меня, повелитель, — проговорил Алт-бег, — и вот

я оставил войско и явился к тебе.

Слова, долженствующие выразить повиновение воле ажо, прозвучали в устах Алт-бега, как обвинение вельможам, оторвавшим в самый трудный момент военачальника от войск. Старейшины беспокойно заерзали на своих местах.

— Говори, — кивнул ажо одному из вельмож.

— Тяжелые дни настали для народа нашего, почтенный Алт-бег, горькие дни! — начал вельможа. — Несметные полчища хуннов бросил на нас Чжи-чжи-каган. С ними идут и все подвластные ему племена. Посланы гонцы к хуннским наместникам в восточный Динлин к Меч-морю!

Алт-бег недовольно поморщился. Зачем старейшина так витиевато расписывает то, что ему, Алт-бегу, и без того известно. Ближе бы к делу!

— Народы ач и белиг устремились на север, — продолжал вельможа. — Напрягает последние силы в борьбе с врагом превосходный народ большар. Теперь даже ставка великого ажо вынуждена удалиться от Хиргис-нура! Только тюльбари пока еще в силах противостоять хуннам. Поэтому великий ажо повелевает тебе, Алт-бег, защищать наши земли до тех пор, пока последнее наше племя не уйдет в северные горы, а тогда уходить самому.

Гнев и презрение мелькнули в глазах Алт-бега. Разве не делал он все это время как раз то, что теперь «повелевает» ему ажо? А сам он — глава кыргызов — спасается бегством, прикрываясь племенем тюльбари!

«Знаю, — думал Алт-бег, — почему ты так внезапно появился возле моих кочевий. Ведь ты был бы не против захватить в заложники моих маленьких сыновей и племянников. Ты не прочь и меня самого посадить на цепь в своей юрте, если бы представился случай. Ты знаешь, что старший мой сын Алтамыш теперь не хуже меня управляется с войском и что он стал бы покорным тебе, если бы его отец попал в заложники. Всем вам не дает спокойно спать по ночам слава Алт-бега!» Но вслух он сказал:

— Все наши беды — от нас самих. Если бы каждое племя билось с врагом так же, как племя тюльбари, каган не посмел бы высунуть свое змеиное жало с Орхона!

Сановники поморщились. Вельможа открыл было рот, но его перебил решительный голос начальника телохранителей ажо:

— Не забывай, почтенный Алт-бег, что тебе противостояла лишь часть, пусть и самая сильная, хуннских войск! Другие племена тоже приняли на себя удар кагана. Не время спорить. Ныне тебе надлежит подумать о том, чтобы не чрезмерно ослабить себя в боях с хуннами. Помни о дороге в Динлин! Там не раз придется нам обнажить мечи.

— Что? — вскричал Алт-бег. — Война с динлинами?

— Путь наш лежит туда, — подтвердил начальник телохранителей, — с Орхона подходят все новые орды. Рано или поздно тебе, Алт-бег, придется последовать за нами. Кстати, подумай: в твоем войске много динлинов. Они составляют твою силу в войне с хуннами. Но не обратится ли эта сила твоей же слабостью на их родной земле? Подумай и о своих воинах ухуаньцах. Не станут ли они твоей силой там, на севере?..

И вот теперь, ворочаясь с боку на бок на своем ложе, Алт-бег вспоминал эти слова. Динлины, динлины! Смелые и хладнокровные, рассудительные и честные, прекрасные воины и мудрые советники. И во главе их этот Алакет, слава которого гремит по всей земле кыргызов! Алт-бега не тревожила слава его воинов и полководцев. Он знал, что на ней зиждется его собственная слава, подобно тому, как из отдельных пластов камня слагаются величественные горы. Но Алакет! Своими качествами он превосходит всех прочих сподвижников бега тюльбарийцев. Слава его гремит в степях наравне со славой Алт-бега. Молва об Алакете грозит затмить легенды о подвигах его повелителя! Алакет дерзает быть вторым солнцем на едином небе кыргызов! И в сердце Алт-бега росли тревога и гнев. Он, который бесстрашно кидался в гущу схватки на копья врагов, начинал опасаться собственного военачальника!

Но вот в тревожном сознании Алт-бега всплыли слова, сказанные им семь лет назад никому еще не известному тогда Алакету: «Моли духов, чтоб дружба наша с динлинами была вечной, ибо если ты так смел, как я думаю, в день, когда мы поднимем оружие против земли Динлин, ты распрощаешься с жизнью!»

Рывком отбросив медвежью шкуру, Алт-бег встал с ложа, накинул на плечи кожаный халат и хлопнул в ладоши. На пороге вырос коренастый воин кыргыз в косматой шапке, с копьем в руках.

— Позови Кенгир-бега!

Воин исчез. Через некоторое время в юрту вошел худощавый тюльбариец, похожий лицом на Алт-бега, но гораздо моложе. Это был брат повелителя Кенгир.

— Садись! — приказал Алт-бег. — Кенгир-Корсак, — продолжал повелитель, — война проиграна. Кыргызы хлынули на север, словно весенние воды с гор. Старый кабан ажо ушел с ними. Единственно, кто еще сопротивляется хуннам, это мы и племя большар. Но и большарцы истекают кровью в неравной борьбе. Ты сейчас собери самых верных людей и разошли к войскам. Пусть немедленно стягиваются к ставке. Идем на север, в Динлин. Динлинов мелкими отрядами разбросай по ближним и

дальним кочевьям и окружи превосходящими силами кыргызов. Чтобы, когда я прикажу их перебить, у нас не было хлопот с ними. И не забудь про Алакета. С ним надо покончить в первую очередь. А чтоб он не ускользнул, сейчас же пошли к нему в кочевье надежных людей, пусть захватят Мингюль с детьми. Тогда он не уйдет...

Внезапно взглянув в глаза брату, Алт-бег прочел в них боль и недоумение.

— Что с тобой, Кенгир? — резко спросил бег.

— Скажи, повелитель, почему мы подняли руку на динлинов, наших друзей? Почему я должен лишиться жизни Алакета, с которым столько раз сражался плечом к плечу?

Лицо Алт-бега стало грозным. Зеленоватые глаза не мигая впились в лицо Кенгира:

— Запомни, Кенгир-бег, тот, кто не приходит в чужую землю повелителем, приходит в нее рабом! Понял? Ну то-то! Делай, что тебе приказано. Да, не забудь про ухуаньцев. Их мы можем привлечь на свою сторону. Ты скажи им, что, покорив Динлин, мы освободим их соплеменников, которые томятся там в рабстве. Это может привлечь к нам и тех ухуаньцев, которые сейчас сражаются против нас в войсках Чжи-чжи.

Когда узкая белая полоска зари забрезжила в небе, между юртами южного кыргызского кочевья неслышно прошествовал небольшой караван. В центре катилась четырехколесная повозка, запряженная двугорбым верблюдом. На повозке стояла невысокая войлочная палатка. Сзади, высоко подняв головы, гордо вышагивали еще два верблюда, нагруженные дорожными припасами в кожаных мешках. Повозку и верблюдов окружали семь вооруженных всадников, каждый из которых вел в поводу запасного коня. Миновав последнюю юрту, караван вышел в степь. Тогда один из всадников поравнялся с человеком, ехавшим во главе каравана, и коснулся его плеча:

— Не обманут ли ты утренними звездами брат Алакет? Ведь наша родина на севере, а ты ведешь нас на юго-восток, навстречу хуннам. Ведь не у них же ты хочешь искать защиты от козней Алт-бега?

— Конечно, нет, брат Бандыр! Но думал ли ты о том, что после нашего исчезновения Алт-бег в первую очередь пошлет погоню на север, по дорогам в Динлин. Тем временем мы уйдем на юг, стараясь не попадаться на глаза хуннским отрядам, а потом сделаем круг и вступим на свой настоящий путь.

Бандыр умолк. В этот ранний час каждого из путников одолевали

тревожные мысли. Сзади каравана покачивалась на рыжем хуннском коне Мингюль. И мысли ее, словно теплые бесшумные птицы, кружились вокруг войлочной палатки на колесах, в которой, разметавшись на звериной шкуре, глубоким сном спали шестилетний Асмар, пятилетний Дунгу и трехлетняя Фаран. А рядом с Мингюль легкой рысью ехала жена Бандыра — стройная кареглазая Адах, которую Бандыр шесть лет назад сосватал в племени большар. Она тоже думала о маленьких близнецах — Ольбак и Тубаре, спавших в повозке рядом с детьми Алакета.

Воображению Бандыра рисовалось горное селение рода Орла, каким он оставил его семь лет назад, уходя вместе с Алакетом в неведомую страну кыргызов, ставшую теперь такой знакомой. Он думал о том, что Алакет усыновлен его старым отцом Куипом и что там, в Динлине, снова став Алакетом из рода Орла, он славой, добытой в южных степях, приумножит славу сородичей Бандыра, своих приемных сородичей. Ехавший за Алакетом старый Пантык, выходец из западного Динлина, наморщив и без того морщинистый, цвета красного камня лоб, думал о том, как лучше избежать хуннских отрядов и тюльбарийских разъездов, а молодые сыновья его Ильзас и Инын горячили резвых коней, мечтая о воинских подвигах. А главу каравана одолевали иные мысли. Напрягая память, он старался вспомнить, во все ли разбросанные по кочевьям динлинские отряды посланы гонцы с предупреждением о грозящей опасности?

Они должны передать всем живущим в земле кыргызов динлинам, чтобы те немедленно снялись с мест и тайными тропами уходили на север, а там, слившись воедино, они сами станут грозной силой. И местом сбора назначили первое динлинское селение на пути к кыргызам — селение рода Орла. Для того чтобы предупредить сородичей об опасности, Алакету пришлось разослать по кыргызским степям почти всех своих телохранителей, и теперь его маленький караван сопровождали только старый Пантык с сыновьями...

Это случилось всего день назад. Алакет и Бандыр сидели в юрте на ворохе шкур. Над пылающим очагом висели укрепленные на кольях глиняные сосуды, в которых Мингюль и Адах варили баранье мясо, пахучие травы и коренья. Дети играли у порога юрты.

— Ну, что ты думаешь обо всем этом, брат Бандыр? — спросил Алакет.

— О чем?

— Да вот последний приказ Алт-бега...

— Ну и что? С Орхона пришли к Чжи-чжи новые орды. Натиск хуннов

усилился. Вот Алт-бег и стягивает войска к ставке, чтоб откочевать на север...

— Я не об этом, Бандыр. Зачем он разделил динлинское войско на мелкие отряды и окружил их превосходящими силами кыргызов? Душа моя неспокойна...

— Верно. Это тревожит и меня, брат Алакет...

Возле юрты послышался топот копыт. Какой-то человек спрыгнул с коня и вошел в юрту.

— Мир хозяевам! — сказал он, поклонившись Алакету и Бандыру. — Дозвольте присесть путнику у вашего очага!

— Мир путнику, — ответил Бандыр, — юрта степняка всегда открыта для гостя. Мингюль, Адах, несите ужин!

Бандыр распорядился в юрте как старший по возрасту, и Алакет безропотно повиновался ему здесь, как сам Бандыр повиновался Алакету в степи, во время похода или в бою. Снова поклонившись хозяевам в знак благодарности, гость присел у очага. Он был в пыли и выглядел усталым. На нем ухуаньское платье, но он свободно говорил на языке динлинов. Лицо его, покрытое морщинами, обожженное степными вихрями, знакомо Алакету. Ну да, конечно. Впервые он встретил этого человека семь лет назад на пути в землю кыргызов. А второй раз этот загадочный динлин попал в ставку Алт-бега по пути к исседонам, куда он ехал посланником ухуаньских вождей. Тогда на совете тюльбарийских старейшин он с жаром уверял всех, что ухуаньцы и кыргызы, исседоны и динлины должны быть в нерушимой дружбе, ибо у всех у них один враг — хунны.

И слова эти тогда глубоко запали в душу Алакету, а теперь этот человек сидел возле их очага и ел вместе с ними вареную баранину, запивая ее хмельным напитком из ячменя. Дождавшись, когда Адах и Мингюль вышли из юрты звать детей, гость наклонился к Алакету со словами:

— Не случайность, а большое дело привело меня к тебе, почтенный. — И, оглянувшись, продолжал шепотом: — Кыргызы идут на север не друзьями, а завоевателями. Злые духи омрачили их мысли, сердца их запутались в кагановых хитросплетениях. Сами того не ведая, идут они к нам как союзники хуннов. Всем динлинам, которые живут сейчас в земле кыргызов, грозит опасность. Тюльбарийцы точат мечи, которые по первому слову бегского брата Кенгир-Корсака обрушатся на шею нашим сородичам!

Гость порылся в складках халата, достал оттуда бронзовый перстень, украшенный замысловатым рисунком, и подал его Алакету.

— Человека с этим знаком, — сказал он, — в любое время дня и ночи беспрепятственно пропустят во дворец правителя Эллея. Прощай,

почтенный Алакет. Постарайся предотвратить беду, и да поможет тебе владыка неба!

И вот маленький караван Алакета невидимо и бесшумно вышел в путь.

...Светало. Молочно-белые волны утреннего тумана поползли из оврагов, окутали горы и степь. В десяти шагах невозможно ничего разглядеть. Кустарники, придорожные камни, священные столбы с изображениями оленей выплывали из этой мглы призрачными массами перед самой конской мордой. Внезапно конь Алакета залиvisto заржал, вскинув голову. Из-за плотной завесы тумана раздалось ответное ржание. Алакет насторожился. Где-то рядом звякнула сбруя. И внезапно перед караваном вынырнули из белого облака силуэты трех всадников с копьями в руках. Сзади виднелась какая-то неопределенная масса, в которой Алакет угадывал вооруженный отряд.

Рука Алакета сама легла на рукоять клевца. Отступить было поздно. Он оглянулся. Спутники его сжали в руках клевцы и взяли копья наперевес.

— Кто идет? — спросил голос из тумана. Знакомый голос. Да ведь это Гюйлухой!

— Алакет? — спросил Гюйлухой, подъезжая ближе. — Не беспокойся! Здесь друзья!.. Я чувствовал, что дело неладно, — продолжал Гюйлухой. — Между нами стали шнырять люди Кенгир-Корсака, которые уверяли, что динлины — извечные враги Ухуаня, что мы теперь должны поднять оружие против них. Но разве можно нарушить дружбу, скрепленную кровью на полях сражений против общего врага? Разве можно забыть, что всем нам угрожают несметные орды Чжи-чжи-кагана?

И вот я здесь. Хочу разослать гонцов по ухуаньским отрядам, звать сородичей на борьбу с общим врагом... Я пошлю своих людей и к тем ухуаньским старейшинам, которые сейчас находятся в войсках кагана!

Алакет просиял:

— Ты верный друг, Гюйлухой. Передавай своим ухуаньцам, чтоб собирались на южной границе Динлина, в ущельях близ селения рода Орла.

Тут Алакет вытащил из кожаного мешочка у седла небольшой лоскут с затейливой тамгой, украшенной изображением бычьих рогов, орлиных крыльев, тигра и барса, и подал Гюйлухою:

— Если случится, — он строго взглянул на окружавших его динлинов и ухуаньцев, — что мы с Бандыром погибнем в пути, назначаю Гюйлухой главой всего нашего объединенного войска, пока динлины и ухуаньцы на общем совете не выберут нового военачальника!

— Не знаю, что и делать, — опустил голову Гюйлухой, — твой отряд, Алакет, слишком малочисленный, а со мной сейчас всего двадцать человек,

и их как раз едва хватит, чтобы разослать гонцов куда нужно...

— Делай то, что должно, — сурово сказал Алакет, — обо мне не думай.

— Нет, сын мой, — возразил Гюйлухой, — пусть все же двое лучших из тех, кто здесь, едут с тобой, Учжелэй, Таньшихай!

Двое воинов выехали из рядов.

— Вы присоединитесь к почтенному Алакету. Не посрамите чести Ухуаня!

И вот дружеские объятия, пожелания удачи в пути. Отряд Гюйлухоя и караван Алакета двинулись в противоположные стороны и растворились в туманной мгле.

На десятый день пути, когда привольные плодородные степи сменились голой полупустыней, где вместо густых трав росли на твердых потрескавшихся глинах хилая зелень и колючие кустарники, караван Алакета, сделав круг, повернул на север. Двигались ночью, избегая торных путей. Днем отдыхали в логах или между холмами. Костры старались разводить утром и вечером, когда туманы скрывали огонь от посторонних взглядов. Запасов сушеного мяса и муки, взятых на дорогу, было достаточно, но время от времени двое-трое путников отлучались в степь или на берега заросших тростником речек, чтобы раздобыть свежей дичи. Вот и теперь, захватив легкие метательные копья и луки со стрелами, Алакет и ухуанец Учжелэй погнали коней к берегу небольшой степной речки, куда уводили следы раздвоенных оленьих копыт.

Достигнув камышей, всадники спешили и, ведя коней в поводу, осторожно через зеленую чащу двинулись вдоль тропы, проложенной оленями к водою. Совсем близко послышалось журчание воды. Охотники стреножили коней и сели в засаде, держа наготове луки.

Голубело утреннее небо. Вспыхивали багряным заревом гребни дальних гор. Клочья тумана проплывали над зеленоватой гладью реки. Ветер тянул в сторону охотников. Чуткое ухо Алакета уловило легкий шелест вдали. Охотники замерли. Над зеленым камышовым лесом, покачиваясь, плыли раскидистые рога вожака оленьего стада. Теперь ясно слышался хруст камыша под копытом, чавканье приречной грязи, легкое похрюкивание. Все ближе стадо. Еще немного... Охотники натянули луки... но в этот миг что-то потревожило оленей. Вожак громко, предостерегающе фыркнул и, закинув на спину рога, метнулся с тропы. И все стадо бросилось вслед за ним в сторону, ломая камыши. Охотники тревожно озирались вокруг. Кто мог спугнуть оленей? Волки, тигр или...

Неужели люди? И как бы в подтверждение этой мысли на берегу реки послышалось ржание.

Учжелэй махнул рукой в степь. Оттуда мчался буланый конь, в котором Алакет без труда узнал одного из запасных коней своего каравана. Раздумывать было некогда. Алакет и Учжелэй птицами взлетели в седла и понеслись по направлению к лагерю. Буланый конь летел им навстречу, но всадника на нем не было. Однако, поравнявшись со скакуном, Алакет и Учжелэй увидели, что могучая гривастая шея скрывала за собой маленького Тубара — сына Бандыра. Лицо мальчика было белым, словно снег на вершинах гор.

— Ой-ой-ой, дядя Алакет! Ой-ой-ой, беда!

— Что, что случилось, Тубар?

— Ой, ой! Там... Там... Кыргызы!

Алакет почувствовал, как сердце, словно лишившись опоры, падало вниз. Покрытая желтоватой травой осенняя степь качнулась перед глазами. «Мингюль... Дети...» Глаза Учжелэя злоеще сверкнули. Припав к шеям коней, всадники бросились к лагерю. За ними на некотором расстоянии на могучем буланом следовал маленький Тубар.

Вот и лагерь. Но великие духи!? Что здесь было! На пути всадников, раскинув руки, лежал мертвый Инын со стрелюю в горле. Несколько в стороне ничком уткнулся в траву Таньшихай с раздробленным черепом. В центре стана лежала опрокинутая повозка. Куски деревянного каркаса и ключья войлока от разломанной и изорванной палатки тлели на углях разбросанного костра. Рядом послышался стон. Соскочив с коня, Алакет увидел в траве Бандыра, скрученного по рукам и ногам ремненным арканом и покрытого кровью с головы до пят. Мутный взгляд его устремлен в небо. Рядом яростно пытались освободиться от пут Ильзас и старый Пантык. Выхватив кинжалы, Учжелэй и Алакет принялись разрезать ремни. Освободившись, Пантык и Ильзас вскочили на ноги, но Бандыр не смог даже пошевелиться. Он был весь изранен. Ловкими движениями Учжелэй извлек из плеча и бока Бандыра обломки двух стрел и, разорвав на себе шерстяной халат, принялся перевязывать раны.

Тем временем старый Пантык с лицом, искаженным яростью и горем, задыхаясь, говорил Алакету:

— Их было много... Они навалились внезапно... Но мы сражались! И женщины тоже! Они увезли с собой не меньше десятка убитых, а многих мы ранили, Мингюль сражалась, пока не получила две раны. Тогда ее захлестнули арканом и сорвали с седла... Адах тоже. Мой сын и Таньшихай пали в самом начале боя. А Бандыра свалили последним. Меня и Ильзаса

тоже ранили, а потом арканами стащили с седел...

Алакет, объятый горем и ужасом, опустился на землю.

— Но каким чудом вы остались в живых? — допытывался Учжелэй, перевязывая Бандыра.

— Да, только чудом! — ответил старик. — Лучше бы это чудо погубило меня и спасло моего Инына! Во главе врагов стоял Кенгир-Корсак. Когда нас связали, он сказал: «Не троньте их! Убить брата Алакета и оставить в живых его самого, все равно, что ударить себя по шее мечом. Духи земли Динлин служат Алакету. Подумайте, как бы иначе он в двадцать лет мог совершить подвиги, равные тем, что славный Алт-бег совершал в сорок? Пока хоть один динлин находится на нашей земле, их духи присутствуют среди нас и могут нам вредить». А потом они взяли Мингюль, Адах и детей...

Алакет медленно встал. Глубокие складки залегли на лбу и в углах губ молодого полководца. Но вместо безысходного отчаяния на лице появилась отчаянная решимость.

— Братья, два коня у вас есть! — Он указал на буланого, на котором прискакал маленький Тубар, и коня Учжелэя. — Кроме того, вы можете изловить наших скакунов, которые разбежались по степи после битвы. Я вижу, что враги торопились и не успели их угнать.

Пантык кивнул.

— Так и сделайте, — продолжал Алакет. — Братья, похороните с честью павших! Почините повозку, положите в нее Бандыра и ступайте на родину. Будьте всегда едины и отомстите врагам за все...

Он снял бронзовый перстень и надел на палец Пантыка.

— А мой путь лежит теперь на юг в логово врагов. Не знаю, вернусь ли...

— Алакет, куда ты! — бросился к нему Пантык. — Не поступай безрассудно, сын мой!

Но Алакет вспрыгнул в седло. Конь, направляемый твердой рукой, встал на дыбы и, повернувшись, понесся в степь.

Тяжело вздохнув, Учжелэй пристально посмотрел в глаза Пантыка:

— Прости, отец. Не хотел я покидать тебя, но почтенный Гюйлухой приказал мне всюду следовать за Алакетом и оберегать его. Оставайся с миром!

Вздохнув, Пантык покачал головой, потом обернулся к Ильзасу:

— Возьми-ка у Тубара скакуна и отправляйся в степь ловить коней!

А тем временем Алакет мчался на юг. Стройный степной скакун то сивал крепкие ноги в кольцо, то вытягивался в воздухе подобно летящей

стреле. Горячий воздух бил в лицо Алакета. Вдруг динлину послышался за спиной приближающийся топот. Он оглянулся на скаку и увидел догоняющего его Учжелэя.

— Зачем ты здесь? — бросил сквозь зубы Алакет. — Почему ты не с нашими?

— Почтенный Гюйлухой, — ответил, задыхаясь, ухуанец, — строго приказал мне и моему погибшему другу не покидать тебя. И я теперь держу ответ не только перед начальником, но и перед духом славного Таньшихая!

Алакет ничего больше не сказал, и оба всадника продолжали путь рядом. И вот вдали перед ними замаячили копыта отряда кыргызов. На первый взгляд их было около тридцати. Между стройными всадниками на коренастых степных конях покачивались горбы трех верблюдов из каравана динлинов.

У Алакета перехватило дыхание: ведь где-то там, между этими свирепыми стражами, едут привязанные к седлам Мингюль, Адах, дети...

А в отряде заметили погоню. От массы воинов отделились трое всадников и поскакали навстречу Алакету и Учжелэю. Когда между обеими группами осталось не более сорока шагов, вперед выехал молодой черноусый кыргыз и, подняв руку, закричал:

— Эй, Алакет! Почтенный Кенгир-бег велел сказать тебе, что если ты силой или хитростью попытаешься освободить пленных, они будут перебиты в тот же миг! Отдай нам оружие и поезжай с нами в ставку на суд Алт-бега.

— Хорошо! — ответил Алакет. — Я еду в ставку. Но я буду там раньше вас. И оружия вам не отдам. А вы помните, что если в пути хоть волос упадет с головы ваших пленников, волки растащат кости виновных по степи!

И, стегнув коня, он вихрем пронесся мимо отряда тюльбарийцев.

Когда Кенгир-Корсаку передали слова Алакета, он смолчал и только покачал головой, но про себя подумал: «Я чувствую, что все это не приведет к добру. Лучше бы Алт-бег отпустил этих динлинов...»

Ранним утром старый Кюль-Сэнгир услышал приближающийся к своей юрте конский топот. Выйдя на порог, он прищурил единственный глаз, вглядываясь в степь. С севера скакали один за другим двое всадников. Вот они совсем близко. Не может быть!?

Глаза переднего всадника горят отчаянной решимостью. Белокурые волосы вьются по ветру. В руке зажаты два легких метательных копыта.

Расставив руки, Кюль-Сэнгир бросился навстречу:

— Алакет! Куда ты! Стой!

Но послушный руке Алакета скакун присел на задние ноги и, сделав прыжок, словно птица, перелетел через голову тюльбарийца. Старик отскочил в сторону, дав дорогу второму всаднику. Потом сокрушенно покачал головой и, ворча что-то в седые усы, бросился в юрту.

Алт-бег собирался объехать ставку, чтобы посмотреть, все ли готово к большой перекочевке на север. Вместе с ним были в юрте старший сын Алтамыш и несколько телохранителей. Он только что собирался выйти из юрты, когда рядом раздался стук копыт, вслед за тем распахнулся полог и на пороге выросла грозная фигура прославленного динлина. Вслед за ним в юрту ворвался вооруженный ухуанец. Пораженные телохранители отступили к стене. Алтамыш растерянно опустил на ковер. Казалось, даже невозмутимый Алт-бег смутился неожиданным появлением такого гостя. Но в следующую минуту ядовитая усмешка тронула тонкие губы повелителя тюльбарийцев:

— А, явился! Сам явился! Что скажешь своему главе, почтенный Алакет?

— Алт-бег, — глухим голосом произнес Алакет, — прикажи отпустить мою семью!

— Ты только за этим приехал? — продолжал усмехаться Алт-бег. — А может быть, ты еще прикажешь вернуть тебе твоё войско, чтоб оно с почетом проводило тебя на родину?

— Алт-бег, — голос Алакета дрогнул, — если хочешь, возьми мою жизнь, но отпусти Мингюль и детей!

— Ах, вот как ты заговорил! Великий динлин! Боевая слава земли кыргызов! Понял теперь, что без Алт-бега ты ничто? Я знал, что твоя неестественная страсть к одной женщине приведет тебя в мой шатер. Я не пощажу ни тебя, ни твоих детей. От тигра рождается тигренок! А твоя единственная, твоя неповторимая Мингюль станет моей наложницей... Одной из многих... Такой, как все!

— Алт-бег, — в голосе Алакета зазвучал металл, — я не просить тебя пришел! Я пришел требовать! Знай, за жизнь Мингюль я возьму твою собственную жизнь!

— Что же это, отец? — вскочил с ковра опомнившийся Алтамыш. — Он смеет грозить нам! — и, вскинув лук, он пустил стрелу в грудь Алакета, но, отбитая точным ударом клевца, она вонзилась в войлочную стену юрты. В ту же минуту спустил тетиву Учжелэй, целя в грудь Алт-бега. Но и его стрела изменила путь, отбитая не менее точным ударом бегского меча.

— Видишь! — прошипел Алт-бег. — Не так легко взять мою жизнь! Я владею оружием не хуже тебя... Эй, телохранители! Взять его!

— Алт-бег, — раздался суровый голос позади Учжелэя и Алакета, — ты владеешь оружием не хуже его, но не умеешь владеть сердцами так, как он!

Все невольно оглянулись на говорившего. На пороге юрты застыла величавая фигура старого военачальника Кюль-Сэнгира. Только теперь те, кто был внутри юрты, услышали глухой гул, нарастающий за ее стеной. Откинулся полог. За пологом бушевала толпа кыргызов. Седоусые старики, зрелые во цвете лет воины, безбородые юноши протискивались в юрту, пока не заполнили ее всю. А гул за стеной все нарастал. Ошеломленный Алт-бег отступил к помосту. Телохранители, скрестив копья, пытались оттеснить толпу от правителя. Кюль-Сэнгир, протиснувшись к помосту, встал рядом с Алт-бегом.

— Люди! — воскликнул старый военачальник. — Все мы знаем подвиги Алакета, которые он совершил, защищая от хуннов землю кыргызов. Многие из нас и из семей наших обязаны ему жизнью! Так неужели не заслужил он права вернуться к себе на родину, а если небу угодно будет посеять вражду меж нами, встретить нас в честном бою?

— Верно! — раздался голоса. — Свободу Алакету!

— Люди! — продолжал Кюль-Сэнгир. — Алт-бег повелел уничтожить динлинов на нашей земле. Но все мы знаем, сколько кыргызских родов и отдельных кыргызов живет в динлинских горах. А ведь если мы коварно перебьем наших боевых друзей, которые пока делали для нас только добро, динлины в своей земле поступят так же с нашими сородичами!

— Верно! — гремела толпа. — Свободу Алакету! Свободу динлинам!

— Замолчи, безумный старик! — вскричал Алт-бег, обнажая меч. — Эй вы! Вон из юрты! — Страшные зеленые глаза главы племени впились в лица наполнявших юрту людей.

Но в ответных взглядах Алт-бег прочел вместо привычной преданности и покорности что-то неодолимое и враждебное. Внезапно он отметил, что в толпе нет никого из родовых старейшин.

— Алт-бег, — проговорил Кюль-Сэнгир, не отводя своего единственного глаза от разъяренных бегских глаз, — помни, что воля племени священна! Не забудь судьбы своего почтенного предка Ильбарса!

Рука бега внезапно дрогнула. Пальцы разжались. Меч, глухо звякнув, упал на помост. Алт-бег опустил глаза... Ильбарс! Прославленный военный вождь тюльбарийских родов. Ему первому в племени удалось окружить себя постоянной дружиной, которая получала в походах львиную

долю добычи и делила ее со своим главой. В победоносных набегах против соседей росла слава Ильбарс-бега. Старейшины родов поддерживали его, как он поддерживал их власть, стараясь вместе с ними сделать ее наследственной. Властный характер Ильбарса и нежелание считаться с волей народных собраний племени привели к восстанию против него. Ильбарс погиб. Но силами старейшин, объединившихся с дружиной бега, на белую кошму военного вождя был посажен младший брат Ильбарса Тархан-Алт — прадед Алт-бега. Так сохранилась власть бега в роду и семье Ильбарса. Сын Тархан-Алта победоносными походами против соседей поддержал пошатнувшийся было престиж семьи отца. Внук Тархана, опираясь на старейшин, осторожно, исподволь начал укреплять свою власть внутри племени. Но только при Алт-беге тюльбари стало сильнейшим племенем среди кыргызов и одним из влиятельнейших племен к северу от хуннов. И вот теперь слава и власть Алт-бега, копившаяся годами, может пойти прахом из-за этого выскочки-динлина!

Алт-бег снова окинул взглядом собравшихся в юрте тюльбарийцев:

— Люди племени тюльбари! Помните, сколько раз я водил вас против наших врагов. Сколько добычи привозил каждый тюльбариец с собою из походов! Сколько лет хуннские каганы не смели показаться у священных вод Хиргис-нура! — Он опять взглянул вокруг. Взгляды людей потеплели, но все еще оставались настороженными. «Хорошо же! Пусть будет так!»

— Люди! Я всегда считал священной волю племени! Правда, я ни разу не созывал народного собрания, но я всегда чувствовал биение ваших сердец. Я хотел возвысить вас перед всеми прочими племенами и потому был всегда суров к вашим оплошностям и беспощаден к вашим врагам! Племя желает, чтоб я даровал свободу Алакету и дал возможность динлинам уйти на север. Пусть будет так! Пусть Алакет возьмет семью и уходит куда хочет. Так желает племя. Воля племени священна. Но если племя ошибется, не спрашивайте с Алт-бега! Я выполнил вашу волю.

Кюль-Сэнгир подошел к Алакету и взял его за руку.

— Идем, сын мой. Самое страшное уже позади.

В это время Алтамыш положил руку на плечо одному из телохранителей и громко воскликнул:

— Слава Алт-бегу справедливому!

— Слава Алт-бегу! — откликнулся воин.

— Слава Алт-бегу! — подхватили телохранители в разных местах юрты.

— Слава Алт-бегу! — раздались голоса в толпе.

И скоро вся ставка гремела могучими, как ураган, возгласами: «Слава справедливому! Слава!..»

«Хорошо, — подумал Алт-бег... — Пусть и это мое поражение послужит укреплению моей славы».

Глава XVI

Алакет на родине

Свинцовые осенние сумерки сгущались над степью. Ветер со свистом и воем вырывался из горных долин, гулял на степных просторах, сдувая первый снег с окаменевшей земли. Из-под тонкого серовато-белого покрова торчала щетина жесткой желтой травы. Тонкая кромка льда, одевшая придорожные лужи, со звоном ломалась под копытами.

По равнине у подножия уходившей вдаль горной гряды широкой длинной лентой тянулось ощетилившееся копьями войско Алакета. Среди вытянутых горбоносых лиц динлинов мелькали широкие лица ухуаньцев. А сзади двигалось необъятное море коровьих и овечьих, верблюжьих и оленьих стад, скрипели повозки с войлочными палатками. Здесь ехали на повозках и верхом женщины, дети, самые дряхлые из стариков. Свирепый колючий ветер забирался под халаты и шубы, заставлял всадников ежиться в седлах. Но люди с наслаждением вдыхали холодный воздух. Ведь это был воздух родины, которым многие из них не дышали долгие-долгие годы! Разные судьбы забросили этих людей в землю кыргызов. Иные пришли на юг в поисках богатой добычи. Другие (их было больше) — военной славы в борьбе против хуннов. Но больше всего было тех, кто бежал от своих князей и старейшин, спасаясь от притеснений и кабалы. Были здесь и обломки некогда могущественных племен и родов, разгромленных во время междоусобных войн и вынужденных оставить свои владения победителям. Кое-кто жил среди кыргызов всю жизнь, и отцы и деды жили в земле кыргызов. Но и эти испытывали радостное и торжественное чувство, вступив на землю пращуров.

Позади оставались серые саблевидные изваяния каменной матери, высокие бугры курганов, древние могилы предков динлинов, лишенные насыпей и отмеченные лишь слегка выступающей над землей песчаниковой оградкой да красными каменными столбами по углам. Проезжали мимо селений. Люди выходили из деревянных, покрытых берестой, словно вросших в землю, домов. С недоумением и опаской посматривали на многочисленные военные отряды. Иногда главы родов заранее высылали в степь вооруженные разъезды узнать, что за неведомое войско движется с юга. А затем в стане появлялись князья и старейшины. Их принимал в белой войлочной палатке военачальника бледный и

похудевший, еще не вполне оправившийся от ран Бандыр. Угощал гостей бараньим и верблюжьим мясом, поил ячменным напитком и, пристально глядя в глаза собеседников, вел разговор:

— Тяжкие времена наступают, почтеннейшие. Ажо кыргызов, спасаясь от хуннов, войною идет в Динлин. А следом за ним движутся неисчислимые орды Чжи-чжи-кагана. Потому-то мы и покинули южные степи. Готовьтесь, почтеннейшие, защищать родину от нашествия!

И войско шло дальше. А там, где оно прошло, спешно начинали ковать кинжалы и наконечники копий, отливать в глиняных формах бронзовые клевцы и острия стрел, чинить и укреплять каменные стены и земляные валы. Женщин и детей, скот, ценное имущество отправляли в дальние горы, в неприступные ущелья, под защиту укреплений. Старики начинали усиленно обучать молодых воинов стрельбе из луков, метанию копья и искусству рукопашного боя. А слух о пришельцах-динлинах, опережая их, подобно степному ветру и быстрокрылой птице, летел дальше и дальше на север. И говорили, что могучее войско выходцев с юга ведет Бандыр из древнего рода кузнецов, литейщиков и рудокопов. А имя Алакета, едва достигнув земли Динлин, было окутано, словно надежной броней, строгой тайной. Такова была воля полководца. Алакет опасался, что если на земле племени Огненного Кольца кто-нибудь узнает в нем бежавшего сына Хангэя из рода Быка, это приведет к кровавым распрям именно тогда, когда надо слить воедино силы всех родов и племен.

К ночи передовые отряды Алакета во главе с самим полководцем подошли к горам, за которыми начинались владения рода Оленя. В кромешной тьме за косыми струями снежной крупы угадывались массивные очертания каменной стены, преграждавшей проходы в долину. Изредка бросал в степь мутный неверный свет факел в руках стражника на стене. Алакет, ехавший впереди воинов, направил коня вдоль стены, но на значительном расстоянии от нее. Всадники бесшумно последовали за ним. Спина Алакета ощущала теплое дыхание коня Мингюль, которая, подобно многим динлинским и кыргызским женщинам, на этот раз сопровождала мужа в походе. Вскоре перед всадниками выросла отвесная громада горы. У подножия она заросла густым кустарником. Туда-то и направил коня полководец. Конь сделал несколько шагов и осторожно опустил копыто на узкую тропу. Тропа эта шла под кручами и выводила путника в долину в обход стены. Дорогу эту знали только люди племени Огненного Кольца.

Теперь в полной темноте Алакет двигался по тропе с помощью чутья, свойственного жителям степей и гор, отважным охотникам и неутомимым скотоводам. Едущие за ним гуськом всадники ориентировались по чутью

слышному шороху камней, запаху конского пота и тому же чутью, с помощью которого нащупывал тропу Алакет. Нервы и мускулы напряжены до предела, и это напряжение передавалось от людей коням и от коней людям. Но вот воины облегченно вздохнули. Отряды вышли на гребень горы, оттуда начинался широкий пологий спуск в селение.

Динлины остановили коней, ожидая приказа полководца. А он, выехав вперед, напряженно вглядывался в окутанную ночью мглой долину. Ничего не было видно, только временами мутными пятнами проглядывали два-три огня далеких костров. Но и не видя, Алакет прекрасно знал, что вон там, левее, в центре селения возвышается коническая крыша дома старейшины рода Оленя. Чуть поодаль впереди укрылось за высоким частоколом жилище старого шамана по прозвищу Великий. Имя же его не дозволено произносить непосвященным. А еще дальше через несколько домов притаилось змеиное гнездо Угуня. Там жила, — а может быть, живет и сейчас? — его сероглазая красавица-внучка, бывшая, правда, не по своей воле, соперницей Мингюль, там живет и ее отважный, самолюбивый и жестокий отец Идат, убийца брата Мингюль — Умахета.

И Алакет почувствовал, как в сердце его нарастает гнев на это селение в долине между двумя рядами гор. В его жилах продолжала кипеть и kloкотать горячая кровь рода Быка, несущая жажду мести за древние обиды. Да! Теперь эта месть возможна! Только передовые отряды его войска достаточно многочисленны, чтобы внезапным ударом смести весь род Оленя с лица земли. Воины преданны своему главе. По единому слову Алакета они ринутся в бой не спрашивая, куда он их ведет. Ни разу со времени хуннского нашествия такие силы не нависали грозовой тучей над извечным противником рода Быка...

И тут в разгоряченной голове Алакета возникли скорбное изможденное лицо старика Соура, разоренного хуннами, ставшего неоплатным должником старейшины, лица его сыновей... Вспомнился рассказ дяди Паана о том, как Соур требовал выдачи Идата на суд рода Быка... Нет, люди рода не виноваты в этой вражде... Надо только уничтожить семьи старейшины и Угуня. Тогда мир придет на земли обоих родов.

Но сейчас не время для этого. Сейчас ни один динлин не смеет проливать кровь другого динлина! Родина в огне! Месть надо отложить до поры, пока Динлин окажется в безопасности! Если даже мы не успеем решить наших споров, то это сделают за нас наши дети или внуки...

Ударили первые морозы. Великая река замерла, скованная вздыбленными ледяными утесами. Котловину вокруг ставки Эллея покрыли снега, но овеваемые ветром горы по-прежнему показывали из-под тонкого белого налета желтые пятна сухой травы и красные пласты обнаженной породы. В степи на расстоянии одного дня пути от ставки раскинулся лагерь войска Алакета. Между рядами разноцветных кибиток горели огни походных костров. Стада коров, верблюдов, косяки лошадей бродили вокруг, разгребая копытами снег в поисках травы.

От лагеря по направлению к ставке двигалась легкой рысью группа всадников. Впереди ехали десять телохранителей Эллея в железных с перьями шлемах. За ними следовали Алакет, Бандыр и Гюйлухой и десять воинов Алакета. Их сопровождал пожилой вельможа Эллея в лисьей шубе и меховом треухе. Отряд замыкали еще десять телохранителей наместника. К вечеру достигли земляного вала. Тяжелые створы деревянных, окованных железом ворот были сомкнуты. На валу толпилась вооруженная стража. Несмотря на сообщение о приближении дружественного войска, Эллей из осторожности распорядился остановить выходцев из кыргызской земли на почтительном расстоянии от ставки.

Крепостная стража получила приказ приготовиться к обороне. По знаку вельможи ворота распахнулись, пропустили прибывших и снова захлопнулись. Вельможа повел гостей ко дворцу. И вот наконец трое полководцев расположились на мягких узорных коврах в том самом зале, где семь лет назад ожидал аудиенции у наместника злополучный Узун-Дугай. Скрипнула дверь с бронзовыми масками рогатых духов, и на пороге появился вельможа, который сопровождал Алакета и его друзей во дворец. Теперь на нем был роскошный шелковый халат, а на голове вышитая повязка.

— Славный полководец динлинского войска почтенный Бандыр из рода Орла! — торжественно начал он.

Бандыр встал с места и с поклоном проговорил:

— Теперь я должен открыть уважаемому, что не я глава войска, а мой брат Алакет.

И в ответ на недоумевающий взгляд пояснил:

— По известным лишь ему причинам наш славный полководец пожелал, чтобы о нем не было известно на земле Динлин, пока мы не достигнем ставки правителя.

Алакет поднялся с ковра и, подойдя к вельможе, показал ему бронзовый перстень с рисунком. Последствия оказались совершенно неожиданными. Вельможа широко раскрыл глаза. На лице его появилось

неподдельное изумление, и с быстротой, неожиданной при его важности и полноте, он скрылся за дверью. Полководцы удивленно переглянулись. Но они не успели сказать и двух слов, как вельможа появился снова. Но куда девались его неприступная важность и холодное достоинство! Низко кланяясь, он заговорил скороговоркой:

— Почтенный правитель велел сказать, что примет вас не в тронной комнате, а в своем внутреннем покое. Прошу вас, почтеннейшие!

Следуя за вельможей, полководцы миновали длинный лабиринт переходов и вошли в небольшую комнату, устланную циновками. Посредине стоял черный столик с чашками, наполненными кобыльим молоком, и деревянное блюдо со сладостями. Алакет обратил внимание на роспись стен: крылатый грифон преследует бегущего оленя, барс вскочил на спину горному козлу и терзает его когтями. У стены на глинобитном возвышении сидел полный пожилой степняк с живыми черными глазами и усами, тронутыми сединой. Подальше, в углу, сидел молодой высокий сановник-динлин.

— Почтенный правитель, — склонился вельможа перед полным, — согласно повелению я привел почтенных гостей!

— Хорошо! — бросил Эллей. — Можешь идти! — и жестом пригласил гостей садиться.

— Итак, — приветливо обратился наместник к динлинам, — имя достойного военачальника — Алакет из рода Орла?

— Да! Так называют меня, — отозвался Алакет.

И с этими словами он обнажил татуировку на груди, по которой можно было судить о многочисленных боевых подвигах. Однако он прикрыл лапами халата изображение бычьих рогов. На лицах Эллея и советника появилось крайнее удивление.

— Смотри-ка, Тымак, — обернулся Эллей к приближенному, — так вот какого славного воина прислал к нам Кайгет. — И добавил, обращаясь к Алакету:

— Мы много слышали о тебе, юный динлин! Ты мог бы стать гордостью своих сородичей. Скажи, что заставило тебя покинуть родину?

— Такова была воля богов, — Алакет, вздохнув, опустил голову, — дозвожь, почтенный правитель, не говорить о причине моего ухода на юг. Достаточно и того, что на чужбине я остался верен родной земле. А сейчас прими наше войско в свои ряды, чтобы мы со всем народом нашим участвовали в защите Динлина!

— Так, — кивнул Эллей, — хорошо! А теперь расскажи нам, сын мой, что происходит на юге.

И Алакет рассказал о нашествии Чжи-чжи, о движении кыргызских племен в Динлин, о планах кагана, ажо, Алт-бега.

— Так, — сказал Эллей, когда Алакет кончил свой рассказ, — ты теперь будешь одним из моих старейшин и советников. И сейчас я хочу знать, думал ли ты, как лучше предотвратить беду?

— Думал, почтенный. Прежде всего нужно добиться мира и единства с кыргызами, ибо расчет кагана — на нашу вражду. Если ажо и беги не пойдут на мир, надо обратиться к народу, чтобы он принудил их объединиться с нами. В этом нам помогут те кыргызы, которые давно живут на нашей земле. Но именно поэтому надо строго следить за старейшинами наших родов, чтоб они не начали враждебных действий против динлинских кыргызов.

— Так, — склонил голову Эллей, — это все?

— Нет, правитель. Надо вступить в дружбу и родство с ближними и дальними племенами, которые терпят от хуннов притеснения и готовы выступить против них. Нужно послать гонцов к исседонам и ухуаньцам. И еще: многие ухуаньцы страдают в динлинской неволе, многие динлины стонут в ухуаньском рабстве. А ведь путь наш един. И сейчас, когда каган огненным драконом подобрался к самому порогу нашего жилища, было бы разумно, чтобы князья наших племен и старейшины родов освободили рабов-ухуаньцев с тем, чтобы ухуаньцы освободили рабов-динлинов. Тогда, правитель, число воинов, идущих против кагана, увеличится во много раз!

Оглянувшись, Алакет увидел, каким восхищением горели черные глаза Гюйлухоя. Эллей нахмурился:

— Мысли твои разумны, сын мой. Они сделали бы честь и седой голове. Но боюсь, что освобождение рабов-ухуаньцев встретит сопротивление со стороны их хозяев... К тому же освободить хотя бы часть рабов — это значит ослабить устои государства... Так. Сейчас пусть наши гости отдохнут с дороги, а я подумаю над твоими словами, Алакет из рода Орла...

Когда дверь за прибывшими захлопнулась, Эллей несколько раз быстро прошелся по комнате, а затем остановился перед поднявшимся с места Тымаком:

— Слушай, Тымак, сейчас же пошли гонца на юг к Кайгету. Пусть немедленно едет к исседонам и заключит с ними союз. Когда он выполнит это поручение, он может снова прибыть ко двору. Семь лет он жил среди южных племен, подвергая свою жизнь опасности. Он сослужил нам большую службу и полностью искупил проступок, когда по недосмотру во дворец вошли вооруженные люди Дугая. Теперь он может быть прощен.

Так. В Ухуань надо послать этого полководца-ухуаньца. Кажется, его зовут Гюйлухой? Так? Он, видимо, предан, если не нам, то Алакету во всяком случае. Этого достаточно. А к кыргызам пусть едет сам Алакет. Он долго жил среди них, хорошо их знает. К тому же он славен среди них как их герой. Но раньше надо созвать во дворец всю динлинскую знать, какую окажется возможным. Будет совет. Вот так!

В тронной комнате собрался совет вельмож. В центре зала, на возвышении, под балдахином гордо восседал Эллей, над которым слуги держали церемониальные зонты и опахала. Вдоль стен расположились князья и старейшины ближайших к ставке динлинских племен и родов. На них сияли всеми цветами радуги халаты, покачивались украшенные драгоценностями пернатые диадемы, охватывали головы шитые золотом и серебром шелковые повязки. Местами сияющий ряд вельмож прерывался неподвижными фигурами воинов в медных и железных шлемах с хвостатыми копьями в руках. Эллей только что кончил говорить. С места поднялся Тымак с длинным жезлом.

— Слушайте, князья и старейшины! Вельможи земли Динлин! — воскликнул он, подняв жезл. — Только что вы узнали из слов почтенного правителя о том, что происходит на юге! А сейчас скажет свое слово глава войска кыргызских динлинов почтенный Алакет из рода Орла.

Гул прошел по залу, когда встал молодой полководец в роскошном халате — подарке Эллея. Десятки лиц, невозмутимых и настороженных, надменных и заискивающих, повернулись к нему. И вдруг Алакет замер, впившись глазами в двух людей у дальней стены зала. Там сидел с холодным и спокойным лицом седой как лунь князь племени Огненного Кольца, а рядом возвышалась огромная, словно статуя, фигура княжеского родственника Дугундэя. Но тут же пришла мысль: ведь ни князь, ни Дугундэй не знают его, Алакета, в лицо. Значит, опасаться нечего. И Алакет начал. Он заговорил негромко, но с такой внутренней силой, что все присутствующие замерли, ловя каждое слово молодого военачальника:

— Князья и старейшины! Правители земли! Отцы народа Динлин! Снова грозные тучи собрались над родиной. И я хочу посоветовать, как избежать беды. До сего дня мы были сильны дружбой с кыргызами, как и они были сильны дружбой с нами. Поэтому любой ценой надо вновь добиться единства с этим народом!

— Нет! — рванулся с места молодой князь племени Белого Посоха. — Я отвергаю позорный мир с теми, кто покушается на наши владения! Смело ударим по врагу, и пусть наши воины сокрушат и втопчут в землю

кочевья кыргызов!

— Верно, — отозвался густым басом Дугундэй, — но сначала надо уничтожить и тех кыргызов, что живут на нашей земле! Не то в самый опасный и трудный момент они ударят нам в спину!

И тогда Алакет весь подобрался, словно тигр, готовый к прыжку, глаза его загорелись гневом.

— Тише! — крикнул он, перекрывая голоса вельмож. — Вы, кто не видит дороги дальше ушей своего коня! Вы, неразумное стадо, вытаптывающее на пастбище траву, которой питаетесь! Да знаете ли вы, что лишь благодаря кыргызскому народу мы, кыргызские динлины, избежали меча, занесенного над нами рукою ажо и бегов? А вы хотите отплатить за это избиением кыргызских родов на нашей земле! Или вам непонятно, что каган денно и ночью молит своих богов, чтобы мы перегрызлись с кыргызами, словно бешеные псы? Хотите, как ничтожная пыль, лететь по ветру, пущенному правителем хуннов?

Между тем князь племени Огненного Кольца пристально смотрел в лицо Алакету. Какие-то давние воспоминания шевелились в его мозгу. Но вот глаза его удивленно раскрылись, и бледные губы непроизвольно прошептали:

— Это он!

— Кто? — не понял Дугундэй.

— Он! — повторил князь. И, помолчав, добавил: — Дух Хориана!

— Как?! — отшатнулся в ужасе Дугундэй.

— Да, да! — продолжал князь. — Я помню его молодым и узнаю его, это он. Он вторично явился среди нас. Но только... только... или его сородичи плохо соблюдали погребальные обряды, когда хоронили его, или духи земли Динлин гневаются на род Быка, или шаманы рода Орла

хитростью присвоили его душу! Ведь при втором рождении дух его должен был вселиться в мальчика из рода Быка, а ведь ты слышал: он из рода Орла. Но это Хориан. Ты слышал о его подвигах в земле кыргызов? Среди динлинов лишь старик Хориан мог совершить такие дела! — И князь пристально взглянул в лицо Дугундэя. Но тот молчал, ошеломленный чудом, совершившимся на его глазах. Зато сидевший слева от князя старейшина рода Козла что-то быстро зашептал на ухо седобородому князю племени Большой Воды. Тот вздрогнул, а затем пробормотал:

— Истинно! А я-то никак не мог сообразить, почему мне так знакомо его лицо! Да, это он! Таким я его помню, когда он говорил с народом или на совете князей... — и совсем шепотом добавил: — Он был человек мятежный. Враждовал с большими людьми. Но в час испытания никто не умел лучше него отвести беды от Динлина! Народ его любил и пел о нем песни. А то, что теперь он явился среди нас, когда страна в опасности, — это знак, что он послан самим владыкой неба! Нельзя сейчас противоречить ему, ибо его устами говорит воля духов-хранителей нашей земли.

И передаваемая вполголоса и шепотом удивительная весть поползла по залу. А не подозревающий ни о чем внук Хориана тем временем продолжал:

— Нужно послать гонцов к исседонам и в Ухуань и заключить с ними дружбу и родство!

Теперь вельможи согласно закивали головами.

— Нужно закрепить союз с ними и усилить наше войско, освободив рабов-ухуаньцев в обмен на рабов-динлинов из Ухуаня!

— Что? Разрушить опору нашей власти? Освободить рабов? — взревел, снова вскакивая с места, князь племени Белого Посоха. — Не бывать этому!

Но князь племени Большой Воды резко дернул его за полу халата и зашептал:

— Мальчишка! Молчи! Навлечешь беду! Это ж дух Хориана!

Ноги молодого князя подогнулись, и он безвольно опустился на место, забыв закрыть рот и ошалело моргая глазами. А гордо восседавший посреди зала Эллей, скрывая удивление под маской безразличия, ломал голову над загадкой: почему это своевольные вельможи, так враждебно встретившие вначале речь Алакета, теперь слушают его с суеверным подобострастием.

Яркое зимнее солнце сияло над горами. Как часто бывает в этих местах, оно не принесло с собой мороза. В воздухе пахло оттепелью. По

узкой долине, разбрызгивая копытами мокрый снег, быстрой рысью двигался конный отряд. Дорога шла под уклон. Ранним утром оставили эти люди селение рода Орла и теперь торопились на юг. Впереди в теплых меховых зимних халатах ехали Алакет, Бандыр и рыжебородый Тубар из рода Орла. Рядом с ними горячил буланого коня Ак-Тегин — старейшина одного из родов динлинских кыргызов. Как у всех людей его племени, у него широкие скулы, продолговатый разрез глаз. Но голубой цвет зрачков и рыжие волосы свидетельствовали о примеси динлинской крови, унаследованной им от матери. За предводителями следовал сильный отряд вооруженных динлинов и динлинских кыргызов. Но вот спуск кончился. Дорога снова пошла в гору. Кони замедлили бег, постепенно переходя на шаг. Дальше горы сдвигались, стискивая долину и образуя ущелье с узкой тропой. Проехав еще несколько шагов, всадники наткнулись на невысокий завал из лиственничных и еловых стволов и груды камней. Из-за прикрытого снежной шапкой красного утеса вылетела стрела, и резкий голос прокричал на тюльбарийском наречии:

— Эй, стойте! Что вам нужно?

Всадники сдержали коней. Вперед выехал Ак-Тегин и, приставив ко рту сложенные руки, начал кричать по-кыргызски:

— Люди, слушайте! Говорю я, старейшина Ак-Тегин! Мы пришли с миром! Позовите вашего начальника!

— А почему с тобой вооруженный отряд?! — отозвался голос из-за завала.

— Время беспокойное! — прокричал в ответ Ак-Тегин.

Вероятно, недоверие воинов, охранявших завал, несколько уменьшилось. По крайней мере, из-за камней и бревен показались широколицые и узкоглазые головы в остроконечных меховых шапках.

— Кто еще с тобой, старейшина? — спросила седоусая голова с медным кольцом в правом ухе.

— Со мной люди рода Орла и почтенный Алакет. Все они идут с миром...

Но едва старейшина произнес имя Алакета, как все головы мгновенно скрылись за завалом, а голос, в котором теперь слышалась тревога, крикнул:

— Нам не велено вступать в отношения с Алакетом! Ждите, пока известим начальника! — И добавил с угрозой: — Не смейте приближаться к завалу: засыплем стрелами!

Отъехав на несколько шагов назад, всадники начали совещаться.

— Видишь, почтенный Алакет, — сказал Ак-Тегин, — ничего у нас не

выйдет. Народ не захочет слушать тебя, ибо он покорен слову бега и старейшин. Так и должно быть. Ты же видишь, эти люди за завалом не хотят иметь с тобой никакого дела.

— Нет, почтенный Ак-Тегин, — нахмурил брови Алакет, — народ будет говорить со мной! Алт-бег боится и потому расставил на подступах к лагерю людей из своей личной стражи. Но и они недостаточно надежны. Ты думаешь, почему начальник караула запретил нам приближаться к завалу? Он боится, что наши речи зажгут сердца его воинов!

В это время послышался цокот копыт, и трое кыргызов на конях легко перемахнули через завал навстречу Алакету и его спутникам. Впереди мчался старый одноглазый полководец с нашитыми на кожаный халат железными пластинками. Его сопровождали два молодых воина. Лицо полководца сияло радостью:

— Алакет! Сынок!

Алакет широко раскрыл объятия:

— Кюль-Сэнгир! Отец!

Но Кюль-Сэнгир, не доехав до Алакета, словно наткнувшись на что-то, сдержал коня. Лицо его стало равнодушно суровым и, отведя взгляд в сторону, он смущенно сказал:

— Почтенный Алакет, прибыл ли ты врагом или другом, нам не велено пропускать тебя в лагерь! Так возвращайся добром назад и не вынуждай нас братья за оружие!

— Отец, — поднял руку Алакет. — Я не хочу и не буду проливать кровь моих друзей, тех, чью жизнь и достояние защищал я во время хуннских войн! Но скажи, ты передал мне волю тюльбарийского войска? Оно не хочет говорить со мной?

— Таков приказ Алт-бега! — глухо, через силу произнес Кюль-Сэнгир. — В походе я повинуюсь полководцу!

— Хорошо, — продолжал Алакет, — тогда ответь мне, о достойный Кюль-Сэнгир, всегда ли священна воля племени?

— Да, — отозвался старый полководец, еще не совсем понимая, куда клонит динлин, — всегда и всюду!

— Так, — перешел в наступление Алакет. — Мне известно, что за этими горами в котловине стоит не только дружина бега! Все племя тюльбари, теснимое хуннами, подошло вплотную к границам Динлина... Можешь ли ты, почтенный, дать клятву перед богами, что племя тюльбари не желает услышать мои слова? — И видя, что Кюль-Сэнгир потупившись молчит, добавил: — Напротив, отец, верю — ты готов поклясться, что оно хочет вступить в переговоры с нами!

— Почтенный начальник! — не выдержал один из сопровождающих Кюль-Сэнгира воинов. — Пропусти Алакета в стан! Ведь он пришел с миром!

— Мальчишка! — рявкнул старик. — Как смеешь давать советы старшим?

Воин шарахнулся в сторону, но Алакет улыбнулся и тихо сказал:

— Отец! Отец, я слышу слово твоего племени. Неужели ты, достойнейший из кыргызов, пойдешь против народа в угоду бегу?

Мучительные сомнения отразились на морщинистом лице старого полководца, и он воскликнул:

— Ох, Алакет, зачем только свалился ты сейчас на мою седую голову? Ты же знаешь, что тебе открыто сердце каждого кыргыза! Духи племени видят: я не в силах преградить тебе путь! Ступай со своими спутниками в стан Тюльбари, но пусть ваши воины останутся здесь и, кроме вас, ни один динлин не переступит завала. А вы, — он повернулся к страже, охраняющей тропу, — отправляйтесь со мной и почтенным Алакетом и, если хоть волос упадет с его головы, берегитесь гнева старого Кюль-Сэнгира!

— Благодарю тебя, отец, — низко склонился в седле Алакет, — благодарю от всех племен земли Динлин и от всех кыргызов тоже. Не бойся за судьбу завала. Те динлины, которые со мной, — все наши с тобой боевые друзья и соратники. — И, повернувшись к своему отряду, он воскликнул: — Братья, слышали вы, что сказал достойный отец Кюль-Сэнгир? Храните же тропу и не пропускайте по ней никого к стану Тюльбари! Пусть возглавит вас Тубар из рода Орла.

И в то время как воины Алакета заняли проход, охраняя своего врага Алт-бега от непрошенных пришельцев, кыргызы Кюль-Сэнгира, возглавляемые старым полководцем, последовали за Алакетом и Бандыром. Вскоре дорога снова пошла под уклон, тропа расширилась, и взгляду Алакета и его спутников предстала обширная, сверкающая на солнце заснеженная котловина, на которой яркими пятнами виднелись серые, черные, бурые войлочные кибитки. Сизые дымы стелились над лагерем тюльбарийцев. Вокруг стойбища виднелись темные массы стад. Со стороны стана навстречу прибывшим устремилась группа вооруженных всадников. Узнав Кюль-Сэнгира, они придержали коней, и один из них крикнул:

— С чем прибыл, славный полководец?

— Привел почтенных гостей! — откликнулся Кюль-Сэнгир. — Дорогу Алакету!

Алакет увидел, как замерли в седлах всадники, ошеломленные неожиданной вестью, и вихрем промчался к крайним юртам.

Не доезжая до них несколько шагов, он взял из рук Бандыра боевой рог, и густой хриплый рев наполнил окрестности и эхом покатился по горам. Из юрт начали выскакивать вооруженные люди. Тревожно оглядываясь, они бежали туда, откуда неслись звуки рога. Толпа прибывала с каждой минутой. Скоро появились конные, примчавшиеся с противоположного конца стана.

И удивительное передавалось из уст в уста: «Явился Алакет! Явился с миром! Явился несмотря на грозный запрет Алт-бега! Явился всего лишь с двумя друзьями, не пролил крови ни одного кыргыза... И стража во главе с самим Кюль-Сэнгиром не посмела преградить ему путь! Это ли не чудо?» Алакет видел тревожное ожидание на лицах людей, но вместе с тем и радостную надежду...

Когда морю людских голов не стало видно конца, Алакет поднял обе руки над головой, и мертвая тишина воцарилась на равнине.

— Люди племени тюльбари! — начал Алакет. И толпа приглушенно загудела. Передние передавали слова говорящего задним, которые не могли его слышать.

— Люди племени тюльбари! Не одно поколение динлинов мирно жило в земле кыргызов. Многие роды кыргызов и сейчас живут братьями в наших горах. Но земля кыргызов могла бы прокормить впятеро больше динлинов. Земля же Динлин без ущерба вместит еще вдесятеро больше кыргызов. Что же заставило вас поднять против нас оружие?

Алакет взглянул кругом. На лицах людей отражалось недоумение. В эту минуту им действительно казалось нелепым вооруженное нашествие на Динлин.

— Братья! — продолжал Алакет. — Обоим нашим народам грозит беда с юга! Как же случилось, что сильнейшее и храбрейшее из кыргызских племен оказалось спиной к хуннам, а остриями копий и лезвиями мечей к своему другу — народу Динлин?

В это время на дальнем конце поля послышался шум. Он приближался. Толпа начала волноваться. Алакет посмотрел в ту сторону и закусил губу. Сквозь ряды кыргызов в сопровождении самых преданных телохранителей приближался на белом коне Алт-бег. Справа от него двигался его сын Алтамыш, слева — Кенгир-Корсак. Мрачное лицо повелителя не предвещало ничего доброго. Алакет понял, что настал решающий момент.

— Братья кыргызы! — с новой силой зазвучал его голос. — Не

забывайте дружбу, скрепленную кровью! Вспомни, Яглакар, — обернулся он к высокому пожилому кыргызу, стоявшему в ближних рядах, — вспомни, как спас я твоего тяжело раненного брата в бою с войском Ойханкагана. А ты, почтенный отец Кюль-Сэнгир, затем ли потерял ты свой глаз, спасая меня от вражеской стрелы, чтобы теперь самому вонзить стрелу мне в сердце? А ты, славный Энень-Кюль, помнишь ли, как в бою с хуннами нас окружили воины врага? Кони наши пали, и мы, став спиною друг к другу, отражали натиск людей кагана, защищая друг друга, пока не подоспела помощь! Неужели теперь ты повернешься спиной к своему врагу кагану, чтобы вонзить меч в спину мне — твоему другу?

Всего лишь несколько человек отделяли Алт-бега от Алакета. Сжимая копье, глава тюльбарийцев рванулся к Алакету, но в этот момент Кенгир-Корсак, приблизив лицо к уху повелителя, тревожно зашептал:

— Брат, остерегись! Сердца людей не на твоей стороне. Взгляни на их лица... Вспомни: немногие беги, потеряв власть, сохраняли жизнь!

Алт-бег скрипнул зубами. Проклятие! Кажется, этот выскочка динлин снова одержал верх над ним. Но когда он приблизился к Алакету, лицо его было спокойно и величественно:

— Мир тебе, почтенный Алакет! Я рад видеть тебя гостем в моем стане. Племя тюльбари хочет дружбы и родства с народом Динлин. Да будет так! Пусть дружба наша станет крепкой, как скалы Динлина, и несокрушимой, как воин Тюльбари! И пусть трепещут хунны! Обменяемся с тобой оружием, славный динлин!

Алакет облегченно вздохнул. Подняв руку, он протянул Алт-бегу рукоять своего клевца, а затем с низким поклоном принял меч тюльбарийца. Огромная, блистающая под солнцем серебряная котловина огласилась торжествующими возгласами кыргызов. Алакет смотрел в горящие радостью глаза и думал: «Это только начало. Сколько таких испытаний выпадет еще на долю этих сильных, смелых, трудолюбивых людей?! Но воля их преодолет все!»

Глава XVII

Хунны больше не вернутся

Весеннее солнце укрылось за сизо-белым щитом облаков, посылая из-за него стрелы золотистых лучей на первую зелень весенней степи. Желтый суслик столбиком стоял на холме. Над землей звучала заливи́стая песнь жаворонка.

Внезапно жаворонок умолк. Суслик потянул ноздрями и нырнул в норку.

С юга, надсадно каркая, появилась стая воронов. Что привлекло их сюда? Какую добычу видели их зоркие, немигающие глаза?

Вскоре на горизонте возникла сплошная стена пыли. Ее взбили тысячи копыт, вытаптывая первую робкую зелень. Всадники в овчинах, пестрых халатах, некоторые в чешуйчатой броне, одни на лошадях, другие на верблюдах, третьи на быках зловещей лавиной двигались на север.

Частый лес копий, бронзовых значков, бунчуков, покачиваясь, плыл над степью. В центре войска среди приближенных и полководцев ехал желтоглазый молодой крепыш в позолоченном железном нагруднике, шапке из белого войлока, украшенной золотым ободком. У седла — круглый щит. На поясе меч и кинжал. Двое слуг, ехавших следом, держали над ним бунчук и церемониальный зонт.

Это был Гюйюйлишу — старший сын и наследник Чжи-чжи-кагана. Справа от него, сопровождаемый большой группой телохранителей, ехал угрюмый Тудаменгу.

— Удивления достойно, — горячился Гюйюйлишу, — что еще не все кыргызы покинули степь! Наглость их не имеет границ! Большарцы всю зиму кочевали у подножия гор. А тюльбарийцы с динлинами выходили в степь на охоту! Неужто их не устрашает близость ставки кагана и сила наших воинов, которые не раз сметали их кочевья с лица земли?

— Пусть не огорчается сын повелителя! — глухо ответил Тудаменгу. — Мы сожжем их кочевья и селения, развеем пепел по ветру, загоним в глубь северных гор, откуда они не осмелятся больше тревожить покой великого кагана!

А про себя подумал: «Теперь исполнится желание моего сердца. Я отомщу выскочке Алакету за свое поражение и швырну его скальп к копытам коня Чжи-чжи!»

Между северными горами и степью раскинулась гряда высоких холмов, поросших березовыми перелесками, которые далее сменялись лиственничным лесом. Здесь на тенистой поляне у походного костра сидели несколько воинов.

Один из них, широкоплечий, в кафтане с нашитыми на груди медными пластинами и остроконечной шапке, отороченной лисьими хвостами, — брат бега большарцев — говорил, возбужденно размахивая руками:

— Надлежит встретить хуннов в степи! Мы — последние, кто кочует на земле отцов! Ее нельзя отдавать врагам. Хунны опозорят могилы предков, а нас постигнет гнев великого Ульгения!

— Земля отцов уже в руках хуннов! — проворчал Алт-бег, сидящий на красном вышитом чепраке напротив большарца. — Нашей родиной стал Динлин, хотим мы этого или нет! Я не буду губить воинов, чтобы сохранить степь для большарцев. Хуннов надлежит заманить в горы и здесь уничтожить!

— Хунны могут и не пойти в горные теснины, — отозвался Бандыр. Он сидел на обрубке дерева и пристально смотрел на огонь костра, словно искал в языках пламени ответ на вопрос, мучивший сердца полководцев. — Хунны не раз терпели здесь поражения, — продолжал он в раздумье. — Но если позволить им кочевать в предгорьях, они будут постоянно тревожить нас набегами...

Все взгляды обратились на Алакета. В этом походе он возглавлял объединенное войско динлинов, кыргызов, ухуаньцев. Часть ухуаньского отряда составляли рабы, освобожденные по настоянию Алакета знатью нескольких динлинских родов. Алакет стоял поодаль от костра, прислонившись к березе.

— А что скажешь ты, Юй? — спросил он молодого воина, возглавлявшего бывших рабов.

Алт-бег недовольно передернул плечами. Можно ли ставить вчерашнего раба вровень со знатными полководцами?

Но Алакет сделал вид, что ничего не заметил, и ожидающе смотрел на Юя.

— Я, конечно, молод и не имею мудрости большого полководца, — смущенно ответил Юй, — но думаю, что нельзя позволить врагу оставаться рядом с землей Динлин. Я думаю, надо выйти в степь и отбросить хуннов.

— Ты прав, — кивнул Алакет. — Тудаменгу не допустит, чтобы хунны углубились в горы, где мы можем лавинами камней уничтожить отборное войско кагана. Но кочевья хуннов останутся в предгорьях, и нам не будет

покоя от нашествий и набегов. Поэтому надлежит выйти в степь, но не для того, чтобы охранять улусы бега большарцев, а чтобы отбросить хуннов возможно дальше от владений динлинов и... — Он посмотрел на Алт-бега и кыргызов.

— Но ведь хунны числом превосходят нас почти вчетверо! — воскликнул старейшина Ак-Тегин. Он стоял недалеко от Алакета.

— Более половины их воинов — из племен, покоренных хуннами, — ответил Алакет. — Они будут биться с нами только по принуждению или в надежде на добычу! Наши же воины отстаивают свои семьи, имущество и свободу, — он взглянул на Юя, — а это намного укрепит их смелость и силу. Но если даже Хунны потеснят нас, за нашими плечами родные горы. В них мы укроемся, а хунны не решатся следовать за нами. Мы же снова можем напасть на них!

Тудаменгу хорошо были известны смелость и военное искусство Алакета. И тем не менее он был удивлен, когда ранним утром телохранитель, прибежавший к его юрте, воскликнул: «О, достойный! Динлины вышли в степь!» Мелькнула мысль: «На что они надеются? Их намного меньше нас! Или это обман? И в горных лесах стоят наготове динлинские отряды, о которых Тудаменгу ничего неизвестно?»

Вскочив на коня, Тудаменгу поскакал к шатру Гюйюйлишу, бросая на ходу сопровождавшим его начальникам отрядов и телохранителям:

— Трубить в рога! Войску стать в три линии! Отрядам правой и левой руки охватить вражеское войско клещами! Лучшим смельчакам на верблюдах зайти в спину динлинам — отрезать их от гор!

Сын кагана в боевых доспехах, сопровождаемый приближенными и телохранителями, уже скакал навстречу Тудаменгу. Вместе они направились к холму, с которого хорошо было видно поле боя.

Они видели, как из леса в степь выезжали отряды динлинов и кыргызов и двигались навстречу войску хуннов. Да, их было меньше, чем воинов кагана. Но сколько их таилось в лесу?

Этого не знали хуннские полководцы.

Динлины и кыргызы мчались навстречу хуннам.

В первых рядах были воины-большарцы. Их вели в бой ненависть к вековому врагу и желание отстоять север родной страны, еще не захваченный хуннами...

В сопровождении отряда телохранителей Алакет и Алт-бег поднялись на возвышенность.

За ними раскинулся лес, а впереди расстилалась степь. Сегодня на ее

просторах решалась судьба многих племен.

И вот войска сошлись. Засверкали мечи, клевцы, опустились смертоносные жала копий...

Алакет с тревогой видел, что хуннские отряды правой и левой руки охватывают крылья его войска. А справа в спину союзникам пытались пробиться вражеские всадники на верблюдах.

Алакет взмахом руки приказал приблизиться одному из телохранителей:

— Скачи в лес к Бандыру. Скажи: пусть пошлет своих всадников на верблюдах наперерез хуннам!

И обратившись к Алт-бегу, добавил:

— Тудаменгу самонадеян. Он не думает, что мы тоже можем посадить своих воинов на верблюдов!

Вскоре из леса выехали верхом на верблюдах воины Бандыра.

Бой разгорелся с новой силой.

Звон оружия, боевые возгласы, хриплый вой рогов оглашали степь.

Пытаясь окружить динлинов превосходящими силами, хунны чересчур растянули свои линии.

— Видишь? — указал Алакет мечом на дальний холм, где стояли хуннские военачальники. — Если бросить сюда отряд сильных и смелых воинов, можно прорвать ряды врагов и кончить сражение одним ударом.

— Ты сделаешь это сам? — спросил Алт-бег, не сумев скрыть зависть, мелькнувшую в зеленых глазах.

— В знак дружбы дарю этот подвиг тебе, почтенный! — ответил Алакет. Глаза Алт-бега сверкнули радостью.

— Олжай! Яглакар! Собрать моих телохранителей.

Миг — и телохранители Алт-бега на конях.

Бросившись вперед, они прорвали передовую линию хуннского войска, вторую, третью...

Тудаменгу видит приближающихся тюльбарийцев. Их не остановить. На холме слишком мало воинов.

— Сын кагана! — Тудаменгу склонил голову. — Среди врагов бег тюльбарийцев. Дозволь мне вызвать его на поединок!

— Нет! — Гюйюлишу нахмурился. — Если среди них Алт-бег, на поединок вызову его я!

— Прости меня, сын кагана! Но Алт-бег недостойн скрестить меч с человеком твоего сана. Потомок Модэ может вступить в поединок лишь с владыкой державы, равной Хунну. Я же по сану равен князю тюльбарийцев!

Гюйюйлишу недовольно передернул плечами, но промолчал, и Тудаменгу с несколькими воинами помчался навстречу тюльбарийцам.

Когда отряды сблизились, один из хуннских воинов затрубил в рог, и Тудаменгу воскликнул:

— Эй, бег! Не желаешь ли скрестить оружие с вождем хуннов, равным тебе?

Обе стороны опустили оружие, и бег ответил:

— Если, старый лис, ты ищешь смерти на поле брани, я окажу тебе такую услугу!

— Не суди поспешно! — ответил Тудаменгу и, подняв меч, бросился на Алт-бега.

В мгновение ока он перерубил древко клевца, подаренного Алт-бегу Алакетом.

Но Алт-бег выхватил меч и продолжал бой.

Тудаменгу, несмотря на преклонные годы, сохранял былую силу и ловкость. Противники бились ожесточенно, но поединок затягивался. Оба были ранены. Хуннские и тюльбарийские телохранители ждали конца поединка.

И вот Алт-бег мечом нанес страшный удар по мечу противника и выбил его из руки Тудаменгу. Тогда старый полководец заставил встать на дыбы коня и, подняв обеими руками бронзовый щит, обрушил его на голову не успевшего уклониться бега. Тот в беспамятстве свалился с седла, и следом за ним рухнул ослабевший от потери крови Тудаменгу.

Оба отряда телохранителей, подобрав раненых вождей, помчались в разные стороны: в этом поединке никто не добился победы.

К ночи оба войска, истощенные потерями, отошли на исходные рубежи, чтобы поутру возобновить бой.

Очнувшийся Алт-бег жаждал вновь помериться силой с хуннским военачальником. Впервые за столько лет не одолеть противника, пусть и многоопытного?..

Если бы он, Алт-бег, уничтожил или пленил вражеских военачальников, слава победы над хуннами досталась бы ему. Тогда бег тюльбарийцев снова возвысился бы над этим Алакетом с его динлинами.

Что до Тудаменгу, он был доволен тем, что уберег хуннов от разгрома. Правда, он недооценил упорство, смелость и находчивость союзного войска. Что ж, завтра это можно исправить.

В юрту Тудаменгу заглянул телохранитель, замер в поклоне:

— Почтенный! Сын кагана зовет тебя!

Тудаменгу не мог идти. Телохранители перенесли его в шатер

Гюйюйлишу и осторожно опустили на ковер, положив под плечи вышитую подушку.

Сын кагана сидел на белой кошме, окруженный придворными. У входа, почтительно склонив голову, стояли два гонца в запыленных халатах.

— Повторите вести! — отрывисто бросил Гюйюйлишу и переглянулся с Тудаменгу.

— О, сын великого кагана, — начал первый гонец, — я поведал тебе о том, что послан твоим военачальником с далекого запада. На помощь Алакету ведут своих воинов вожди исседонов. Очень скоро, может быть к утру, они будут здесь...

— Достаточно, — отрезал Гюйюйлишу, — говори теперь ты.

— О, ясноликий наследник каганского престола, — сказал второй гонец, — меня послал твой несравненный отец! К ставке кагана с востока приближаются ухуаньцы. Их ведет знаменитый вождь Гюйлухой. Наши отряды, преграждавшие ему путь, разбиты. В ставке мало воинов...

— Довольно! — воскликнул сын кагана. — Немедленно поднять войско. Надо спешить к ставке — на помощь отцу!

Он посмотрел на Тудаменгу. Тот кивнул.

В юрте Алакета тоже не спали. Вокруг очага сидели хозяин юрты, Тубар, Бандыр, Ак-Тегин и другие вожди динлинов, кыргызов и ухуаньцев. Здесь же был Алт-бег, который уже чувствовал себя бодрее.

Военачальники слушали пожилого человека в коротком кожаном халате и белой остроконечной шапке — посланца исседонов.

— Наше войско приближается к рубежам Динлина, — говорил посланец, — ведут его наши старейшины и динлин Кайгет. Скоро они будут здесь. Кайгет шлет военачальнику Алакету поклон. К нему прибыл с юга гонец ухуаньского вождя Гюйлухой. Гюйлухой поднял против хуннов южные племена и идет на ставку кагана.

— Час настал! — сказал Алакет. — Это добрые вести! Несите в юрту чегень.

И скоро чаша с чегенем пошла по кругу.

Настало солнечное утро. Вожди вышли из юрты и поднялись на холм. Хуннского войска не было видно, словно оно растаяло, как дым. Только стая воронов вилась над степью.

Алакет глубоко вдохнул свежий утренний воздух и, улыбаясь, обернулся к спутникам:

— Свершилось! Хунны больше не вернуться!

1976–1980 гг.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

Хунны (гунны). — Племя, создавшее в III веке до новой эры на территории Монголии и Южной Сибири могущественную полукочевую империю. В середине I века до новой эры держава хуннов в результате междоусобных войн и восстаний покоренных племен распалась.

Динлин. — Европеоидное племя, обитавшее в древности на юге Сибири. В III веке до нашей эры были покорены хуннами. Неоднократно поднимали восстания против своих поработителей. В дальнейшем вошли как составная часть в хакасскую народность.

Кыргызы. — Тюркское племя, жившее в древности в Северной Монголии в районе озера Хиргис-нур. В I веке до новой эры под натиском хуннов переселились на территорию современной Южной Сибири, где впоследствии, смешавшись с коренным населением — динлинами, положили начало некоторым тюркским народам Южной Сибири (в том числе — хакасам).

Ухуань. — Племя, жившее на востоке современной Монголии. В III веке до новой эры было покорено хуннами.

Грифоны. — Фантастические существа с телом барса, головой и крыльями орла-грифа. Излюбленный образ в изобразительном искусстве динлинов.

Хорезм. — Древнее среднеазиатское государство в междуречье Амударьи и Сырдарьи.

Согдийское вино, т. е. из Согдианы. Согдиана — древняя страна в Средней Азии, расположенная на территории юго-восточных районов современного Узбекистана. Славилась винами и конями.

Элей (Вейлюй). — Выходец из степного рода, поставленный хуннами в конце II в. до н. э. наместником у динлинов.

Клевец (чекан). — Боевой молот на длинной рукояти с острой ударной частью.

Небесная лосиха. — Небесным лосем или лосихой у многих народов Сибири считалось созвездие Большой Медведицы.

Каган. — Титул правителя (царя) державы хуннов.

Узун-Дугай (Уцзи-Дуюй). — Князь из рода хуннских каганов, пытавшийся в 57-м и 56-м годах до новой эры завладеть хуннским престолом, второй раз — при поддержке динлинов.

Тамга. — Знак собственности, первоначально родовой, затем семейный и наконец личный. Ставился на различных предметах, оружии, а также выжигался на коже (шкуре) животных (тавро) либо вырезался на их ушах. Тамговый знак мог служить своеобразным удостоверением, пропуском, подтверждением полномочий.

Модэ. — Каган (209–174 годы до новой эры) — основатель хуннского могущества. Завоевал Туркестан от Хами до Тянь-Шаня.

Массагеты. — Среднеазиатское племя скифского происхождения. В начале III века до новой эры хунны были подвластны массагетам. Каган Модэ начал войну с массагетами, разгромил их и изгнал на запад.

Ойхан (Хуханье). — Хуннский каган (58–31 годы до нашей эры). Вел долгую междоусобную борьбу со своим братом Хутуусом (Чжи-чжи-каганом). При нем начался распад державы хуннов.

Меч-море. — Старинное название озера Байкал.

Чжуки-князь. — Титул высших сановников в империи Хунну. Обычно наследник хуннского престола носил титул восточного чжуки-князя. Следующим по рангу был западный чжуки-князь. Одно время наместник земли Динлин носил титул западного чжуки-князя.

Исседоны. — Скифское племя, жившее на территории Восточного Казахстана и Киргизии. С конца II века до новой эры поддерживало дружественные связи с динлинами и вело войны с хуннами. Временами попадало в зависимость от хуннских каганов.

Котец. — Запор, деревянное сооружение, перегораживающее реку для рыбной ловли.

Лули-князь. — Титул в империи Хунну. Был следующим по рангу за чжуки-князем. Различались два лули-князя — западный и восточный.

Тесло. — Род топора с лезвием, расположенным поперек топорища.

Магадха. — Древнее государство в Северной Индии.

Илоу. — Древняя страна, находившаяся на территории современного Приморского края.

Сяньбийцы. — Сяньби — отдаленные предки монголов.

Ажо. — Верховный правитель (хан) кыргызов.

Орхонская ставка. — Ставка хуннских каганов, находилась на реке Орхон (Восточная Монголия).

Большар, белиг, ач. — Кыргызские племена.

Бунчук. — Знак достоинства военачальника, древко с укрепленным наверху конским хвостом.

Тюркюты. — Народ тюркского происхождения, обитавший в Южной Сибири.

Авары. — Древний монголоязычный народ.

Мусу (люцерна). — Разводилась в древности в Средней Азии.

Чжулэй-Кюитан. — Сын кагана Ойхана. Западный чжуки-князь.

Хуань-князь. — Один из приближенных Ойхана. Отец двух жен кагана.

Чжи-чжи (Хутуус). — Хуннский каган (56–33 годы до новой эры). Долгое время вел междоусобную войну за власть со своим братом Ойханом.

Уянь-Гюйди. — Хуннский каган 60–58 годов до новой эры. Пытался в борьбе с сепаратистскими стремлениями хуннских князей и старейшин укрепить единство распадающейся державы массовыми преследованиями и казнями непокорных вельмож. Погиб в результате восстания, поднятого против него хуннской знатью.

Гюйюлишу. — Сын Чжи-чжи-кагана, носил титул Западного великого предводителя.